ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

И. С. ТУРГЕНЕВА

въ 12 томахъ.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

9

Приложеніе къ журналу „Нива“ за 1898 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1898.

Типографія А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., № 1.

КЛАРА МИЛИЧЪ.

(повѣсть.)

I.

Весной 1878 года, проживалъ въ Москвѣ, въ небольшомъ деревянномъ домикѣ на Шаболовкѣ — молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-пяти, по имени Яковъ Аратовъ. Съ нимъ проживала его тетка, старая дѣвица, лѣтъ пятидесяти слишкомъ, сестра его отца, Платонида Ивановна. Она завѣдывала его хозяйствомъ и вела его расходы, на что̀ Аратовъ совершенно не былъ способенъ. Другихъ родныхъ у него не было. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, отецъ его, небогатый дворянчикъ Т....ой губерніи, переѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ нимъ и Платонидой Ивановной, которую, впрочемъ, всегда звалъ Платошей; и племянникъ такъ же ее звалъ. Покинувъ деревню, въ которой они всѣ до тѣхъ поръ постоянно жили, старикъ Аратовъ поселился въ столицѣ съ цѣлью помѣстить сына въ университетъ, къ которому самъ его подготовилъ; купилъ за безцѣнокъ домикъ въ одной изъ отдаленныхъ улицъ и устроился въ немъ со всѣми своими книгами и „препаратами“. А книгъ и препаратовъ у него было много— ибо человѣкъ онъ былъ не лишенный учености... „чу-

такъ преестественный“, по словамъ сосѣдей. Онъ даже слылъ у нихъ чернокнижникомъ: даже прозвище получилъ „инсектонаблюдателя“. Онъ занимался химіей, минералогіей, энтомологіей, ботаникой и медициной; лѣчилъ добровольныхъ паціентовъ травами и металлическими порошками собственнаго изобрѣтенія, по методѣ Парацельсія. Этими самыми порошками онъ свелъ въ могилу свою молоденькую, хорошенькую, но ужъ слишкомъ тоненькую жену, которую любилъ страстно, и отъ которой имѣлъ единственнаго сына. Тѣми же металлическими порошками онъ порядкомъ попортилъ здоровье также и сына, которое, напротивъ, желалъ подкрѣпить, находя въ его организмѣ анемію и склонность къ чахоткѣ, унаслѣдованныя отъ матери. Имя „чернокнижника“ онъ, между прочимъ, получилъ отъ того, что считалъ себя правнукомъ—не по прямой линіи, конечно, — знаменитаго Брюса, въ честь котораго онъ и сына назвалъ Яковомъ. Человѣкъ онъ былъ, что̀ называется, „добрѣйшій“, но нрава меланхолическаго, копотливый, робкій,—склонный ко всему таинственному, мистическому... Полушопотомъ произнесенное:—А! было его обычнымъ восклицаніемъ; онъ и умеръ съ этимъ восклицаніемъ на устахъ,— года два спустя послѣ переселенія въ Москву.

Сынъ его, Яковъ, наружностью не походилъ на отца, который былъ некрасивъ собою, неуклюжъ и неловокъ; онъ скорѣй напоминалъ свою мать. Тѣ же тонкія, миловидныя черты, тѣ же мягкіе волосы пепельнаго цвѣта, тотъ же маленькій носъ съ горбиной, тѣ же выпуклыя, дѣтскія губки—и большіе, зеленовато-сѣрые глаза съ поволокой и пушистыми рѣсницами. Зато нравомъ онъ походилъ на отца;—и несхожее съ отцовскимъ лицо носило отпечатокъ отцовскаго выраженія — и руки имѣлъ онъ узловатыя, и впалую грудь, какъ старикъ Аратовъ, котораго, впрочемъ, едва ли слѣдуетъ называть старикомъ, такъ какъ онъ и до пятидесяти лѣтъ не дотянулъ. Еще при жизни его Яковъ поступилъ въ университетъ, по физико-математическому факультету; однако, курса не кончилъ — не по лѣности, а потому, что, по его поня-

тіямъ, въ университетѣ не узнаешь больше того, чему можно научиться и дома; а за дипломомъ онъ не гонялся, такъ какъ на службу поступить не разсчитывалъ. Онъ дичился своихъ товарищей, почти ни съ кѣмъ не знакомился, въ особенности чуждался женщинъ, и жилъ очень уединенно, погруженный въ книги. Онъ чуждался женщинъ, хотя сердце имѣлъ очень нѣжное и плѣнялся красотою... Онъ даже пріобрѣлъ роскошный англійскій кипсэкъ — и (о, позоръ!) любовался „украшавшими“ его изображеніями разныхъ восхитительныхъ Гюльнаръ и Медоръ... Но его постоянно сдерживала прирожденная стыдливость. Въ домѣ онъ занималъ бывшій отцовскій кабинетъ, который былъ также его спальней; и постель его была та же самая, на которой скончался его отецъ.

Великимъ подспорьемъ всего его существованія, неизмѣннымъ товарищемъ и другомъ, была ему его тетка, та Платоша, съ которой онъ едва ли мѣнялся десятью словами въ день, но безъ которой онъ не могъ бы ступить шагу. Это было длинноликое, длиннозубое существо, съ блѣдными глазами на блѣдномъ лицѣ, съ неизмѣннымъ выраженіемъ не то грусти, не то озабоченнаго испуга. Вѣчно одѣтая въ сѣрое платье и сѣрую шаль, отъ которой пахло камфарой, она скиталась по дому, какъ тѣнь, неслышными шагами; вздыхала, шептала молитвы — особенно одну, любимую, состоявшую всего изъ двухъ словъ: „Господи, помози!“ — и очень дѣльно распоряжалась по хозяйству, берегла каждую копейку и все закупала сама, Племянника своего она обожала; постоянно кручинилась объ его здоровьѣ—всего боялась—не за себя, а за него— и, бывало, чуть что̀ ей покажется, сейчасъ тихонько подойдетъ и поставитъ ему на письменный столъ чашку грудного чаю, или погладитъ его по спинѣ своими мягкими, какъ вата, руками. Яковъ не тяготился этимъ ухаживаньемъ, — грудного чаю, однако, не пилъ — и только одобрительно покачивалъ головою. Впрочемъ, здоровьемъ онъ тоже похвастаться не могъ. Очень онъ былъ впечатлителенъ, нервенъ, мнителенъ, страдалъ сердцебіеньемъ. иногда одышкой; подобно отцу, вѣрилъ, что существуютъ

въ природѣ и въ душѣ человѣческой тайны, которыя можно иногда прозрѣвать, но постигнуть — невозможно; вѣрилъ въ присутствіе нѣкоторыхъ силъ и вѣяній, иногда благосклонныхъ, но чаще враждебныхъ... и вѣрилъ также въ науку, въ ея достоинство и важность. Въ послѣднее время онъ пристрастился къ фотографіи. Запахъ употребляемыхъ при этомъ снадобій очень безпокоилъ старуху-тетку — опять-таки не для себя, а для Яши, для его груди; но, при всей мягкости нрава, въ немъ было не мало упорства — и онъ настойчиво продолжалъ полюбившееся ему занятіе. „Платоша“ покорилась, и только пуще прежняго вздыхала и шептала: „Господи, помози!“ глядя на его окрашенные іодомъ пальцы.

Яковъ, какъ уже сказано, чуждался товарищей; однако съ однимъ изъ нихъ сошелся довольно близко и видалъ его часто, даже послѣ того, какъ этотъ товарищъ, выйдя изъ университета, поступилъ на службу, мало, впрочемъ, обязательную: онъ, говоря его словами, „примостился“ къ постройкѣ Храма Спасителя, ничего, конечно, въ архитектурѣ не смысля. Странное дѣло: этотъ единственный пріятель Аратова, по фамиліи Купферъ, нѣмецъ до того обрусѣвшій, что ни одного слова по-нѣмецки не зналъ и даже ругался „нѣмцемъ“, — этотъ пріятель не имѣлъ съ нимъ, повидимому, ничего общаго. Это былъ чернокудрый, краснощекій малый, весельчакъ, говорунъ и большой любитель того самаго женскаго общества, котораго такъ избѣгалъ Аратовъ. Правда, Купферъ и завтракалъ, и обѣдалъ у него частенько — и даже, будучи человѣкомъ небогатымъ, занималъ у него небольшія суммы; но не это заставляло развязнаго нѣмчика прилежно посѣщать укромный домикъ на Шаболовкѣ. Душевная чистота, „идеальность“ Якова ему полюбилась, быть-можетъ, какъ противорѣчіе тому, что онъ каждый день встрѣчалъ и видѣлъ; — или, быть-можетъ, въ этомъ самомъ влеченіи къ „идеальному“ юношѣ сказывалась его все-таки германская кровь. А Якову нравилась добродушная откровенность Купфера; да кромѣ того, разсказы его о театрахъ, о концертахъ, о балахъ, гдѣ онъ былъ завсегдатаемъ, —

вообще, о томъ чуждомъ мірѣ, куда Яковъ не рѣшался проникнуть—тайно занимали и даже волновали молодого отшельника, не возбуждая, впрочемъ, въ немъ желанія извѣдать все это собственнымъ опытомъ. И Платоша жаловала Купфера; правда, она находила его иногда чрезчуръ безцеремоннымъ, но инстинктивно чувствуя и понимая, что онъ искренно привязанъ къ ея дорогому Яшѣ, она не только терпѣла шумнаго гостя, но благоволила къ нему.

II.

Въ то время, о которомъ идетъ наша рѣчь, обрѣталась въ Москвѣ нѣкая вдова, грузинская княгиня, — личность неопредѣленная, почти подозрительная. Ей было уже подъ сорокъ лѣтъ; въ молодости она, вѣроятно, цвѣла той особенной восточной красотой, которая такъ скоро блекнетъ; теперь она бѣлилась, румянилась и красила волосы въ желтую краску. О ней ходили разные, не совсѣмъ выгодные и не совсѣмъ ясные слухи; мужа ея никто не зналъ—и ни въ одномъ городѣ она подолгу не живала. Ни дѣтей, ни состоянія у ней не было; но она жила открыто—въ долгъ или иначе; держала, какъ говорится, салонъ и принимала довольно смѣшанное общество—бо̀льшей частью молодежь. Все въ ея домѣ, начиная съ собственнаго ея туалета, мебели, стола—и кончая экипажемъ и прислугой — носило печать чего-то недоброкачественнаго, поддѣльнаго, временного... но и сама княгиня, и ея гости, повидимому, ничего лучшаго не требовали. Княгиня слыла любительницей музыки, литературы, покровительницей артистовъ и художниковъ; да и дѣйствительно интересовалась всѣми этими „вопросами“ — даже до восторженности — и до восторженности, не совсѣмъ напускной. Эстетическая жилка въ ней несомнѣнно билась. Къ тому же, она была очень доступна, любезна, безъ чванливости и ломанія — и, чего многіе не подозрѣвали — въ сущности очень добра, мягкосердечна и снисходительна... Качества рѣдкія—и тѣмъ болѣе дорогія—именно въ подобнаго рода личностяхъ? — „Пустая баба!“ выразился о

ней одинъ умникъ — „а въ рай попадетъ непремѣнно! Потому: все прощаетъ — и ей все простится!“ О ней говорили также, что когда она исчезала изъ какого-нибудь города—она всегда оставляла въ немъ столько же заимодавцевъ, сколько людей облагодѣтельствованныхъ ею. Мягкое сердце въ какую хочешь сторону гнется.

Купферъ, какъ и слѣдовало ожидать, попалъ въ ея домъ — и сталъ къ ней близкимъ... злые языки увѣряли: слишкомъ близкимъ человѣкомъ. Самъ же онъ всегда отзывался о ней не только дружески, но съ уваженіемъ; величалъ ее золотою женщиной—что̀ тамъ ни толкуй! — и твердо вѣрилъ и въ ея любовь къ искусству, и въ пониманіе ею искусства!—Вотъ, однажды, послѣ обѣда, у Аратовыхъ, разговорившись о княгинѣ и о ея вечерахъ, онъ началъ убѣждать Якова нарушить хоть разъ свою анахоретскую жизнь и позволить ему, Купферу, представить его своей пріятельницѣ. Яковъ сперва и слушать не хотѣлъ.— Да ты что думаешь?—воскликнулъ, наконецъ, Купферъ:— о какомъ представленіи рѣчь? Просто, возьму тебя, вотъ, какъ ты теперь сидишь, въ сюртукѣ, и повезу тебя къ ней на вечеръ. Никакихъ тамъ, братъ, этикетовъ не водится! Ты, вотъ, и ученый, и литературу любишь, и музыку (у Аратова въ кабинетѣ дѣйствительно находилось піанино, на которомъ онъ изрѣдка бралъ аккорды съ уменьшенной септимой), а у ней въ домѣ всего этого добра вдоволь!.. И людей ты тамъ встрѣтишь симпатическихъ, безо всякихъ претензій! Да и, наконецъ, нельзя же въ твои годы, съ твоей наружностью (Аратовъ опустилъ глаза и махнулъ рукою)—да, да, съ твоей наружностью, такъ чуждаться общества, свѣта! Вѣдь не къ генераламъ я тебя везу! Впрочемъ, я самъ генераловъ не знаю!.. Не упирайся, голубчикъ! Нравственность — дѣло хорошее, почтенное... Но зачѣмъ же въ аскетизмъ вдаваться? Не въ монахи же ты себя готовишь!

Аратовъ, однако, продолжалъ упираться; но на подмогу Купферу неожиданно явилась Платонида Ивановна. Хотя она и не поняла хорошенько, что̀ это за слово такое: аскетизмъ? однако, тоже нашла, что Яшенькѣ не худо

развлечься, на людей посмотрѣть и себя показать.—Тѣмъ болѣе, — прибавила она: — что я увѣрена въ Ѳедоръ-Ѳедорычѣ! Въ дурное мѣсто онъ тебя не повезетъ!.. — Во всей непорочности представлю его вамъ обратно!—вскричалъ Купферъ, на котораго Платонида Ивановна, несмотря на свою увѣренность, бросала безпокойные взгляды. Аратовъ покраснѣлъ до ушей, но возражать пересталъ.

Кончилось тѣмъ, что на слѣдующій день Купферъ повезъ его на вечеръ къ княгинѣ. Но Аратовъ не долго тамъ остался. Во-первыхъ, онъ нашелъ у ней человѣкъ двадцать гостей, мужчинъ и женщинъ, положимъ, и симпатическихъ, но все-таки чужихъ; и это его стѣсняло, хотя бесѣдовать ему пришлось очень немного: а этого онъ больше всего боялся. Во-вторыхъ, сама хозяйка ему не понравилась, хотя она и приняла его очень радушно и просто. Все въ ней ему не понравилось: и раскрашенное лицо, и взбитыя кудри, и хрипловато-слащавый голосъ, визгливый смѣхъ, манера закатывать глаза подъ лобъ, излишнее декольтэ и эти пухлые, глянцовитые пальцы со множествомъ колецъ!.. Забившись въ уголъ, онъ то быстро пробѣгалъ глазами по всѣмъ лицамъ гостей, какъ-то даже не различая ихъ, то упорно глядѣлъ себѣ на ноги. Когда же, наконецъ, одинъ заѣзжій артистъ съ испитымъ лицомъ, длиннѣйшими волосами и стеклышкомъ подъ съёженной бровью, сѣлъ за рояль и, ударивъ съ размаху руками по клавишамъ, а ногой по педали, началъ валять фантазію Листа на вагнеровскія тэмы, Аратовъ не выдержалъ и улизнулъ, унося въ душѣ смутное и тяжелое впечатлѣніе, сквозь которое, однако, пробивалось нѣчто ему самому непонятное, но значительное и даже тревожное.

III.

Купферъ пришелъ на другой день обѣдать; однако, распространяться о вчерашнемъ вечерѣ не сталъ, даже не попрекнулъ Аратова за его поспѣшное бѣгство и только пожалѣлъ о томъ, что онъ не дождался ужина, за которымъ подавали шампанское! (нижегородскаго издѣлія,

замѣтимъ въ скобкахъ). Купферъ, вѣроятно, понялъ, что напрасно вздумалъ расшевелить своего пріятеля, и что Аратовъ къ тому обществу и образу жизни человѣкъ рѣшительно „не подходящій“. Съ своей стороны, Аратовъ тоже не заговаривалъ ни о княгинѣ, ни о вчерашнемъ вечерѣ. Платонида Ивановна не знала, радоваться ли неуспѣху этой первой попытки, или сожалѣть о немъ? Она рѣшила, наконецъ, что здоровье Яши могло пострадать отъ подобныхъ выѣздовъ, и успокоилась. Купферъ ушелъ тотчасъ послѣ обѣда, и цѣлую недѣлю потомъ не показывался. И не то, чтобы онъ дулся на Аратова за неудачу своей рекомендаціи—добрякъ на это не былъ способенъ, — но онъ, очевидно, нашелъ нѣкоторое занятіе, которое поглощало все его время, всѣ его помыслы, потому что и впослѣдствіи являлся рѣдко къ Аратовымъ, видъ имѣлъ разсѣянный, говорилъ мало и въ скорости исчезалъ... Аратовъ продолжалъ жить попрежнему; но какая-то, если можно такъ выразиться, закорючка засѣла ему въ душу. Онъ все что-то припоминалъ, самъ не зная хорошенько, что̀ именно, и это „что-то“ относилось къ вечеру, проведенному у княгини. Со всѣмъ тѣмъ, вернуться къ ней онъ не желалъ нисколько, и свѣтъ, часть котораго онъ улицезрѣлъ у нея въ домѣ, отталкивалъ его больше, чѣмъ когда-либо. Такъ прошло недѣль шесть.

И вотъ, въ одно утро, опять предсталъ предъ нимъ Купферъ, на этотъ разъ съ нѣсколько смущеннымъ лицомъ. — Я знаю, — началъ онъ съ принужденнымъ смѣхомъ,—что тебѣ не по вкусу пришелся твой тогдашній визитъ; но я надѣюсь, что ты все-таки согласишься на мое предложеніе... не откажешь мнѣ въ моей просьбѣ!

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ Аратовъ.

— Вотъ, видишь ли,—продолжалъ Купферъ, все болѣе и болѣе оживляясь:—здѣсь есть одно общество любителей, артистовъ, которое отъ времени до времени устраиваетъ чтенія, концерты, даже театральныя представленія съ благотворительной цѣлью...

— И княгиня участвуетъ?—перебилъ Аратовъ.

— Княгиня всегда въ добрыхъ дѣлахъ участвуетъ,—но

это ничего. Мы затѣяли литературно-музыкальное утро... и на этомъ утрѣ ты можешь услышать дѣвушку... необыкновенную дѣвушку! — Мы еще не знаемъ хорошенько: Рашель она, или Віардо?.. потому что она и поетъ превосходно, и декламируетъ, и играетъ... Талантъ, братецъ ты мой, первоклассный! Безъ преувеличенія говорю.— Такъ вотъ... не возьмешь ли ты билетъ? — Пять рублей, если въ первомъ ряду.

— А откуда взялась эта удивительная дѣвушка? — спросилъ Аратовъ.

Купферъ осклабился. — Ужъ этого я не могу сказать... Въ послѣднее время она пріютилась у княгини. Княгиня, ты знаешь, всѣмъ такимъ покровительствуетъ... Да ты ее, вѣроятно, видѣлъ на томъ вечерѣ.

Аратовъ дрогнулъ — внутренно, слабо... но ничего не промолвилъ.

— Она даже играла гдѣ-то въ провинціи,—продолжалъ Купферъ: — и вообще, она создана для театра. Вотъ, ты самъ увидишь!

— Какъ ея имя?—спросилъ Аратовъ

— Клара...

— Клара? — вторично перебилъ Аратовъ. — Не можетъ быть?

— Отчего не можетъ быть?—Клара... Клара Миличъ; это не настоящее ея имя... но ее такъ называютъ. Пѣть она будетъ Глинкинскій романсъ... и Чайковскаго, а потомъ письмо изъ „Евгенія Онѣгина“ прочтетъ.—Что жъ? берешь билетъ?

— А когда это будетъ?

— Завтра... завтра, въ половинѣ второго, въ частной залѣ, на Остоженкѣ... Я заѣду за тобой. Въ пять рублей билетъ?.. Вотъ онъ... нѣтъ — это трехрублевый. — Вотъ. Вотъ и афишка.—Я одинъ изъ распорядителей.

Аратовъ задумался. Платонида Ивановна вошла въ эту минуту и, взглянувъ ему въ лицо, вдругъ перетревожилась. — Яша, — воскликнула она: — что̀ съ тобою? Отчего ты такой смущенный? Ѳедоръ Ѳедоровичъ, что̀ вы ему такое сказали?

Но Аратовъ не далъ своему пріятелю отвѣтить на вопросъ тетки, и торопливо выхвативъ протянутый къ нему билетъ, приказалъ Платонидѣ Ивановнѣ сейчасъ выдать Купферу пять рублей.

Та удивилась, глазами заморгала... Однако, вручила Купферу деньги молча. Очень ужъ строго крикнулъ на нее Яшенька.

— Я тебѣ говорю, чудо изъ чудесъ!—воскликнулъ Купферъ, и бросился къ дверямъ.—Жди меня завтра!

— У ней черные глаза? — промолвилъ ему вслѣдъ Аратовъ.

— Какъ уголь! — весело гаркнулъ Купферъ и исчезъ.

Аратовъ ушелъ къ себѣ въ комнату, а Платонида Ивановна такъ и осталась на мѣстѣ, шопотомъ повторяя: „Помози, Господи! Господи, помози!“

IV.

Большая зала въ частномъ домѣ на Остоженкѣ уже на половину была полна посѣтителями, когда Аратовъ съ Купферомъ прибыли туда. Въ этой залѣ давались иногда театральныя представленія, но на этотъ разъ не было видно ни декорацій, ни занавѣса. Учредители „утра“ ограничились тѣмъ, что воздвигнули на одномъ концѣ эстраду, поставили на ней фортепіано, пару пюпитровъ, нѣсколько стульевъ, столъ съ графиномъ воды и стаканъ, да завѣсили краснымъ сукномъ дверь, которая вела въ комнату, предоставленную артистамъ. Въ первомъ ряду уже сидѣла княгиня въ ярко-зеленомъ платьѣ; Аратовъ помѣстился въ нѣкоторомъ отъ нея разстояніи, едва обмѣнявшись съ ней поклономъ. Публика была, что̀ называется, разношерстная; все больше молодые люди изъ учебныхъ заведеній. Купферъ, какъ одинъ изъ распорядителей, съ бѣлымъ бантомъ на обшлагѣ фрака, суетился и хлопоталъ изо всѣхъ силъ; княгиня видимо волновалась, оглядывалась, посылала во всѣ стороны улыбки, заговаривала съ сосѣдями... около нея были одни мужчины. Первымъ на эстрадѣ явился флейтистъ чахоточнаго вида и престарательно проплевалъ... то-бишь! просвисталъ

пьеску тоже чахоточнаго свойства; два человѣка закричали: браво! Потомъ какой-то толстый господинъ въ очкахъ, очень на видъ солидный и даже угрюмый, прочелъ басомъ Щедринскій очеркъ; хлопали очерку, не ему; потомъ явился фортепіанистъ, уже знакомый Аратову, и пробарабанилъ ту же Листовскую фантазію; фортепіанистъ удостоился вызова. Онъ кланялся, опершись рукою на спинку стула, и послѣ каждаго поклона взмахивалъ волосами, совсѣмъ какъ Листъ! Наконецъ, послѣ довольно долгаго промежутка, красное сукно на двери за эстрадой зашевелилось, распахнулось широко—и появилась Клара Миличъ. Зала огласилась рукоплесканіями. Нерѣшительными шагами подошла она къ передней части эстрады, остановилась и осталась неподвижной, сложивъ передъ собою большія, красивыя руки безъ перчатокъ, не присѣдая, не наклоняя головы и не улыбаясь.

Это была дѣвушка лѣтъ девятнадцати, высокая, нѣсколько широкоплечая, но хорошо сложенная. Лицо смуглое, не то еврейскаго, не то цыганскаго типа, глаза небольшіе, черные, подъ густыми, почти сросшимися бровями, носъ прямой, слегка вздернутый, тонкія губы съ красивымъ, но рѣзкимъ выгибомъ, громадная черная коса, тяжелая даже на видъ, низкій, неподвижный, точно каменный лобъ, крошечныя уши... все лицо задумчивое, почти суровое. Натура страстная, своевольная,—и едва ли добрая, едва ли очень умная — но даровитая — сказывалась во всемъ.

Она нѣкоторое время не поднимала глазъ, но вдругъ встрепенулась и провела по рядамъ зрителей свой пристальный, но не внимательный, словно въ себя углубленный взглядъ... „Какіе у нея трагическіе глаза!“ замѣтилъ сидѣвшій позади Аратова нѣкій сѣдоволосый фатъ съ лицомъ кокотки изъ Ревеля, извѣстный по Москвѣ сотрудникъ и соглядатай. Фатъ былъ глупъ и хотѣлъ сказать глупость... а сказалъ правду! Аратовъ, который съ самаго появленія Клары не спускалъ съ нея взора, только тутъ вспомнилъ, что онъ дѣйствительно видѣлъ ее у княгини; и не только видѣлъ ее, но даже замѣтилъ, что она нѣ-

сколько разъ съ особенной настойчивостью посмотрѣла на него своими темными, пристальными глазами. Да и теперь... или это ему показалось? — она, увидавъ его въ первомъ ряду, какъ будто обрадовалась, какъ будто покраснѣла — и опять настойчиво посмотрѣла на него. Потомъ она, не оборачиваясь, отступила шага два въ направленіи фортепіано, за которымъ уже сидѣлъ ея аккомпаніаторъ, длинноволосый чужестранецъ. Ей приходилось исполнить романсъ Глинки: „Только узналъ я тебя“... Она тотчасъ начала пѣть, не перемѣнивъ положенія рукъ и не глядя на ноты. Голосъ у ней былъ звучный и мягкій — контральто — слова она выговаривала отчетливо и вѣско, пѣла однообразно, безъ оттѣнковъ, но съ сильнымъ выраженіемъ. — „Съ убѣжденьемъ поетъ дѣвка“, промолвилъ тотъ же фатъ, сидѣвшій за спиной Аратова, — и опять сказалъ правду. — Крики: bis! браво! раздались кругомъ — но она бросила быстрый взглядъ на Аратова, который не кричалъ и не хлопалъ—ему не особенно понравилось ея пѣніе,—слегка поклонилась и ушла, не принявъ подставленной калачикомъ руки волосатаго піаниста. Ее вызвали... она не скоро появилась, тѣми же нерѣшительными шагами подошла къ фортепіано — и шепнувъ слова два аккомпаніатору, которому пришлось достать и положить передъ собою не приготовленныя, а другія ноты — начала романсъ Чайковскаго: „Нѣтъ, только тотъ, кто зналъ свиданья жажду“... Этотъ романсъ она спѣла иначе, чѣмъ первый — вполголоса, словно усталая... и только на предпослѣднемъ стихѣ: „Пойметъ, какъ я страдалъ“—у нея вырвался звенящій горячій крикъ. Послѣдній стихъ: „И какъ я стражду“... она почти прошептала, горестно растянувъ послѣднее слово. Романсъ этотъ произвелъ меньшее впечатлѣніе на публику, чѣмъ Глинкинскій; однако, хлопанья было много... Особенно отличался Купферъ: складывая ладони при ударѣ особеннымъ манеромъ, въ видѣ боченка, онъ производилъ необыкновенно-гулкій звукъ. Княгиня передала ему большой, растрепанный букетъ съ тѣмъ, чтобы онъ преподнесъ его пѣвицѣ; но она словно не замѣтила наклоненной фигуры Купфера, его

вытянутой съ букетомъ руки, повернулась и ушла, вторично не дождавшись піаниста, который поспѣшнѣе прежняго вскочилъ, чтобы ее проводить—и, оставшись не при чемъ, такъ взмахнулъ волосами, какъ, вѣроятно, самъ Листъ никогда не взмахивалъ!

Во все время пѣнія, Аратовъ наблюдалъ лицо Клары. Ему казалось, что глаза ея, сквозь прищуренныя рѣсницы, были обращены опять-таки на него; но его въ особенности поразила неподвижность этого лица, лба, бровей — и только при ея страстномъ вскрикѣ онъ замѣтилъ, какъ сквозь едва раскрытыя губы тепло сверкнулъ рядъ бѣлыхъ, тѣсно поставленныхъ зубовъ. Купферъ подошелъ къ нему.

— Ну, что, братъ, какъ ты находишь?—спросилъ онъ, весь сіяя удовольствіемъ.

— Голосъ хорошій,—отвѣтилъ Аратовъ:—но она пѣть еще не умѣетъ, настоящей школы нѣтъ. (Почему онъ это сказалъ и какое онъ самъ имѣлъ понятіе о „школѣ“ — Господь вѣдаетъ!).

Купферъ удивился.—Школы нѣтъ,—повторилъ онъ съ разстановкой... — Ну, это... Она еще подучиться можетъ. Зато какая душа! Да вотъ, погоди: ты ее въ письмѣ Татьяны послушаешь.

Онъ отбѣжалъ прочь отъ Аратова — а тотъ подумалъ: „Душа! Съ этимъ неподвижнымъ лицомъ!“ — Онъ находилъ, что она и держится, и движется, какъ намагнетизированная, какъ сомнамбула.—И въ то же время она несомнѣнно... Да! несомнѣнно смотритъ на него.

Между тѣмъ, „утро“ продолжалось. Толстый человѣкъ въ очкахъ появился опять; несмотря на свою серьезную наружность, онъ воображалъ себя комикомъ — и прочелъ сцену изъ Гоголя, не вызвавши на этотъ разъ ни единаго знака одобренія. Промелькнулъ опять флейтистъ; прогремѣлъ опять піанистъ; двѣнадцатилѣтній мальчикъ, напомаженный и завитой, но со слѣдами слезъ на щекахъ, пропиликалъ какія-то варіаціи на скрипкѣ. Страннымъ могло показаться то, что въ промежуткахъ чтенія и музыки, изъ комнаты артистовъ изрѣдка доносились отры-

вистые звуки валторны; между тѣмъ этотъ инструментъ такъ и остался безъ употребленія. Впослѣдствіи выяснилось, что любитель, вызвавшійся поиграть на немъ, заробѣлъ въ моментъ выхода передъ публикой. Вотъ, наконецъ, опять появилась Клара Миличъ.

Она держала въ рукѣ томикъ Пушкина; однако, во время чтенія ни разу въ него не заглянула... Она явно робѣла; небольшая книжка слегка дрожала въ ея пальцахъ. Аратовъ замѣтилъ также выраженіе унылости, разлитое *теперь* по всѣмъ ея строгимъ чертамъ. Первый стихъ: „Я къ вамъ пишу... чего же болѣ?“ она произнесла чрезвычайно просто, почти наивно—и съ наивнымъ искреннимъ, безпомощнымъ жестомъ протянула обѣ руки впередъ. Потомъ она стала немного спѣшить; но уже начиная со стиховъ: „Другой! нѣтъ! Никому на свѣтѣ не отдала бы сердце я!“—она овладѣла собою, оживилась—и когда дошла до словъ: „Вся жизнь моя была залогомъ свиданья вѣрнаго съ тобой“,—ея до тѣхъ поръ довольно глухой голосъ зазвенѣлъ восторженно и смѣло—а глаза ея такъ же смѣло и прямо вперились въ Аратова. Съ такимъ же увлеченіемъ продолжала она—и только къ концу голосъ ея опять понизился—и въ немъ, и на лицѣ отразилась прежняя унылость. Послѣднее четверостишіе она совсѣмъ, какъ говорится, скомкала,—томикъ Пушкина вдругъ выскользнулъ изъ ея рукъ—и она поспѣшно удалилась.

Публика принялась рукоплескать отчаянно, вызывать... Одинъ семинаристъ изъ малороссовъ, между прочимъ, такъ громогласно оралъ: „Мылычъ! Мылычъ!“—что его сосѣдъ вѣжливо, съ участьемъ попросилъ „пощадить въ себѣ будущаго протодьякона!“—Но Аратовъ тотчасъ всталъ и направился къ выходу. Купферъ нагналъ его... — Помилуй, куда же ты?—возопилъ онъ:—хочешь, я тебя представлю Кларѣ? — Нѣтъ, спасибо, — торопливо возразилъ Аратовъ, и почти бѣгомъ пустился домой.

V.

Странныя, ему самому неясныя ощущенія волновали его. Въ сущности, чтеніе Клары тоже не совсѣмъ ему

понравилось... хоть онъ и не могъ себѣ отдать отчета: почему именно? Оно его безпокоило, это чтеніе; оно казалось ему рѣзкимъ, не-гармоническимъ... Оно какъ будто нарушало что-то въ немъ, являлось какимъ-то насиліемъ. И эти пристальные, настойчивые, почти навязчивые взгляды—къ чему они? Что они значатъ?

Скромность Аратова не допускала въ немъ даже мгновенной мысли о томъ, что онъ могъ понравиться этой странной дѣвушкѣ, могъ внушить ей чувство, похожее на любовь, на страсть!.. Да и онъ самъ совсѣмъ не такою представлялъ себѣ ту, еще невѣдомую женщину, ту дѣвушку, которой онъ отдастся весь, которая и его полюбитъ, станетъ его невѣстой, его женой... Онъ рѣдко мечталъ объ этомъ: онъ и душой и тѣломъ былъ дѣвственникъ;—но чистый образъ, возникавшій тогда въ его воображеніи, былъ навѣянъ другимъ образомъ,—образомъ его покойной матери, которую онъ едва помнилъ, но потретъ который онъ сохранилъ, какъ святыню. Портретъ этотъ былъ писанъ акварелью, довольно неискусно, пріятельницей-сосѣдкой, но сходство, по увѣренью всѣхъ, было поразительное. Такой же нѣжный профиль, такіе же добрые, свѣтлые глаза, такіе же шелковистые волосы, такую же улыбку, такое же ясное выраженіе должна была имѣть та женщина, та дѣвушка, которой онъ даже еще не осмѣливался ожидать...

А эта черномазая, смуглая, съ грубыми волосами, съ усиками на губѣ, она навѣрно недобрая, взбалмошная...—„Цыганка“ (Аратовъ не могъ придумать худшаго выраженія),—что̀ она ему?

И между тѣмъ, Аратовъ не въ силахъ былъ выкинуть изъ головы своей эту черномазую цыганку,—пѣніе и чтеніе и самая наружность которой ему не нравились. Онъ недоумѣвалъ, онъ сердился на себя. Незадолго передъ тѣмъ онъ прочелъ романъ Вальтеръ-Скотта: „Сенъ-Ронанскія воды“ (полное собраніе сочиненій Вальтеръ-Скотта находилось въ библіотекѣ его отца, который уважалъ въ англійскомъ романистѣ серьёзнаго, чуть не научнаго писателя). Героиня этого романа называется Клара Мобрай.

Поэтъ 40-хъ годовъ, Красовъ, написалъ на нее стихотвоніе, оканчивающееся словами:

Несчастная Клара! безумная Клара!
Несчастная Клара Мобрай!

Аратовъ зналъ также это стихотвореніе... И вотъ, теперь эти слова безпрестанно приходили ему на память... „Несчастная Клара! безумная Клара!..“ (Отъ того онъ и удивился такъ, когда Купферъ назвалъ ему Клару Миличъ). Сама Платоша замѣтила — не то чтобы перемѣну въ настроеніи Якова,— въ немъ, собственно, никакой перемѣны не произошло — а что-то неладное въ его взглядахъ, въ его рѣчахъ. Она осторожно разспросила его о литературномъ утрѣ, на которомъ онъ присутствовалъ; — пошептала, повздыхала, поглядѣла на него спереди, поглядѣла сбоку, сзади—и вдругъ, хлопнувъ ладонями себѣ по ляжкамъ, воскликнула: — Ну, Яша! — Я вижу, въ чемъ дѣло!

— Что такое?—переспросилъ Аратовъ.

— Ты навѣрное на этомъ утрѣ встрѣтилъ какую-нибудь изъ этихъ хвостовозокъ (Платонида Ивановна называла такъ всѣхъ барынь, носящихъ модныя платья)... Рожица у ней смазливая—и *такъ* она ломается—и *сякъ* кривляется (Платоша представила все это въ лицахъ), и глазами такіе круги описываетъ... (и это она представила, проводя указательнымъ пальцемъ большіе круги по воздуху)... Тебѣ съ непривычки и показалось... но вѣдь это ничего, Яша... ни-и-чего не значитъ! Выпей чайку на ночь... и конецъ!.. Господи, помози!

Платоша умолкла и удалилась... Она отроду едва ли произносила такую длинную и оживленную рѣчь... а Аратовъ подумалъ: „Тетка-то, чай, права... Съ непривычки все это... (Ему дѣйствительно въ первый разъ пришлось возбудить къ себѣ вниманіе особы женскаго пола... во всякомъ случаѣ, онъ этого прежде не замѣчалъ.) Баловать себя не надо“.

И онъ принялся за свои книги — а на ночь напился липоваго чаю — и даже спалъ хорошо всю эту ночь — и

сновъ не видѣлъ. На слѣдующее утро онъ опять, какъ ни въ чемъ не бывало, занялся фотографіей...

Но къ вечеру его душевный покой возмутился снова.

VI.

А именно: разсыльный принесъ ему записку слѣдующаго содержанія, написанную неправильнымъ и крупнымъ женскимъ почеркомъ:

„Если вы догадаетесь, кто вамъ пишетъ, и если это „вамъ не скучно, приходите завтра, послѣ обѣда, на „Тверской бульваръ — около пяти часовъ — и ждите. „Васъ задержатъ не долго. Но это очень важно. При„дите“.

Подписи не было. Аратовъ тотчасъ догадался, кто была его корреспондентка,—и это именно его возмутило.— „Что за вздоръ!“ промолвилъ онъ почти вслухъ: „этого еще недоставало. Разумѣется, я не пойду“.—Онъ, однако, велѣлъ позвать разсыльнаго, отъ котораго узналъ только то, что письмо ему было вручено горничной на улицѣ. Отпустивъ его, Аратовъ перечелъ письмо, бросилъ его на полъ... Но, погодя немного, поднялъ и опять перечелъ; вторично воскликнулъ: вздоръ! — однако, на полъ письма уже не бросилъ, а спряталъ въ ящикъ. Аратовъ принялся за свои обычныя занятія, то за одно, то за другое; но дѣло у него не спорилось и не клеилось. Онъ вдругъ замѣтилъ за самимъ собою, что ожидаетъ Купфера! Хотѣлъ ли онъ разспросить его, или, быть-можетъ, даже сообщить ему... Но Купферъ не являлся. Потомъ Аратовъ досталъ Пушкина, прочелъ письмо Татьяны и снова убѣдился, что та „цыганка“ совсѣмъ не поняла настоящаго смысла этого письма. А этотъ шутъ Купферъ кричитъ: Рашель! Віардо! Потомъ онъ подошелъ къ своему піанино, какъ-то безсознательно приподнялъ его крышку, попытался отыскать на память мелодію романса Чайковскаго; но тотчасъ же съ досадой захлопнулъ піанино и пошелъ къ теткѣ, въ ея особенную, всегда жарко натопленную комнату, съ вѣчнымъ запахомъ мяты, шалфея и другихъ цѣлебныхъ травъ и съ такимъ множе-

ствомъ ковриковъ, этажерокъ, скамеечекъ, подушечекъ и разной мягкой мебели, что непривычному человѣку и повернуться было въ этой комнатѣ трудно, и дышать стѣснительно. Платонида Ивановна сидѣла подъ окномъ со спицами въ рукахъ (она вязала Яшенькѣ шарфъ, счетомъ, въ теченіе его жизни — тридцать восьмой) — и очень изумилась. Аратовъ заходилъ къ ней рѣдко, и если ему было что нужно, всякій разъ кричалъ тоненькимъ голосомъ изъ своего кабинета: — Тетя Платоша! — Однако, она его усадила и, въ ожиданіи его первыхъ словъ, насторожилась, глядя на него однимъ глазомъ черезъ круглыя очки, другимъ—выше ихъ. Она не освѣдомилась о его здоровьѣ и не предложила ему чаю, ибо видѣла, что онъ пришелъ не за тѣмъ. Аратовъ немного помялся... потомъ заговорилъ... заговорилъ о своей матери, о томъ, какъ она жила съ отцомъ, и какъ отецъ съ ней познакомился. Все это онъ зналъ очень хорошо... но ему хотѣлось говорить именно объ этомъ. На его бѣду, Платоша совсѣмъ бесѣдовать не умѣла; отвѣчала очень кратко, словно она подозрѣвала, что и не за этимъ пришелъ Яша.

— Что жъ!—повторяла она, поспѣшно, чуть не съ досадой шевеля спицами: — Извѣстно: мать твоя была голубка... голубка, какъ есть... И отецъ твой любилъ ее, какъ слѣдуетъ мужу, вѣрно и честно, по самый гробъ; и никакой другой женщины онъ не любилъ,—прибавила она возвысивъ голосъ и снявъ очки.

— А робкаго она была права? — спросилъ, помолчавъ, Аратовъ.

— Извѣстно, робкаго. Какъ слѣдуетъ женскому полу. Смѣлыя-то въ послѣднее время завелись.

— А въ ваше время смѣлыхъ не было?

— Было и въ наше... какъ не быть! Да вѣдь кто? Такъ, потаскушка какая-нибудь, безстыжая. Зашлюндаетъ подолъ—да и мечется зря... Ей что? Какая печаль? Подвернется дурачокъ—ей и на руку. А степенные люди пренебрегали. Ты вспомни, развѣ ты въ нашемъ домѣ такихъ видалъ?

Аратовъ ничего не отвѣтилъ и вернулся къ себѣ въ кабинетъ. Платонида Ивановна посмотрѣла ему вслѣдъ, покачала головою и опять надѣла очки, опять взялась за шарфъ... но не разъ задумывалась и роняла спицы на колѣни.

А Аратовъ до самой ночи, — нѣтъ, нѣтъ, да и начнетъ опять съ той же досадою, съ тѣмъ же озлобленіемъ размышлять объ этой запискѣ, о „цыганкѣ“, о назначенномъ свиданіи, на которое онъ навѣрное не пойдетъ! И ночью она его безпокоила. Ему все мерещились ея глаза, то прищуренные, то широко раскрытые, съ ихъ настойчивымъ, прямо на него устремленнымъ взглядомъ— и эти неподвижныя черты съ ихъ властительнымъ выраженіемъ...

На слѣдующее утро онъ опять почему-то все ожидалъ Купфера; чуть-чуть было не написалъ ему письма... а впрочемъ, ничего не дѣлалъ... все больше расхаживалъ по своему кабинету. Онъ ни на одно мгновеніе не допускалъ въ себѣ даже мысли, что пойдетъ на этотъ глупый „рандеву“... и въ половинѣ четвертаго часа, послѣ торопливо проглоченнаго обѣда, внезапно надѣвъ шинель и нахлобучивъ шапку, украдкой отъ тетки выскочилъ на улицу и отправился на Тверской бульваръ.

VII.

Аратовъ засталъ на немъ немного прохожихъ. Погода стояла сырая и довольно холодная. Онъ старался не размышлять о томъ, что дѣлалъ, заставлялъ себя обращать вниманіе на всѣ попадавшіеся предметы и какъ бы увѣрилъ себя, что и онъ такъ же вышелъ погулять, какъ и тѣ прохожіе... Вчерашнее письмо находилось у него въ боковомъ карманѣ, и онъ постоянно чувствовалъ его присутствіе. Онъ прошелся раза два по бульвару, зорко вглядываясь въ каждую подходившую къ нему женскую фигуру — и сердце его билось, билось... Онъ почувствовалъ усталость и присѣлъ на лавочку. И вдругъ ему пришло въ голову: „Ну, а если это письмо написано не ею,

а кѣмъ-нибудь другимъ, другой женщиной?“ По-настоящему, это для него должно было быть все едино... и однакоже, онъ долженъ былъ самому себѣ признаться, что этого онъ не желалъ. „Ужъ очень было бы глупо“, подумалось ему: „еще глупѣй *того!*“ Нервное безпокойство начинало овладѣвать имъ; онъ сталъ зябнуть — не извнѣ, а изнутри. Онъ нѣсколько разъ вынималъ часы изъ кармана жилета, глядѣлъ на циферблатъ, клалъ ихъ обратно, и всякій разъ забывалъ, сколько оставалось минутъ до пяти часовъ. Ему казалось, что всѣ мимо идущіе какъ-то особенно, съ какимъ-то насмѣшливымъ удивленіемъ и любопытствомъ оглядывали его. Дрянная собачонка подбѣжала, понюхала его ноги и стала вертѣть хвостомъ. Онъ сердито на нее замахнулся. Больше всѣхъ надоѣдалъ ему фабричный мальчикъ въ затрапезномъ халатѣ, который усѣлся на скамьѣ, по той сторонѣ бульвара—и то посвистывая, то почесываясь и болтая ногами въ громадныхъ прорванныхъ сапогахъ, — то и дѣло посматривалъ на него. „Вѣдь вотъ“, думалъ Аратовъ: „хозяинъ навѣрное его ждетъ, а онъ тутъ, лѣнтяй, баклуши бьетъ...“

Но въ это самое мгновенье ему почудилось, что кто-то подошелъ и близко сталъ сзади его... чѣмъ-то теплымъ повѣяло оттуда...

Онъ оглянулся... Она!

Онъ тотчасъ узналъ ее, хотя густая темно-синяя вуаль закрывала ея черты. Онъ мгновенно вскочилъ со скамьи— да такъ и остался, и слова не могъ промолвить. Она тоже молчала. Онъ чувствовалъ большое смущеніе... но и ея смущенье было не меньше: Аратовъ даже сквозь вуаль не могъ не замѣтить, какъ мертвенно она поблѣднѣла. Однако, она заговорила первая.

— Спасибо, — начала она прерывистымъ голосомъ: — спасибо, что пришли. Я не надѣялась...—Она слегка отвернулась и пошла по бульвару. Аратовъ отправился вслѣдъ за нею.

— Вы, можетъ-быть, меня осудили, — продолжала она, не оборачивая головы. — Дѣйствительно, мой поступокъ

очень страненъ... Но я много слышала о васъ... да нѣтъ! Я... не по этой причинѣ... Если бъ вы знали... Я такъ много хотѣла вамъ сказать, Боже мой!.. Но какъ это сдѣлать... Какъ это сдѣлать!

Аратовъ шелъ съ ней рядомъ, немного позади. Онъ не видѣлъ ея лица; онъ видѣлъ только ея шляпу да часть вуали... да длинную, черную, уже поношенную мантилью. Вся его досада и на нее, и на себя, вдругъ къ нему вернулась; все смѣшное, все нелѣпое этого свиданья, этихъ объясненій между совершенно незнакомыми людьми, на публичномъ бульварѣ, предстало ему вдругъ.

— Я явился на ваше приглашеніе, — началъ онъ въ свою очередь:—явился, милостивая государыня (ея плечи тихонько дрогнули—она свернула на боковую дорожку—онъ послѣдовалъ за ней), для того только, чтобы разъяснить, чтобы узнать, вслѣдствіе какого страннаго недоразумѣнія вамъ было угодно обратиться ко мнѣ, человѣку вамъ чужому, который... который потому только и *догадался*—какъ вы выразились въ вашемъ письмѣ,—что писали ему именно вы... потому догадался, что вамъ, въ теченіе того литературнаго утра, захотѣлось выказать ему слишкомъ... слишкомъ явное вниманіе!

Вся эта небольшая рѣчь была произнесена Аратовымъ — тѣмъ, хоть и звонкимъ, но твердымъ голосомъ, какимъ очень еще молодые люди отвѣчаютъ на экзаменѣ по предмету, къ которому они хорошо приготовились... Онъ сердился; онъ гнѣвался... Этотъ-то самый гнѣвъ и развязалъ его, въ обыкновенное время не очень свободный, языкъ.

Она продолжала идти по дорожкѣ нѣсколько замедленными шагами... Аратовъ попрежнему шелъ за нею и попрежнему видѣлъ одну эту старенькую мантилью да шляпку, тоже не совсѣмъ новую. Самолюбіе его страдало при мысли, что вотъ, теперь она должна думать: „мнѣ стоило только знакъ подать—и онъ тотчасъ прибѣжалъ!“

Аратовъ молчалъ... онъ ожидалъ, что̀ она ему отвѣтитъ; но она не произносила ни слова.

— Я готовъ выслушать васъ, — началъ онъ опять: — и очень даже буду радъ, если могу быть вамъ чѣмъ-нибудь полезенъ... хотя, все-таки, мнѣ, признаюсь, удивительно... при моей уединенной жизни...

Но при послѣднихъ его словахъ Клара внезапно къ нему обернулась — и онъ увидалъ такое испуганное, такое глубоко-опечаленное лицо, съ такими свѣтлыми, большими слезами на глазахъ, съ такимъ горестнымъ выраженіемъ вокругъ раскрытыхъ губъ — и такъ было это лицо прекрасно,—что онъ невольно запнулся, и самъ почувствовалъ нѣчто въ родѣ испуга — и сожалѣнія, и умиленія.

— Ахъ, зачѣмъ... зачѣмъ вы такъ... — промолвила она съ неотразимо-искренней и правдивой силой, и какъ трогательно зазвенѣлъ ея голосъ. — Неужели мое обращеніе къ вамъ могло оскорбить васъ... неужели вы ничего не поняли?.. Ахъ, да! Вы не поняли ничего, вы не поняли, что я вамъ говорила, вы Богъ знаетъ что́ вообразили обо мнѣ, вы даже не подумали, чего мнѣ это стоило—написать вамъ!.. Вы только о себѣ заботились, о своемъ достоинствѣ, о своемъ покоѣ!.. Да развѣ я... (она такъ сильно стиснула свои поднесенныя къ губамъ руки, что пальцы явственно хрустнули)... Точно я какія требованія къ вамъ предъявляла, точно нужны были сперва разъясненія... „Милостивая государыня“... „мнѣ даже удивительно“... „я могу быть полезнымъ“... Ахъ, я безумная!—Я обманулась въ васъ, въ вашемъ лицѣ!.. Когда я увидала васъ въ первый разъ... Вотъ... Вы стоите... И хоть бы слово! Такъ-таки ни слова?

Она умоляла... Лицо ея внезапно вспыхнуло — и такъ же внезапно приняло злое и дерзкое выраженіе.—Господи! какъ это глупо! — воскликнула она вдругъ съ рѣзкимъ хохотомъ. — Какъ наше свиданіе глупо! Какъ я глупа!.. да и вы... Фуй!

Она презрительно двинула рукою, словно отстраняя его прочь съ дороги и, минуя его, быстро сбѣжала съ бульвара и исчезла.

Это движеніе рукою, этотъ оскорбительный хохотъ, это

послѣднее восклицаніе разомъ возвратили Аратову его прежнее настроеніе и заглушили въ немъ то чувство, которое возникло въ его душѣ, когда со слезами на глазахъ она къ нему обратилась. Опъ опять разсердился — и чуть не закричалъ вслѣдъ удалявшейся дѣвушкѣ: „Изъ васъ можетъ выйти хорошая актриса, — но зачѣмъ вы вздумали надо мной-то комедію ломать?“

Большими шагами вернулся онъ домой, — и хотя продолжалъ и досадовать, и негодовать въ теченіе всей дороги—однако, въ то же время, сквозь всѣ эти нехорошія, враждебныя чувства невольно пробивалось воспоминаніе о томъ чудномъ лицѣ, которое онъ видѣлъ одинъ только мигъ... Онъ даже поставилъ себѣ вопросъ: „Отчего я не отвѣтилъ ей, когда она требовала отъ меня хоть слово?“— „Я не успѣлъ“... думалъ онъ... „Она мнѣ не дала произнести это слово“... „И какое слово я бы произнесъ?“

Но онъ тотчасъ тряхнулъ головою и съ укоризной промолвилъ: „актерка!“

И опять-таки, въ то же время,—самолюбіе неопытнаго, первическаго юноши, сперва оскорбленное, теперь какъ будто было польщено тѣмъ, что вотъ, однако, какую онъ внушилъ страсть...

„Но за то, въ эту минуту“, продолжалъ онъ свои размышленія, „все это, разумѣется, кончено... Я долженъ былъ показаться ей смѣшнымъ“...

Эта мысль ему была непріятна—и онъ снова сердился... и на нее... и на себя. Возвратившись домой, онъ заперся въ своемъ кабинетѣ. Ему не хотѣлось видѣться съ Платошей. Добрая старушка раза два подходила къ его двери — прикладывалась ухомъ къ замочной скважинѣ — и только вздыхала, да шептала свою молитву...

„Началось!“ думалось ей... „А ему всего 25-й годъ... Ахъ, рано, рано!“

VIII.

Весь слѣдующій день Аратовъ былъ очень не въ духѣ.— „Что это, Яша? — говорила ему Платонида Ивановна: — ты сегодня какой-то растрепанный?!..“ На своеобразномъ

языкѣ старушки выраженіе это довольно вѣрно опредѣляло нравственное состояніе Аратова. Работать онъ не могъ, да и самъ не зналъ, чего ему желалось? То онъ опять поджидалъ Купфера (онъ подозрѣвалъ, что Клара именно отъ Купфера получила его адресъ... да и кто другой могъ ей „много говорить“ о немъ?); то онъ недоумѣвалъ: неужели такъ и должно кончиться его знакомство съ нею?—то онъ воображалъ, что она ему напишетъ опять; то онъ себя спрашивалъ, не слѣдуетъ ли ему написать ей письмо, въ которомъ онъ все объяснитъ,—такъ какъ онъ все же не желаетъ оставить невыгодное о себѣ мнѣніе... Но собственно—*что* объяснить?—То онъ возбуждалъ въ себѣ чуть не отвращеніе къ ней, къ ея назойливости, дерзости; то ему снова представлялось это несказанно-трогательное лицо и слышался неотразимый голосъ; то онъ припоминалъ ея пѣнье, ея чтенье — и не зналъ, правъ ли онъ былъ въ своемъ огульномъ осужденіи?— Однимъ словомъ: растрепанный человѣкъ! Наконецъ, это ему все надоѣло — и онъ рѣшился, какъ говорится, „взять на себя“ и *похърить* всю эту исторію, такъ какъ она, несомнѣнно, мѣшала его занятіямъ и нарушала его покой. — Не такъ-то легко далось ему исполнить это рѣшеніе... Болѣе недѣли прошло, прежде чѣмъ онъ опять попалъ въ обычную колею. Къ счастью, Купферъ совсѣмъ не являлся: точно его и въ Москвѣ не было. Незадолго до „исторіи“, Аратовъ началъ заниматься живописью для фотографическихъ цѣлей; онъ съ удвоеннымъ рвеніемъ принялся за нее.

Такъ, незамѣтно, съ нѣкоторыми, какъ выражаются доктора, „возвратными припадками“, состоящими, напр., въ томъ, что онъ разъ чуть не отправился съ визитомъ къ княгинѣ,—прошло два... прошло три мѣсяца... и Аратовъ сталъ прежнимъ Аратовымъ. Только тамъ, внизу, подъ поверхностью его жизни, что-то тяжелое и темное тайно сопровождало его на всѣхъ его путяхъ. Такъ большая, только-что пойманная на крючокъ, но еще не выхваченная рыба плыветъ по дну глубокой рѣки подъ самой той лодкой, на которой сидитъ рыбакъ, съ крѣпкой лесою въ рукѣ.

И вотъ, однажды, пробѣгая уже не совсѣмъ свѣжія „Московскія Вѣдомости“, Аратовъ наткнулся на слѣдующую корреспонденцію:

„Съ великимъ прискорбіемъ“, писалъ нѣкій мѣстный литераторъ изъ Казани, „заносимъ мы въ нашу театральную лѣтопись вѣсть о внезапной кончинѣ нашей даровитой актрисы Клары Миличъ, успѣвшей въ короткое время ея ангажемента сдѣлаться любимицей нашей разборчивой публики. Прискорбіе наше тѣмъ сильнѣе, что г-жа Миличъ самовольно покончила со своей молодой, столь многообѣщавшей жизнью, — посредствомъ отравленія. И это отравленіе тѣмъ ужаснѣе, что артистка приняла ядъ въ самомъ театрѣ! Ее едва довезли домой, гдѣ она, къ общему сожалѣнію, скончалась. Въ городѣ ходятъ слухи, что неудовлетворенная любовь довела ее до этого страшняго поступка“.

Аратовъ тихонько положилъ нумеръ газеты на столъ. На видъ онъ остался совершенно спокойнымъ... но что-то разомъ толкнуло его въ грудь и голову—и медленно поплыло потомъ по всѣмъ его членамъ. Онь всталъ, постоялъ немного на мѣстѣ—и опять сѣлъ, опять перечелъ эту корресподенцію. Потомъ онъ опять всталъ, легъ на кровать, и, заложивъ руки за голову, какъ отуманенный, долго глядѣлъ на стѣну. — Понемногу эта стѣна словно сгладилась... исчезла... и онъ увидалъ передъ собою и бульваръ подъ сѣрымъ небомъ, и *ее* въ черной мантильѣ... потомъ ее же на эстрадѣ... увидалъ даже самого себя возлѣ нея. — То, что такъ сильно толкнуло его въ грудь въ первое мгновенье, стало теперь подниматься... подниматься къ горлу... Онъ хотѣлъ откашляться, хотѣлъ позвать кого-нибудь—но голосъ измѣнилъ ему—и, къ собственному его изумленью, изъ его глазъ неудержимо покатились слезы... Что̀ вызвало эти слезы? Жалость? Раскаяніе? Или просто нервы не выдержали внезапнаго потрясенія? — Вѣдь для него она была ничѣмъ? Не такъ ли?

„Да, можетъ-быть, это еще не правда?“ вдругъ осѣнила его мысль. „Надо узнать! Но отъ кого? Отъ княгини? —

Нѣтъ, отъ Купфера... отъ Купфера? Да его, говорятъ, въ Москвѣ нѣтъ?—Все равно! Сперва къ нему надо!“

Съ этими соображеніями въ головѣ, Аратовъ наскоро одѣлся, взялъ извозчика и поскакалъ къ Купферу.

IX.

Не надѣялся онъ его застать... а засталъ. Купферъ, точно, отлучался изъ Москвы на нѣкоторое время, но уже съ недѣлю какъ вернулся и даже снова собирался посѣтить Аратова. — Онъ встрѣтилъ его съ обычнымъ радушіемъ — и началъ-было ему что-то объяснять... но Аратовъ тотчасъ перебилъ его нетерпѣливымъ вопросомъ:

— Ты читалъ?—Правда?

— Что: правда?—отвѣчалъ озадаченный Купферъ.

— Насчетъ Клары Миличъ?

Лицо Купфера выразило сожалѣніе. — Да, да, братъ, правда; отравилась! Такое горе!

Аратовъ помолчалъ. — Да ты тоже въ газетѣ вычиталъ? — спросилъ онъ: — или, можетъ-быть, самъ ѣздилъ въ Казань!

— Я ѣздилъ въ Казань, точно; мы съ княгиней ее туда отвезли.—Она на сцену тамъ поступила—и большой успѣхъ имѣла. Только до самой катастрофы я тамъ не дожилъ... Я въ Ярославлѣ былъ.

— Въ Ярославлѣ?

— Да. — Я княгиню туда проводилъ... Она теперь въ Ярославлѣ поселилась.

— Но ты имѣешь вѣрныя свѣдѣнія?

— Вѣрнѣйшія... изъ первыхъ рукъ!—Я въ Казани съ ея семействомъ познакомился.—Да постой, братъ... тебя, кажется, это извѣстіе очень волнуетъ?—А, помнится, тебѣ Клара тогда не понравилась! Напрасно! Чудная была дѣвушка — только голова! Бѣдовая голова! Очень я о ней сокрушался!

Аратовъ не промолвилъ слова, опустился на стулъ—и, погодя немного, попросилъ Купфера разсказать ему... онъ запнулся.

— Что?—спросилъ Купферъ.

— Да... все, — отвѣтилъ съ разстановкой Аратовъ. — Вонъ, хоть насчетъ ея семейства... и прочаго. Все, что знаешь!

— А это тебя интересуетъ?—Изволь!

И Купферъ, по лицу котораго вовсе нельзя было замѣтить, чтобы онъ уже очень такъ сокрушался о Кларѣ, началъ разсказывать.

Изъ его словъ Аратовъ узналъ, что настоящее имя Клары Миличъ было — Катерина Миловидова; что отецъ ея, теперь уже умершій, былъ штатнымъ учителемъ рисованія въ Казани, писалъ плохіе портреты и казенные *образа* — да къ тому же, слылъ за пьяницу и за домашняго тирана... а еще *образованный* человѣкъ!.. (тутъ Купферъ самодовольно засмѣялся, намекая тѣмъ на сдѣланный имъ каламбуръ); — что послѣ него остались, во-первыхъ: вдова изъ купеческаго рода, совсѣмъ глупая баба, прямо изъ комедій Островскаго; а во-вторыхъ: дочь, гораздо старше Клары и на нее не похожая — дѣвушка очень умная, только восторженная, больная, замѣчательная дѣвушка — и преразвитая, братецъ ты мой! Что жи-вутъ онѣ обѣ—и вдова, и дочь, безбѣдно, въ порядочномъ домикѣ, пріобрѣтенномъ отъ продажи тѣхъ плохихъ портретовъ и образовъ; что Клара... или Катя, какъ хочешь, съ дѣтскихъ лѣтъ поражала всѣхъ своей даровитостью— но нрава была непокорнаго, капризнаго — и постоянно грызлась съ отцомъ; что имѣя врожденную страсть къ театру, на шестнадцатомъ году убѣжала изъ родительскаго дома съ актрисой...

— Съ актеромъ?—перебилъ Аратовъ.

— Нѣтъ, не съ актеромъ, а съ актрисой, къ которой привязалась... Правда, у этой актрисы былъ покровитель, богатый и уже старый баринъ, который потому только на ней не женился, что самъ былъ женатъ — да и актриса, кажется, была женщина замужняя.— Далѣе, Купферъ сообщилъ Аратову, что Клара уже до пріѣзда въ Москву играла и пѣла на провинціальныхъ театрахъ; что, потерявъ свою пріятельницу актрису (баринъ тоже, кажется, умеръ! или опять съ женой сошелся—этого Купферъ хорошенько

не помнилъ...), познакомилась съ княгиней, этой золотой женщиной, которую ты, другъ мой, Яковъ Андреичъ,— прибавилъ съ чувствомъ разсказчикъ:—не умѣлъ оцѣнить какъ слѣдуетъ; что, наконецъ, Кларѣ предложили ангажементъ въ Казани—и что она его приняла, хотя передъ тѣмъ увѣряла, что Москвы никогда не покинетъ!—За то, какъ казанцы ее полюбили — даже удивительно!--Что ни представленіе—букеты и подарокъ! букеты и подарокъ!— Хлѣбный торговецъ, первый по губерніи тузъ, тотъ даже золотую чернильницу преподнесъ! — Купферъ разсказалъ все это съ большимъ оживленіемъ, не высказывая, впрочемъ, особой сентиментальности, и перерывая рѣчь вопросами.—Это тебѣ зачѣмъ?.. или: — Это на что?—когда Аратовъ, слушавшій его съ пожирающимъ вниманіемъ, требовалъ все бо̀льшихъ да бо̀льшихъ подробностей. Все было высказано, наконецъ, и Купферъ умолкъ, наградивъ себя за трудъ сигаркой.

— А отчего же она отравилась?—спросилъ Аратовъ.— Въ газетѣ напечатано...

Купферъ взмахнулъ руками. — Ну... этого я не могу сказать... Не знаю. А газета вретъ. Вела себя Клара примѣрно... амуровъ никакихъ... Да и гдѣ съ ея гордостью! Горда она была — какъ самъ сатана — и неприступна!— Бѣдовая голова! Тверда, какъ камень! Вѣришь ли ты мнѣ— ужъ на что я ее близко зналъ—а никогда на ея глазахъ слезъ не видѣлъ!

„А я видѣлъ“,—подумалъ про себя Аратовъ.

— Только вотъ что̀, — продолжалъ Купферъ: — въ послѣднее время я большую въ ней перемѣну замѣтилъ: скучная такая стала, молчитъ, по цѣлымъ часамъ слова отъ нея не добьешься. Ужъ я ее спрашивалъ: не обидѣлъ ли кто васъ, Катерина Семеновна? Потому, я зналъ ея нравъ: обиду перенести она не могла! Молчитъ, да и баста! Даже успѣхи на сценѣ ее не веселили; букеты сыплются... а она и не улыбнется! На золотую чернильницу взглянула разъ — и въ сторону! — Жаловалась, что настоящей роли, какъ она ее понимаетъ, никто ей не напишетъ. И пѣть совсѣмъ бросила. Я, братъ, виноватъ!..

передалъ ей тогда, что ты въ ней *школы* не находишь. Но все-таки... отчего она отравилась—непостижимо! Да и какъ отравилась!..

— Въ какой роли она больше имѣла успѣха?—Аратовъ хотѣлъ-было узнать, въ какой роли она выступила въ послѣдній разъ—но почему-то спросилъ другое.

— Помнится, въ „Грунѣ“ Островскаго. Но, повторяю тебѣ: амуровъ никакихъ! Ты одно посуди: жила она у матери въ домѣ... Знаешь—есть такіе купеческіе дома: въ каждомъ углу кіотъ и лампадка передъ кіотомъ, духота смертельная, пахнетъ кислятиной, въ гостиной по стѣнамъ одни стулья, на окнахъ ерань—а пріѣдетъ гость—хозяйка взàхается—словно непріятель подступаетъ. Какіе ужъ тутъ ферлакуры да амуры? Бывало, даже меня не пускаютъ. Служанка ихняя, баба здоровенная, въ кумачномъ сарафанѣ, съ отвислыми грудями, станетъ въ передней поперекъ—да и рычитъ: куды?—Нѣтъ, я рѣшительно не понимаю, съ чего она отравилась. Жить, значитъ, надоѣло,—философически заключилъ Купферъ свои разсужденія.

Аратовъ сидѣлъ, потупя голову.—Можешь ты мнѣ дать адресъ этого дома въ Казани?—промолвилъ онъ, наконецъ.

— Могу; но на что тебѣ?—Или ты письмо туда послать хочешь?

— Можетъ-быть.

— Ну, какъ хочешь. Только старуха тебѣ не отвѣтитъ, ибо безграмотна. Вотъ, развѣ сестра... О, сестра умница!—Но опять-таки удивляюсь, братъ, тебѣ! Какое прежде равнодушіе... а теперь какое вниманіе! Все это, любезный, отъ одиночества!

Аратовъ ничего не отвѣтилъ на это замѣчаніе и ушелъ, запасшись казанскимъ адресомъ.

Когда онъ ѣхалъ къ Купферу, на лицѣ его изображалось волненіе, изумленіе, ожиданіе... Теперь онъ шелъ ровной походкой, съ опущенными глазами, съ надвинутой на лобъ шляпой; почти каждый встрѣчный прохожій провожалъ его пытливымъ взоромъ... но онъ не замѣчалъ прохожихъ... не то, что на бульварѣ!..

„Несчастная Клара! безумная Клара!“—звучало у него на душѣ.

X.

Однако, слѣдующій день Аратовъ провелъ довольно спокойно. Онъ даже могъ предаться обычнымъ занятіямъ. Одно только: и во время занятій, и въ свободное время, онъ постоянно думалъ о Кларѣ, о томъ, что ему наканунѣ сказалъ Купферъ. Правда, его думы были тоже довольно мирнаго свойства. Ему казалось, что эта странная дѣвушка интересовала его съ психологической точки зрѣнія, какъ нѣчто въ родѣ загадки, надъ разрѣшеніемъ которой стоило бы поломать голову.—„Убѣжала съ актрисой на содержаньи“, думалось ему:—„отдалась подъ покровительство этой княгини, у которой, кажется, жила—и никакихъ *амуровъ*? Неправдоподобно!.. Купферъ говоритъ: гордость! Но, во-первыхъ, мы знаемъ“ (Аратову слѣдовало сказать: мы вычитали въ книгахъ)... „мы знаемъ, что гордость уживается съ легкомысленнымъ поведеніемъ; а во-вторыхъ, какъ же она, такая гордая, назначила свиданіе человѣку, который могъ оказать ей презрѣніе—и оказалъ... да еще въ публичномъ мѣстѣ... на бульварѣ!“—Тутъ Аратову вспомнилась вся сцена на бульварѣ—и онъ спросилъ себя: точно ли онъ оказалъ Кларѣ презрѣніе?—Нѣтъ,—рѣшилъ онъ... Это было другое чувство... чувство недоразумѣнія... недовѣрчивости, наконецъ!—„Несчастная Клара!“ снова прозвучало у него въ головѣ.—Да, несчастная,—рѣшилъ онъ опять... Это самое подходящее слово.—А коли такъ—я былъ несправедливъ. Она вѣрно сказала, что я ея не понялъ. Жаль!—Такое, быть-можетъ, замѣчательное существо прошло такъ близко мимо... и я не воспользовался, я оттолкнулъ... Ну, ничего! Жизнь еще вся впереди. Пожалуй, еще не такія случатся встрѣчи!

— Но съ какой стати она именно *меня* выбрала?—Онъ взглянулъ на зеркало, мимо котораго проходилъ.—Что во мнѣ особеннаго? И какой я красавецъ? Такъ, лицо... какъ всѣ лица... Впрочемъ, и она не красавица.

— Не красавица... а какое выразительное лицо! Непо-

движное... а выразительнсе! Я такого лица еще не встрѣчалъ.—И талантъ у ней есть... то-есть, былъ, несомнѣнный. Дикій, неразвитый, даже грубый... но несомнѣнный... И въ этомъ случаѣ я былъ къ ней несправедливъ.—Аратовъ мысленно перенесся на литературно-музыкальное утро... и самъ замѣтилъ за собою, что онъ чрезвычайно ясно вспоминалъ каждое пропѣтое и сказанное ею слово, каждую интонацію... Этого бы не случилось, если бы она была лишена таланта.

— И теперь все это въ могилѣ, куда она сама себя толкнула... Но я тутъ не при чемъ... Я не виноватъ! Было бы даже смѣшно думать, что я виноватъ.—Аратову опять пришло въ голову, что если бы даже и было у ней „что-нибудь такое“ — его поведеніе во время свиданія несомнѣнно ее разочаровало. Оттого-то она такъ жестоко и разсмѣялась на прощаніе.—Да и гдѣ доказательство, что она отравилась отъ несчастной любви? Это одни газетные корреспонденты всякую подобную смерть приписываютъ несчастной любви! Людямъ съ такимъ характеромъ, какъ у Клары, жизнь легко становится постылой... скучной. Да, скучной. Купферъ правъ: просто, ей надоѣло жить.

— Несмотря на успѣхи, на овацiи? — Аратовъ задумался.—Ему даже пріятенъ былъ психологическій анализъ, которому онъ предавался. Чуждый до сихъ поръ всякаго соприкосновенія съ женщинами, онъ и не подозрѣвалъ, какъ знаменательно было для него самого это напряженное разбирательство женской души.

— Значитъ,—продолжалъ онъ свои размышленія:—искусство не удовлетворяло ея, не наполняло пустоты ея жизни. Настоящіе художники только и существуютъ для художества, для театра... Все остальное блѣднѣетъ передъ тѣмъ, что они считаютъ своимъ призваніемъ... Она была дилетантка!

Тутъ Аратовъ опять задумался. — Нѣтъ, слово „дилетантка“ не вязалось съ тѣмъ лицомъ, съ выраженіемъ того лица, тѣхъ глазъ...

И передъ нимъ опять всплылъ образъ Клары съ устре-

мленнымъ на него, залитымъ слезами взоромъ, съ приподнятыми къ губамъ, стиснутыми руками...

„Ахъ, не надо, не надо... — прошепталъ онъ... — Къ чему?“

Такъ прошелъ цѣлый день. За обѣдомъ Аратовъ много разговаривалъ съ Платошей, разспрашивалъ ее о старинѣ, которую она, впрочемъ, и помнила, и передавала плохо, такъ какъ не очень-то владѣла языкомъ—и кромѣ своего Яши, въ теченіе своей жизни, почти ничего не замѣчала. Она только радовалась тому, что вотъ, онъ какой сегодня добрый да ласковый! — Къ вечеру Аратовъ затихъ до того, что сыгралъ нѣсколько разъ съ теткой въ свои козыри.

Такъ прошелъ день...—зато ночь!!

XI.

Началась она хорошо; — онъ скоро заснулъ — и когда тетка вошла къ нему на цыпочкахъ, чтобы трижды перекрестить его спящаго — она это дѣлала каждую ночь,— онъ лежалъ и дышалъ спокойно, какъ дитя. Но передъ зарею ему привидѣлся сонъ.

Ему снилось: онъ шелъ по голой степи, усѣянной камнями подъ низкимъ небомъ. Между камнями вилась тропинка; онъ пошелъ по ней.

Вдругъ передъ нимъ поднялось нѣчто въ родѣ тонкаго облачка. Онъ вглядывается; облачко стало женщиной, въ бѣломъ платьѣ, съ свѣтлымъ поясомъ вокругъ стана. Она спѣшитъ отъ него прочь. Онъ не видѣлъ ни лица ея, ни волосъ... ихъ закрывала длинная ткань. Но онъ непремѣнно хотѣлъ догнать ее и заглянуть ей въ глаза. Только какъ онъ ни торопился—она шла проворнѣе его.

На тропинкѣ лежалъ широкій, плоскій камень, подобный могильной плитѣ. Онъ преградилъ ей дорогу. Женщина остановилась. Аратовъ подбѣжалъ къ ней. Она къ нему обернулась — но онъ все-таки не увидалъ ея глазъ... они были закрыты. Лицо ея было бѣлое, бѣлое, какъ снѣгъ, руки висѣли неподвижно. Она походила на статую.

Медленно, не сгибаясь ни однимъ членомъ, отклонилась она назадъ и опустилась на ту плиту... И вотъ, Аратовъ уже лежитъ съ ней рядомъ, вытянутый весь, какъ могильное изваяніе—и руки его сложены, какъ у мертвеца.

Но тутъ женщина вдругъ приподнялась—и пошла прочь. Аратовъ хочетъ тоже подняться... но ни пошевельнуться, ни разжать рукъ онъ не можетъ—и только съ отчаяньемъ глядитъ ей вслѣдъ.

Тогда женщина внезапно обернулась — и онъ увидалъ свѣтлые, живые глаза на живомъ, но незнакомомъ лицѣ. Она смѣется, она манитъ его рукою... а онъ все не можетъ пошевельнуться.

Она засмѣялась еще разъ—и быстро удалилась, весело качая головою, на которой заалѣлъ вѣнокъ изъ маленькихъ розъ.

Аратовъ силится закричать, силится нарушить этотъ страшный кошмаръ...

Вдругъ все кругомъ потемнѣло... и женщина возвратилась къ нему. Но это уже не та незнакомая статуя... это Клара. Она остановилась передъ нимъ, скрестила руки — и строго, и внимательно смотритъ на него. Губы ея сжаты—но Аратову чудится, что онъ слышитъ слова:

— „Коли хочешь знать, кто я, поѣзжай туда!“

— Куда?—спрашиваетъ онъ.

— „Туда!—слышится стенящій отвѣтъ.—Туда!“

Аратовъ проснулся.

Онъ приподнялся въ постели, зажегъ свѣчку, стоявшую на ночномъ столикѣ, — но не всталъ — и долго сидѣлъ, весь похолодѣлый, медленно осматриваясь кругомъ. Ему казалось, что съ нимъ что-то свершилось съ тѣхъ поръ, какъ онъ легъ; что въ него что-то внѣдрилось... что-то завладѣло имъ. „Да развѣ это возможно?“ шепталъ онъ безсознательно. „Развѣ существуетъ такая власть?“

Онъ не могъ остаться въ постели. Онъ тихонько одѣлся—и до утра пробродилъ по комнатѣ. И странное дѣло! О Кларѣ онъ не думалъ ни минуты—и не думалъ оттого, что рѣшился на другой же день ѣхать въ Казань!

Онъ думалъ только объ этой поѣздкѣ, о томъ, какъ

это сдѣлать, и что съ собою взять,—и какъ онъ тамъ все разыщетъ и узнаетъ—и успокоится.—„Не поѣдешь“, разсуждалъ онъ самъ съ собою,—„пожалуй съ ума сойдешь!“ Онъ боялся этого; боялся своихъ нервовъ. Онъ былъ увѣренъ, что какъ только онъ тамъ все это увидитъ воочію—всякія наваждения разлетятся—какъ тотъ ночной кошмаръ.—„И всего-то на поѣздку пойдетъ недѣля“, думалъ онъ... „что̀ такое недѣля? а иначе не отдѣлаешься“.

Вставшее солнце освѣтило его комнату; но свѣтъ дневной не разогналъ налегшихъ на него ночныхъ тѣней и не измѣнилъ его рѣшенія.

Съ Платошей чуть не сдѣлался ударъ, когда онъ сообщилъ ей это рѣшеніе. Она даже на корточки присѣла... ноги у ней подкосились. „Какъ въ Казань? зачѣмъ въ Казань?“ шептала она, выпучивъ и безъ того слѣпые глаза. Она бы не больше удивилась, если бы узнала, что ея Яша женится на сосѣдней булочницѣ или уѣзжаетъ въ Америку.—„И надолго въ Казань?“

— Я черезъ недѣлю вернусь,—отвѣчалъ Аратовъ, стоя въ полуоборотъ къ теткѣ, все еще сидѣвшей на полу.

Платонида Ивановна хотѣла еще возражать—но Аратовъ совершенно неожиданнымъ и необыкновеннымъ образомъ закричалъ на нее.—Я не ребенокъ,—закричалъ онъ и весь-поблѣднѣлъ, губы его задрожали, и глаза сверкнули злобно.—Мнѣ двадцать-шестой годъ, я знаю, что̀ дѣлаю,—я волёнъ дѣлать, что хочу!—Я никому не позволю... Дайте мнѣ денегъ на дорогу, приготовьте чемоданъ съ бѣльемъ и платьемъ... и не мучьте меня!—Я черезъ недѣлю вернусь, Платоша,—прибавилъ онъ болѣе мягкимъ голосомъ.

Платоша приподнялась, кряхтя, и уже не возражая болѣе, поплелась въ свою комнату. Яша испугалъ ее.—Не голова у меня на плечахъ,—говорила она кухаркѣ, помогавшей ей укладывать Яшины вещи:—не голова—а улей... и какія тамъ пчелы жужжатъ—не знаю. Въ Казань уѣзжаетъ, мать моя, въ Ка-за-ань!—Кухарка, видѣвшая наканунѣ, что дворникъ ихъ о чемъ-то долго бесѣдовалъ съ городовымъ, хотѣла-было доложить объ этомъ

обстоятельствѣ своей госпожѣ—да не посмѣла, и только подумала: „въ Казань?—какъ бы не подальше куда-нибудь!“—А Платонида Ивановна до того растерялась, что даже обычной молитвы своей не произносила.—Въ такой бѣдѣ и Господь Богъ помочь не могъ!

Въ тотъ же день Аратовъ уѣхалъ въ Казань.

XII.

Не успѣлъ онъ прибыть въ этотъ городъ и занять номеръ въ гостиницѣ—какъ уже бросился отыскивать домъ вдовы Миловидовой. Во время всего путешествія онъ находился въ какомъ-то оцѣпенѣніи, что̀, впрочемъ, нисколько не мѣшало ему принимать всѣ нужныя мѣры, въ Нижнемъ-Новгородѣ перебраться съ желѣзной дороги на пароходъ, кушать на станціяхъ и т. д. Онъ попрежнему былъ увѣренъ, что *тамъ* все разрѣшится—и потому отгонялъ отъ себя всякія воспоминанія и соображенія, удовлетворяясь однимъ—мысленнымъ приготовленіемъ того *спича*, въ которомъ онъ изложитъ передъ семействомъ Клары Миличъ настоящую причину своей поѣздки.—Вотъ, онъ, наконецъ, добрался до цѣли своего стремленья, велѣлъ о себѣ доложить. Его впустили... съ недоумѣніемъ и испугомъ—но впустили.

Домъ вдовы Миловидовой оказался дѣйствительно такимъ, какимъ описалъ его Купферъ; и сама вдова точно походила на одну изъ купчихъ Островскаго, хотя была чиновница: мужъ ея состоялъ въ чинѣ коллежскаго асессора. Не безъ нѣкотораго затрудненія Аратовъ, предварительно извиняясь въ своей смѣлости, въ странности своего посѣщенія, произнесъ приготовленный спичъ о томъ, какъ бы ему хотѣлось собрать всѣ нужныя свѣдѣнія о столь рано погибшей даровитой артисткѣ; какъ имъ руководитъ въ этомъ случаѣ не праздное любопытство, а глубокое сочувствіе къ ея таланту, котораго онъ былъ поклонникомъ (онъ такъ и сказалъ: поклонникомъ); какъ, наконецъ, было бы грѣшно оставить публику въ невѣдѣніи о томъ, что̀ она потеряла—и почему не сбылись ея надежды!—Г-жа Миловидова не прерывала Аратова; она

едва ли хорошо понимала, что̀ такое ей говоритъ этотъ незнакомый гость—и только пучилась слегка и таращила на него глаза, находя, однако, что видъ у него смирный, одѣтъ онъ прилично — и не мазурикъ какой... денегъ не попроситъ.

— Вы это о Катѣ? — спросила она, какъ только Аратовъ умолкъ.

— Точно такъ... о вашей дочери.

— И вы для этого изъ Москвы пріѣхали?

— Изъ Москвы.

— Только для этого?

— Для этого.

Г-жа Миловидова вдругъ встрепенулась. — Да вы — сочинитель? Въ журналахъ пишете?

— Нѣтъ, я не сочинитель — и въ журналахъ до сихъ поръ не писалъ.

Вдова наклонила голову. Она недоумѣвала.

— Стало-быть... по собственной охотѣ?— спросила она вдругъ. Аратовъ не тотчасъ нашелся, что отвѣтить.

— По сочувствію, изъ уваженія къ таланту, — промолвилъ онъ, наконецъ.

Слово: „уваженіе“ понравилось г-жѣ Миловидовой. — Что жъ!—произнесла она со вздохомъ...—Я хоть и мать ея — и очень о ней горевала... Вѣдь такое вдругъ несчастье!.. Но должна сказать: шальная она была всегда— и покончила такимъ же манеромъ! Срамъ такой... Посудите: каково это для матери? Ужъ на томъ спасибо, что похоронили ее по-христіански...—Г-жа Миловидова перекрестилась.—Сызмала она никому не покорялась—родительскій домъ покинула... и, наконецъ,—легко сказать!— въ актерки пошла! Извѣстно: отъ дому я ей не отказала: вѣдь я любила ее! Вѣдь я все-таки мать! Не у чужихъ же ей жить — да побираться!.. — Тутъ вдова прослезилась.—А если у васъ, господинъ,—заговорила она снова, утирая глаза концами косынки:—точно есть такое намѣреніе, и вы противъ насъ никакого безчестія не замышляете—а, напротивъ, хотите вниманіе оказать—такъ вы, вотъ, съ моей другой дочкой поговорите. Она все вамъ

разскажетъ лучше моего...—Анночка!—кликнула г-жа Миловидова: — Анночка, подь сюда! Вотъ, здѣсь какой-то господинъ изъ Москвы насчетъ Кати побесѣдовать желаетъ!

Что-то стукнуло въ сосѣдней комнатѣ; но никто не появлялся.—Анночка!—кликнула опять вдова:—Анна Семеновна! иди, говорятъ тебѣ!

Дверь тихонько растворилась, и на порогѣ показалась дѣвушка уже немолодая, болѣзненнаго вида—и некрасивая — но съ очень кроткими и грустными глазами. Аратовъ поднялся съ мѣста ей навстрѣчу и отрекомендовался, при чемъ назвалъ своего друга Купфера. — А! Ѳедоръ Ѳедорычъ! — тихонько произнесла дѣвушка и тихонько опустилась на стулъ.

— Ну, вотъ, побесѣдуй съ господиномъ, — промолвила г-жа Миловидова, грузно поднимаясь съ мѣста: — потрудился, нарочно изъ Москвы пріѣхалъ,—о Катѣ свѣдѣнія собрать желаетъ. А вы меня, господинъ,—прибавила она, обращаясь къ Аратову: — извините... Я уйду, по хозяйству. Съ Анночкой вы можете хорошо объясниться—она вамъ и о театрѣ разскажетъ... и все такое. Она у меня умница, образованная: по-французски говоритъ и книжки читаетъ, не хуже сестры ея покойницы. Она же ее, можно сказать, воспитывала... Старше ея была—ну, и занялась.

Г-жа Миловидова удалилась. Оставшись наединѣ съ Анной Семеновной, Аратовъ повторилъ ей свой спичъ; но съ перваго же взгляда понявъ, что имѣетъ дѣло съ дѣвушкой, дѣйствительно образованной, не съ купеческой дочкой,—нѣсколько распространился—и выраженія другія употребилъ;—а подъ конецъ самъ разволновался, покраснѣлъ и почувствовалъ, что сердце у него застучало. Анна слушала его молча, положивъ руку на руку; печальная улыбка не сходила съ ея лица... горькое, непереболѣвшее горе сказывалось въ этой улыбкѣ.

— Вы знали мою сестру?—спросила она Аратова.

— Нѣтъ; я ея собственно не зналъ,—отвѣчалъ онъ.— Видѣлся съ нею и слышалъ ее разъ... но вашу сестру стоило разъ увидѣть и услышать...

— Вы хотите ея біографію написать?—спросила опять Анна.

Аратовъ не ожидалъ этого слова; однако, тотчасъ же отвѣтилъ, что—отчего же нѣтъ? Но главное, онъ хотѣлъ познакомить публику...

Анна остановила его движеніемъ руки.

— Это на что же? Публика ей безъ того много горя надѣлала; да и Катя только-что начинала жить. Но если вы сами (Анна посмотрѣла на него и опять улыбнулась той же печальной, но уже болѣе привѣтной улыбкой... она какъ будто подумала: да, ты внушаешь мнѣ довѣріе)... если вы сами питаете къ ней такое участіе, то позвольте васъ попросить придти къ намъ сегодня вечеромъ... послѣ обѣда. Я теперь не могу... такъ, вдругъ... Я соберусь съ силами... Я попытаюсь... Ахъ, я слишкомъ любила ее!

Анна отвернулась; она готова была зарыдать.

Аратовъ проворно поднялся со стула, поблагодарилъ за предложеніе, сказалъ, что придетъ непремѣнно... непремѣнно!—и ушелъ, унося въ душѣ впечатлѣніе тихаго голоса, кроткихъ и грустныхъ глазъ—и сгорая томленьемъ ожиданія.

XIII.

Аратовъ въ тотъ же день вернулся къ Миловидовымъ и цѣлыхъ три часа пробесѣдовалъ съ Анной Семеновной. Г-жа Миловидова ложилась спать тотчасъ послѣ обѣда—въ два часа—и „отдыхала“ до вечерняго чаю, до семи часовъ. Разговоръ Аратова съ сестрою Клары не былъ собственно бесѣдой: она говорила почти одна, сперва съ запинкой, съ смущеніемъ, но потомъ съ неудержимымъ жаромъ. Она, очевидно, боготворила свою сестру. Довѣріе, внушенное ей Аратовымъ, росло и крѣпло; она уже не стѣснялась; она даже раза два, молча, всплакнула передъ нимъ. Онъ казался ей достойнымъ ея откровенныхъ сообщеній и изліяній... въ ея собственной глухой жизни ничего такого еще не случалось!.. А онъ... онъ впивалъ каждое ея слово.

Вотъ, что онъ узналъ... многое, конечно, изъ недомолвокъ... многое онъ дополнилъ самъ.

Въ дѣтствѣ Клара была несомнѣнно непріятнымъ ребенкомъ; и въ дѣвушкахъ она была немногимъ мягче: своенольная, вспыльчивая, самолюбивая, она не ладила особенно съ отцомъ, котораго презирала за пьянство и за бездарность. Онъ это чувствовалъ и не прощалъ ей этого. Музыкальныя способности въ ней оказались рано; отецъ не давалъ имъ ходу, признавая художествомъ одну живопись, въ которой такъ мало самъ преуспѣлъ, но которая кормила и его, и семью. Мать свою Клара любила... нежно, какъ няню; сестру обожала, хоть и дралась съ ней, и кусала ее... Правда, она потомъ становилась на колѣни передъ нею и цѣловала укушенныя мѣста. Она была вся—огонь, вся—страсть и вся—противорѣчіе: мстительна и добра, великодушна и злопамятна; вѣрила въ судьбу и не вѣрила въ Бога (эти слова Анна прошептала съ ужасомъ): любила все красивое, а сама о своей красотѣ не заботилась и одѣвалась, какъ попало; терпѣть не могла, чтобы за ней ухаживали молодые люди, а въ книгахъ перечитывала только тѣ страницы, гдѣ рѣчь идетъ о любви; не хотѣла нравиться, не любила ласки и никогда ласки не забывала, какъ и не забывала оскорбленія; боялась смерти и сама себя убила! Она говаривала иногда: „Такого, какъ я хочу—я не встрѣчу... а другихъ мнѣ не надо!“ — Ну, а если встрѣтишь? — спрашивала Анна. — „Встрѣчу... возьму“. — А если не дастся? — „Ну, тогда... съ собой покончу. Значитъ, не гожусь“. Отецъ Клары (онъ иногда съ пьяныхъ глазъ спрашивалъ у жены:—„Отъ кого у тебя этотъ бѣсенокъ черномазый?—не отъ меня!“)—отецъ Клары, стараясь ее сбыть поскорѣе съ рукъ, просваталъ-было ее за богатаго молодого купчика, преглупенькаго, изъ „образованныхъ“. За двѣ недѣли до свадьбы (ей было всего шестнадцать лѣтъ), она подошла къ своему жениху, скрестивши руки и играя пальцами по локтямъ (любимая ея поза), да вдругъ, какъ хлопъ его по румяной щекѣ своей большой, сильной рукой! Онъ вскочилъ и только ротъ разинулъ, — надо ска-

зать, что онъ былъ смертельно въ нее влюбленъ... Спрашиваетъ: за что? Она засмѣялась и ушла. — Я тутъ же, въ комнатѣ находилась,—разсказывала Анна,—была свидѣтельницей. Побѣжала за ней, да говорю ей:—Катя, помилуй, что̀ ты это? А она мнѣ въ отвѣтъ:—„Коли бъ настоящій былъ человѣкъ—прибилъ бы меня, а то—курица мокрая! И еще спрашиваетъ: за что? Коли любишь, и не отмстилъ, такъ терпи и не спрашивай: за что? Ничего ему отъ меня не будетъ—во вѣки вѣковъ!“ Такъ она замужъ за него и не пошла. Тутъ же скоро она съ той актрисой познакомилась и оставила нашъ домъ. Матушка поплакала, а отецъ только сказалъ: „Строптивую козу изъ стада вонъ!“ И хлопотать, разыскивать не сталъ. Отецъ не понималъ Клары. Меня она, наканунѣ своего бѣгства, прибавила Анна, чуть не задушила въ своихъ объятіяхъ, и все повторяла:—не могу! не могу иначе!.. Сердце поломъ, а не могу! Клѣтка ваша мала... не по крыльямъ! Да и своей судьбы не минуешь...

— Послѣ этого, — замѣтила Анна: — мы съ ней рѣдко видались... Когда умеръ отецъ, она пріѣхала на два дня, ничего изъ наслѣдства не взяла, и опять скрылась. Ей у насъ было тяжело... Я это видѣла. Потомъ она пріѣхала въ Казань уже актрисой.

Аратовъ началъ разспрашивать Анну о театрѣ, о роляхъ, въ которыхъ появлялась Клара, объ ея успѣхахъ... Анна отвѣчала подробно, но съ тѣмъ же горестнымъ, хоть и живымъ увлеченіемъ. Она даже показала Аратову фотографическую карточку, на которой Клара была представлена въ костюмѣ одной изъ ея ролей. На карточкѣ она глядѣла въ сторону, словно отворачивалась отъ зрителей; перевитая лентой густая коса падала змѣей на обнаженную руку. Аратовъ долго разсматривалъ эту карточку, нашелъ ее схожей, спросилъ, не участвовала ли Клара въ публичныхъ чтеніяхъ, и узналъ, что нѣтъ; что ей нужно было возбужденіе театра, сцены... но другой вопросъ горѣлъ у него на губахъ.

— Анна Семеновна! — воскликнулъ онъ, наконецъ, не громко, но съ особенной силой: — скажите, умоляю васъ,

скажите, отчего она... отчего она рѣшилась на тотъ ужасный поступокъ?..

Анна опустила глаза. — Не знаю! — промолвила она, спустя нѣсколько мгновеній. — Ей-Богу, не знаю! — продолжала она стремительно, замѣтивъ, что Аратовъ развелъ руками, какъ бы не вѣря ей. — Съ самаго пріѣзда сюда, она, точно, была задумчива, мрачна. Съ ней непремѣнно что-нибудь въ Москвѣ случилось, чего я не могла разгадать! Но, напротивъ, въ тотъ роковой день она какъ будто была... если не веселѣе, то спокойнѣе обыкновеннаго. Даже у меня никакихъ предчувствій не было, — прибавила Анна съ горькой усмѣшкой, какъ бы упрекая себя въ этомъ.

— Видите ли,—заговорила она опять:—у Кати словно на роду было написано, что она будетъ несчастна. Съ раннихъ лѣтъ она была въ этомъ убѣждена. Подопрется такъ рукою, задумается и скажетъ: „Мнѣ не долго жить!“ У ней бывали предчувствія. Представьте, что она даже заранѣе, иногда во снѣ, а иногда и такъ, видѣла, что̀ съ ней будетъ! „Не могу жить, какъ хочу, такъ и не надо“... тоже была ея поговорка. — „Вѣдь наша жизнь въ нашей рукѣ!“ И она это доказала!

Анна закрыла лицо руками и умолкла.

— Анна Семеновна, — началъ, погодя немного, Аратовъ: — вы, можетъ-быть, слышали, чему приписывали газеты...

— Несчастной любви?—перебила Анна, разомъ отдернувъ руки отъ лица. — Это клевета, клевета, выдумка!.. Моя нетронутая, неприступная Катя... Катя!.. и несчастная, отвергнутая любовь?!! И я бы этого не знала?.. Въ нее, въ нее всѣ влюблялись... а она... И кого бы она здѣсь полюбила? Кто, изо всѣхъ этихъ людей, кто былъ ея достоинъ? Кто доросъ до того идеала честности, правдивости, чистоты, главное—чистоты, который, при всѣхъ ея недостаткахъ, постоянно носился передъ нею?.. Ее отвергнуть... ее...

Голосъ прервался у Анны... Ея пальцы слегка задрожали. Она вдругъ вся покраснѣла... покраснѣла отъ не-

годованія, и въ этотъ мигъ—и только на мигъ—стала по хожа на сестру.

Аратовъ началъ-было извиняться.

— Послушайте,—опять перебила Анна:—я непремѣнно хочу, чтобы вы и сами не вѣрили въ эту клевету, и разсѣяли бы ее, если это возможно! Вотъ, вы хотите написать о ней статью, что ли: вотъ вамъ случай защитить ея память! Я оттого и говорю съ вами такъ откровенно. Послушайте: отъ Кати остался дневникъ...

Аратовъ вздрогнулъ.—Дневникъ,—прошепталъ онъ.

— Да, дневникъ... то-есть, всего нѣсколько страничекъ. Катя не любила писать... по цѣлымъ мѣсяцамъ ничего не записывала... и письма ея были такія короткія. Но она всегда, всегда была правдива, она никогда не лгала... Съ ея самолюбіемъ, да лгать! Я... я вамъ покажу этотъ дневникъ! Вы увидите сами, былъ ли въ немъ хотя намекъ на какую-то несчастную любовь!

Анна торопливо достала изъ столоваго ящика тоненькую тетрадку, страницъ въ десять, не болѣе, и протянула ее Аратову. Тотъ схватилъ ее съ жадностью, узналъ неправильный, размашистый почеркъ, почеркъ того безъименнаго письма, развернулъ ее на удачу, и тотчасъ же напалъ на слѣдующія строки:

„Москва.—Вторникъ ...го іюня. Пѣла и читала на литературномъ утрѣ. Сегодня для меня знаменательный день. *Онъ долженъ рѣшить мою участь.* (Эти слова были дважды подчеркнуты.) Я опять увидала...“ Тутъ слѣдовало нѣсколько тщательно замаранныхъ строкъ. И потомъ: „Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!.. Надо опять за прежнее, если только...“

Аратовъ опустилъ руку, въ которой онъ держалъ тетрадку, и голова его тихо свѣсилась на грудь.

— Читайте! — воскликнула Анна. — Что жъ вы не читаете? Прочтите сначала... Тутъ всего на пять минутъ чтенія, хоть и на цѣлыхъ два года тянется этотъ дневникъ. Въ Казани она уже ничего не записывала...

Аратовъ медленно поднялся со стула, и такъ и обрушился на колѣни передъ Анной.

Та просто окаменѣла отъ удивленія и испуга.

— Дайте... дайте мнѣ этотъ дневникъ, — заговорилъ Аратовъ замиравшимъ голосомъ, и протянулъ къ Аннѣ обѣ руки.—Дайте мнѣ его... и карточку... у васъ навѣрное есть другая—а дневникъ я вамъ возвращу... Но мнѣ нужно, нужно...

Въ его мольбѣ, въ искаженныхъ чертахъ его лица было что-то до того отчаянное, что оно походило даже на злобу, на страданіе... Да онъ и страдалъ дѣйствительно. Онъ словно самъ не могъ предвидѣть, что надъ нимъ стрясется такая бѣда, и раздраженно молилъ о пощадѣ, о спасеніи...

— Дайте,—повторилъ онъ.

— Да... вы... вы были влюблены въ мою сестру?—проговорила, наконецъ, Анна.

Аратовъ продолжалъ стоять на колѣняхъ.

— Я ее всего два раза видѣлъ... вѣрьте мнѣ!.. и если бы меня не побуждали причины, которыя я самъ ни понять, ни изъяснить хорошенько не могу... если бъ не была надо мною какая-то власть, сильнѣе меня... я не сталъ бы васъ просить... я бы не пріѣхалъ сюда. Мнѣ нужно... я долженъ... вѣдь вы сами сказали, что я обязанъ возстановить ея образъ!

— И вы не были влюблены въ сестру?—спросила Анна вторично.

Аратовъ не тотчасъ отвѣтилъ и отвернулся слегка, какъ отъ боли.

— Ну, да! былъ! былъ!—я и теперь влюбленъ...—воскликнулъ онъ съ тѣмъ же отчаяніемъ.

Послышались шаги въ сосѣдней комнатѣ.

— Встаньте... встаньте...—поспѣшно промолвила Анна.—Къ намъ матушка идетъ.

Аратовъ приподнялся.

— И возьмите дневникъ и карточку, Богъ съ вами! Бѣдная, бѣдная Катя!.. Но вы дневникъ мнѣ возвратите,—прибавила она съ живостью. — И если вы что̀ напишете, пришлите мнѣ, непремѣнно... Слышите?

Появленіе г-жи Миловидовой избавило Аратова отъ не-

обходимости отвѣчать. Онъ успѣлъ, однако, шеппуть: — Вы ангелъ! Спасибо! Пришлю все, что напишу...

Г-жа Миловидова съ просонья ни о чемъ не догадалась. Такъ Аратовъ и уѣхалъ изъ Казани съ фотографической карточкой въ боковомъ карманѣ сюртука. Тетрадку онъ возвратилъ Аннѣ, но, незамѣтно для нея, вырѣзалъ листикъ, на которомъ находились подчеркнутыя слова.

На обратномъ пути въ Москву имъ опять овладѣло оцѣпенѣніе. Хоть онъ и радовался втайнѣ, что добился-таки того, зачѣмъ ѣздилъ, однако, всѣ помышленія о Кларѣ онъ откладывалъ до возвращенія домой. Онъ гораздо больше думалъ о ея сестрѣ Аннѣ. — Вотъ, думалъ онъ, чудесное симпатическое существо! Какое тонкое пониманіе всего, какое любящее сердце, какое отсутствіе эгоизма! И какъ это у насъ, въ провинціи—да еще въ такой обстановкѣ—расцвѣтаютъ такія дѣвушки!—Она и болѣзненна, и собой дурна, и не молода,—а какой бы отличной была подругой для порядочнаго, образованнаго человѣка! Вотъ, въ кого слѣдовало бы влюбиться!..—Аратовъ думалъ такъ... но по прибытіи въ Москву дѣло приняло совсѣмъ другой оборотъ.

XIV.

Платонида Ивановна несказанно обрадовалась возвращенію своего племянника. Чего-чего она не передумала въ его отсутствіе! — „По меньшей мѣрѣ, въ Сибирь!“ шептала она, сидя неподвижно въ своей комнаткѣ:— „по меньшей мѣрѣ—на годъ!“—Къ тому же, и кухарка пугала ее, сообщая наивѣрнѣйшія извѣстія объ исчезновеніи то того, то другого молодого человѣка по сосѣдству. Совершенная невинность и благонадежность Яши нисколько не успокаивали старушку. — „Потому... мало ли что! — фотографіей занимается... ну, и довольно! Бери его!“ — И вотъ, ея Яшенька вернулся цѣлъ и невредимъ! Правда, она замѣтила, что онъ какъ будто похудѣлъ и въ личикѣ осунулся—дѣло понятное... безъ призора!—но разспрашивать его объ его путешествіи не посмѣла. Спросила

за обѣдомъ:—А хорошій городъ Казань?—Хорошій!—отвѣчалъ Аратовъ.—Чай, тамъ все татары живутъ?—Не одни татары. — А халата оттуда не привезъ? — Нѣтъ, не привезъ.—Тѣмъ и кончился разговоръ.

Но какъ только Аратовъ очутился одинъ въ своемъ кабинетѣ—онъ немедленно почувствовалъ, что его какъ бы кругомъ что-то охватило, что онъ опять находится *во власти*, именно во власти другой жизни, другого существа. Хоть онъ и сказалъ Аннѣ—въ томъ порывѣ внезапнаго изступленія, — что онъ влюбленъ въ Клару — но это слово ему самому теперь казалось безсмысленнымъ и дикимъ.—Нѣтъ, онъ не влюбленъ; да и какъ влюбиться въ мертвую, которая даже при жизни ему не нравилась, которую онъ почти забылъ? — Нѣтъ! но онъ во власти... въ *ея* власти... онъ не принадлежитъ себѣ болѣе. Онъ—*взятъ*. Взятъ до того, что даже не пытается освободиться ни насмѣшкой надъ собственной нелѣпостью, ни возбужденьемъ въ себѣ если не увѣренности, то хоть надежды, что это все пройдетъ, что это—одни нервы,—ни пріисканьемъ къ тому доказательствъ, — ни чѣмъ инымъ! — „Встрѣчу—возьму“ — вспомнились ему слова Клары, переданныя Анной... вотъ, онъ и взятъ. — Да вѣдь она—мертвая? Да; тѣло ея мертвое... а душа? — развѣ она не безсмертная... развѣ ей нужны земные органы, чтобы проявить свою власть?—Вонъ, магнетизмъ намъ доказалъ вліяніе живой человѣческой души на другую живую человѣческую душу... Отчего же это вліяніе не продолжится и послѣ смерти—коли душа остается живой?— Да съ какой цѣлью? Что изъ этого можетъ выйти? — Но развѣ мы—вообще—постигаемъ, какая цѣль всего, что совершается вокругъ насъ?—Эти мысли до того занимали Аратова, что онъ внезапно, за чаемъ, спросилъ Платошу: вѣритъ ли она въ безсмертіе души?— Та сначала не поняла, что онъ такое спрашиваетъ—а потомъ перекрестилась и отвѣтила, что еще бы душѣ—да не быть безсмертной!—А коли такъ, можетъ она дѣйствовать послѣ смерти? — опять спросилъ Аратовъ. Старушка отвѣчала, что можетъ... за насъ молиться, то-есть; и то, когда прой-

детъ всѣ мытарства—въ ожиданьи Страшнаго Суда. А первые сорокъ дней она только витаетъ около того мѣста, гдѣ ей смерть приключилась.

— Первые сорокъ дней?

— Да; а потомъ пойдутъ мытарства.

Аратовъ подивился познаніямъ тетки — и ушелъ къ себѣ.—И опять почувствовалъ то же, ту же власть надъ собой.—Власть эта сказывалась и въ томъ, что ему безпрестанно представлялся образъ Клары, до малѣйшихъ подробностей, до такихъ подробностей, которыя онъ при жизни ея какъ будто и не замѣчалъ: онъ видѣлъ... видѣлъ ея пальцы, ногти, грядки волосъ на щекахъ подъ висками, небольшую родинку подъ лѣвымъ глазомъ; видѣлъ движенія ея губъ, ноздрей, бровей... и какая у ней походка — и какъ она держитъ голову немного на правый бокъ... все видѣлъ онъ! — Онъ вовсе не любовался всѣмъ этимъ; онъ только не могъ объ этомъ не думать и не видѣть. — Въ первую ночь послѣ своего возвращенія, она, однако, ему не снилась... онъ очень усталъ и спалъ, какъ убитый. Зато, какъ только онъ проснулся — она снова вошла въ его комнату—и такъ и осталась въ ней—точно хозяйка; точно она своей добровольной смертью купила себѣ это право, не спросясь его и не нуждаясь въ его позволеньи. — Онъ взялъ ея фотографическую карточку; началъ ее воспроизводить, увеличивать. Потомъ онъ вздумалъ ее приладить къ стереоскопу. Хлопотъ ему было много... наконецъ, это ему удалось. Онъ такъ и вздрогнулъ, когда увидалъ сквозь стекло ея фигуру, получившую подобіе тѣлесности. Но фигура эта была сѣрая, словно запыленная... и, къ тому же, глаза... глаза все смотрѣли въ сторону, все какъ будто отворачивались. Онъ сталъ долго, долго глядѣть на нихъ, какъ бы ожидая, что вотъ, они направятся въ его сторону... онъ даже нарочно прищуривался... но глаза оставались неподвижными, и вся фигура принимала видъ какой-то куклы. Онъ отошелъ прочь, бросился въ кресло, досталъ вырванный листокъ ея дневника, съ подчеркнутыми словами — и подумалъ: „вѣдь вотъ, говорятъ,

влюбленные цѣлуютъ строки, написанныя милой рукою— а мнѣ этого не хочется дѣлать—да и почеркъ мнѣ кажется некрасивымъ. Но въ этой строкѣ — мой приговоръ". — Тутъ ему пришло въ голову обѣщанье, данное Аннѣ насчетъ статьи. Онъ сѣлъ за столъ и принялся было ее писать; но все у него выходило такъ ложно, такъ риторично... главное, такъ ложно... точно онъ не вѣрилъ ни въ то, что онъ писалъ, ни въ собственныя чувства... да и сама Клара показалась ему незнакомой, непонятной! Она не давалась ему. — „Нѣтъ!—подумалъ онъ, бросая перо: — либо сочинительство вообще не мое дѣло, либо еще подождать надо!" — Онъ сталъ припоминать свое посѣщеніе у Миловидовыхъ — и весь разсказъ Анны, этой доброй, чудной Анны... Сказанное ею слово: „нетронутая!" внезапно поразило его. Словно что и обожгло его, и освѣтило. — Да,—промолвилъ онъ громко:— она нетронутая—и я нетронутый... Вотъ, что дало ей эту власть!

Мысли о безсмертіи души, о жизни за гробомъ снова посѣтили его. — Развѣ не сказано въ Библіи: „Смерть, гдѣ жало твое?" А у Шиллера: „И мертвые будутъ жить!" (Auch die Todten sollen leben!).— Или, вотъ, еще, кажется, у Мицкевича: „Я буду любить до скончанія вѣка... и по скончаніи вѣка!" — А одинъ англійскій писатель сказалъ: „Любовь сильнѣе смерти!" — Библейское изреченіе особенно подѣйствовало на Аратова. — Онъ хотѣлъ отыскать мѣсто, гдѣ находились эти слова... Библіи у него не было; онъ пошелъ попросить ее у Платоши.— Та удивилась; однако, достала старую-старую книгу въ покоробленномъ кожаномъ переплетѣ, съ мѣдными застежками, всю закапанную воскомъ,—и вручила ее Аратову. Онъ унесъ ее къ себѣ въ комнату—но долго не находилъ того изреченія... за то ему попалось другое:

„Бо̀льшее сея любве никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя..." (Ев. отъ Іоанна, XV гл. 13 ст.).

Онъ подумалъ: „Не такъ сказано.—Надо было сказать: „Бо̀льшее сея *власти* никто же имать..."

„А если она вовсе не за меня положила свою душу?— Если она только потому покончила съ собою, что жизнь ей стала въ тягость?—Если она, наконецъ, вовсе не для любовныхъ объясненій пришла на свиданіе?“

Но въ это мгновенье ему представилась Клара передъ разлукой на бульварѣ... Онъ вспомнилъ то горестное выраженіе на ея лицѣ—и тѣ слезы, и тѣ слова:—Ахъ, вы ничего не поняли!..

Нѣтъ! онъ не могъ сомнѣваться въ томъ, изъ-за чего и для кого она положила свою душу...

Такъ прошелъ весь этотъ день, до ночи.

XV.

Аратовъ легъ рано, безъ особеннаго желанія спать; но онъ надѣялся найти отдыхъ въ постели. Напряженное состояніе его нервовъ причинило ему утомленіе, гораздо болѣе несносное, чѣмъ физическая усталость путешествія и дороги. Однако, какъ ни было велико его утомленіе, заснуть онъ не могъ. Онъ попытался читать... но строки путались передъ его глазами. Онъ погасилъ свѣчку,— и мракъ водворился въ его комнатѣ.—Но онъ продолжалъ лежать безъ сна, съ закрытыми глазами... И вотъ— ему почудилось: кто-то шепчетъ ему на ухо... „Стукъ сердца, шелестъ крови“, подумалъ онъ... Но шопотъ перешелъ въ связную рѣчь. Кто-то говорилъ по-русски, торопливо, жалобно и невнятно. Ни одного отдѣльнаго слова нельзя было уловить... Но это былъ голосъ Клары!

Аратовъ открылъ глаза, приподнялся, облокотился... Голосъ сталъ слабѣе, но продолжалъ свою жалобную, поспѣшную, попрежнему невнятную рѣчь...

Это несомнѣнно голосъ Клары!

Чьи-то пальцы пробѣжали легкими арпеджіями по клавишамъ піанино... Потомъ голосъ опять заговорилъ. Послышались болѣе протяжные звуки... какъ бы стоны... все одни и тѣ же. А тамъ начали выдѣляться слова...

„Розы... розы... розы...“

— Розы,—повторилъ шопотомъ Аратовъ.—Ахъ, да! это тѣ розы, которыя я видѣлъ на головѣ той женщины, во снѣ...

„Розы“, послышалось опять.

— Ты ли это?—спросилъ тѣмъ же шопотомъ Аратовъ.

Голосъ вдругъ умолкъ.

Аратовъ подождалъ... подождалъ—и уронилъ голову на подушку. „Галлюцинація слуха,— подумалъ онъ.— Ну, а если... если она, точно, здѣсь, близко?.. Если бы я ее увидѣлъ—испугался ли бы я?—Или обрадовался? Но чего бы я испугался? Чему бы обрадовался? Развѣ вотъ чему: это было бы доказательствомъ, что есть другой міръ, что душа бессмертна.—Но, впрочемъ, если бы я даже что-нибудь увидѣлъ—вѣдь это могло бы тоже быть галлюцинаціей зрѣнья...“

Однако, онъ зажегъ свѣчку—и быстрымъ взоромъ, не безъ нѣкотораго страха, обѣжалъ всю комнату... и ничего въ ней необыкновеннаго не увидѣлъ. Онъ всталъ, подошелъ къ стереоскопу... опять та же сѣрая кукла съ глазами, смотрящими въ сторону. Чувство страха замѣнилось въ Аратовѣ чувствомъ досады. Онъ какъ будто обманулся въ своихъ ожиданьяхъ... да и смѣшны ему показались эти самыя ожиданья.—Вѣдь это, наконецъ, глупо!—пробормоталъ онъ, снова ложась въ постель, и задулъ свѣчку. Опять водворилась глубокая темнота.

Аратовъ рѣшился заснуть на этотъ разъ... Но въ немъ возникло новое ощущеніе. Ему показалось, что кто-то стоитъ посреди комнаты, недалеко отъ него — и чуть замѣтно дышитъ. Онъ поспѣшно обернулся, раскрылъ глаза... Но что же можно было видѣть въ этой непроницаемой темнотѣ?—Онъ сталъ отыскивать спичку на ночномъ столикѣ... и вдругъ ему почудилось, что какой-то мягкій, безшумный вихрь пронесся черезъ всю комнату, черезъ него, сквозь него — и слово: „Я!“ явственно раздалось въ его ушахъ...

— „Я!... Я!..“

Прошло нѣсколько мгновеній, прежде чѣмъ онъ успѣлъ зажечь свѣчку.

Въ комнатѣ опять никого не было — и онъ уже не слышалъ ничего, кромѣ порывистаго стука собственнаго сердца. Онъ выпилъ стаканъ воды — и остался неподвиженъ, опершись головою на руку. Онъ ждалъ.

Онъ подумалъ: „Буду ждать. Либо это все вздоръ... либо она здѣсь. Не станетъ же она играть со мною, какъ кошка съ мышью!“ Онъ ждалъ, ждалъ долго... такъ долго, что рука, которой онъ поддерживалъ голову, отекла... но ни одно изъ прежнихъ ощущеній не повторялось. Раза два глаза его слипались... Онъ тотчасъ открывалъ ихъ... по крайней мѣрѣ, ему казалось, что онъ ихъ открывалъ. Понемногу они устремились на дверь и остановились на ней. Свѣча нагорѣла—и въ комнатѣ стало опять темно... но дверь бѣлѣла длиннымъ пятномъ среди полумрака. И вотъ, это пятно шевельнулось, уменьшилось, исчезло... и на его мѣстѣ, на порогѣ двери, показалась женская фигура. Аратовъ всматривается... Клара! И на этотъ разъ она прямо смотритъ на него, подвигается къ нему... На головѣ у ней вѣнокъ изъ красныхъ розъ... Онъ весь всколыхнулся, приподнялся...

Передъ нимъ стоитъ его тетка, въ ночномъ чепцѣ съ большимъ краснымъ бантомъ и въ бѣлой кофтѣ.

— Платоша!—съ трудомъ проговорилъ онъ.—Это вы?

— Это я,—отвѣтила Платонида Ивановна.—Я, Яшенёночекъ, я.

— Зачѣмъ вы пришли?

— Да ты меня разбудилъ. Сперва все какъ будто стоналъ... а потомъ вдругъ какъ закричишь: — Спасите! помогите!

— Я кричалъ?

— Да, кричалъ—и хрипло такъ:—Спасите!—Я подумала: Господи! Ужъ не боленъ ли онъ? Я и вошла. Ты здоровъ?

— Совершенно здоровъ.

— Ну, значитъ, тебѣ дурной сонъ приснился. Хочешь, ладанкомъ покурю?

Аратовъ еще разъ, пристально, вглядѣлся въ тетку— и громко засмѣялся... Фигура доброй старушки въ чепцѣ и кофтѣ, съ испуганнымъ, вытянутымъ лицомъ, была, дѣйствительно, очень забавна. Все то таинственное, что его окружало, что давило его — всѣ эти чары разлетѣлись разомъ.

— Нѣтъ, Платоша, голубушка, не надо, — промолвилъ онъ. — Извините, пожалуйста, что я нехотя васъ потревожилъ. Почивайте спокойно—и я усну.

Платонида Ивановна постояла еще немного на мѣстѣ, показала на свѣчку, поворчала: зачѣмъ-молъ, не гасишь... долго ли до бѣды!—и, уходя, не могла удержаться, чтобы хоть издали, да не перекрестить его.

Аратовъ немедленно заснулъ — и спалъ до утра. Онъ и всталъ въ хорошемъ расположеніи духа... хотя ему и было жаль чего-то... Онъ чувствовалъ себя легко и свободно. „Экія романтическія затѣи, подумаешь“, говорилъ онъ самому себѣ съ улыбкой. Онъ ни разу не взглянулъ ни на стереоскопъ, ни на вырванный имъ листикъ. Однако, тотчасъ послѣ завтрака, отправился къ Купферу.

Что его туда влекло... онъ сознавалъ смутно.

XVI.

Аратовъ засталъ своего сангвиническаго пріятеля дома. Поболталъ съ нимъ немного, попрекнулъ ему, что онъ совсѣмъ ихъ съ теткой забываетъ, — выслушалъ новыя похвалы золотой женщинѣ, княгинѣ, отъ которой Купферъ только-что получилъ изъ Ярославля ермолку, вышитую рыбьей чешуей... и вдругъ, усѣвшись передъ Купферомъ и глядя ему прямо въ глаза, объявилъ, что ѣздилъ въ Казань.

— Ты ѣздилъ въ Казань? Это зачѣмъ?

— Да вотъ, хотѣлъ собрать свѣдѣнія объ этой... Кларѣ Миличъ.

— О той, что отравилась?

— Да.

Купферъ покачалъ головою. — Вишь, ты какой! А еще тихоня! Тысячу верстъ отломалъ туда и сюда... изъ-за чего? А? И хоть бы женскій интересъ тутъ былъ какой! Тогда я все понимаю! все! всякія безумства! — Купферъ взъерошилъ себѣ волосы. — Но чтобы одни матеріалы собирать—какъ это у васъ говорится—у ученыхъ мужей... Слуга покорный! На это существуетъ статистическій ко-

митетъ! — Ну, и что жъ, познакомился ты со старухой и съ сестрой? Не правда ли, чудесная дѣвушка?

— Чудесная,—подтвердилъ Аратовъ.—Она мнѣ много любопытнаго сообщила.

— Сказала она тебѣ, какъ именно отравилась Клара?

— То-есть... какъ же?

— Да какимъ манеромъ?

— Нѣтъ... Она еще такъ была огорчена... Я не посмѣлъ слишкомъ-то разспрашивать. А развѣ было что особенное?

— Конечно, было. Представь: она должна была въ самый тотъ день играть—и играла. Взяла съ собою склянку яду въ театръ, передъ первымъ актомъ выпила — и такъ и доиграла весь этотъ актъ. Съ ядомъ-то внутри! Какова сила воли! Характеръ каковъ! И, говорятъ, никогда она съ такимъ чувствомъ, съ такимъ жаромъ не проводила своей роли! Публика ничего не подозрѣваетъ, хлопаетъ, вызываетъ... А какъ только занавѣсъ опустился — и она тутъ же, на сценѣ, упала. Корчи... корчи... и черезъ часъ и духъ вонъ! Да развѣ я тебѣ этого не разсказывалъ? И въ газетахъ объ этомъ было!

У Аратова внезапно похолодѣли руки и въ груди задрожало.

— Нѣтъ, ты мнѣ этого не разсказывалъ,—промолвилъ онъ наконецъ.—И ты не знаешь, какая это была пьеса?

Купферъ задумался.—Называли мнѣ эту пьесу... въ ней является обманутая дѣвушка... Должно-быть, драма какая-нибудь. Клара была рождена для драматическихъ ролей... Самая ея наружность... Но куда же ты?—перебилъ самого себя Купферъ, видя, что Аратовъ берется за шапку.

— Мнѣ что-то нездоровится, — отвѣчалъ Аратовъ.— Прощай... Я въ другой разъ зайду.

Купферъ остановилъ его и заглянулъ ему въ лицо.— Экой ты, братъ, нервическій человѣкъ! Посмотри-ка на себя... Побѣлѣлъ, какъ глина.

— Мнѣ нездоровится,—повторилъ Аратовъ, освободился отъ руки Купфера и отправился во-свояси. Только въ это мгновеніе ему стало ясно, что онъ и приходилъ-то къ Купферу съ единственной цѣлью поговорить о Кларѣ...

— „О безумной, о несчастной Кларѣ“...

Однако, придя домой, онъ опять скоро успокоился— до нѣкоторой степени.

Обстоятельства, сопровождавшія смерть Клары, сначала произвели на него потрясающее впечатлѣніе... но потомъ эта игра „съ ядомъ внутри“, какъ выразился Купферъ, показалась ему какой-то уродливой фразой, бравировкой— и онъ уже старался не думать объ этомъ, боясь возбудить въ себѣ чувство, похожее на отвращеніе. А за обѣдомъ, сидя передъ Платошей, онъ вдругъ вспомнилъ ея полуночное появленіе, вспомнилъ эту куцую кофту, этотъ чепецъ съ высокимъ бантомъ (и къ чему бантъ на ночномъ чепцѣ?!), всю эту смѣшную фигуру, отъ которой, какъ отъ свистка машиниста въ фантастическомъ балетѣ, всѣ его видѣнія разсыпались прахомъ! Онъ даже заставилъ Платошу повторить разсказъ о томъ, какъ она услышала его крикъ, испугалась, вскочила, не могла разомъ попасть ни въ свою, ни въ его дверь, и т. д. Вечеромъ онъ съ ней поигралъ въ карты и ушелъ въ свою комнату немного грустный, но опять-таки довольно спокойный.

Аратовъ не думалъ о предстоявшей ночи и не боялся ея: онъ былъ увѣренъ, что проведетъ ее какъ нельзя лучше. Мысль о Кларѣ отъ времени до времени пробуждалась въ немъ; но онъ тотчасъ вспоминалъ, какъ она „фразисто“ себя уморила, и отворачивался. Это „безобразіе“ мѣшало другимъ воспоминаніямъ о ней. Взглянувши мелькомъ на стереоскопъ, ему даже показалось, что она оттого смотрѣла въ сторону, что ей было стыдно. Прямо надъ стереоскопомъ, на стѣнѣ, висѣлъ портретъ его матери. Аратовъ снялъ его съ гвоздя, долго его разсматривалъ, поцѣловалъ и бережно спряталъ въ ящикъ. Отчего онъ это сдѣлалъ? Оттого ли, что тому портрету не слѣдовало находиться въ сосѣдствѣ той женщины... или по другой какой причинѣ—Аратовъ не отдалъ себѣ отчета. Но портретъ матери возбудилъ въ немъ воспоминаніе объ отцѣ... объ отцѣ, котораго онъ видѣлъ умирающимъ въ этой же самой комнатѣ, на этой постели. „Что ты думаешь обо всемъ этомъ, отецъ?—обратился

онъ мысленно къ нему. — Ты все это понималъ; ты тоже вѣрилъ въ шиллеровскій міръ духовъ.—Дай мнѣ совѣтъ!“

— Отецъ далъ бы мнѣ совѣтъ всѣ эти глупости бросить, — промолвилъ Аратовъ громко и взялся за книгу. Читать онъ, однако, долго не могъ и, чувствуя какое-то отяжелѣніе всего тѣла, раньше обыкновеннаго легъ въ постель, въ полной увѣренности, что заснетъ немедленно.

Оно такъ и случилось... но не оправдались его надежды на мирную ночь.

XVII.

Полночь еще не успѣла пробить, какъ ему уже привидѣлся необычайный, угрожающій сонъ.

Ему казалось, что онъ находится въ богатомъ помѣщичьемъ домѣ, котораго онъ былъ хозяиномъ. Онъ недавно купилъ и домъ этотъ, и все прилегавшее къ нему имѣніе. И все ему думается: „хорошо, теперь хорошо, а быть худу!“ Возлѣ него вертится маленькій человѣчекъ, его управляющій; онъ все смѣется, кланяется и хочетъ показать Аратову, какъ у него въ домѣ и въ имѣніи все отлично устроено.---Пожалуйте, пожалуйте,—твердитъ онъ, хихикая при каждомъ словѣ:—посмотрите, какъ у васъ все благополучно! Вотъ лошади... экія чудесныя лошади!— И Аратовъ видитъ рядъ громадныхъ лошадей. Онѣ стоятъ къ нему задомъ въ стойлахъ; гривы и хвосты у нихъ удивительные... но какъ только Аратовъ проходитъ мимо, головы лошадей поворачиваются къ нему—и скверно скалятъ зубы.—Хорошо... думаетъ Аратовъ... а быть худу!— Пожалуйте, пожалуйте,—опять твердитъ управляющій:— пожалуйте въ садъ: посмотрите, какія у васъ чудныя яблоки!—Яблоки, точно, чудесныя, красныя, круглыя; но какъ только Аратовъ взглядываетъ на нихъ, они морщатся и падаютъ... „Быть худу“, думаетъ онъ.—А вотъ и озеро, — лепечетъ управляющій: — какое оно синее, да гладкое! Вотъ и лодочка золотая... Угодно на ней прокатиться?.. она сама поплыветъ.—„Не сяду!—думаетъ Аратовъ:—быть худу!“ и все-таки садится въ лодочку. На днѣ лежитъ, скорчившись, какое-то маленькое существо,

похожее на обезьяну; оно держитъ въ лапахъ склянку съ темной жидкостью.—Не извольте безпокоиться,— кричитъ съ берега управляющій...—Это ничего! Это смерть! Счастливаго пути!—Лодка быстро мчится... но вдругъ налетаетъ вихрь, не въ родѣ вчерашняго, безшумнаго, мягкаго—нѣтъ; черный, страшный, воющій вихрь!—Все мѣшается кругомъ — и среди крутящейся мглы Аратовъ видитъ Клару въ театральномъ костюмѣ: она подноситъ склянку къ губамъ, слышатся отдаленныя: браво! браво!— и чей-то грубый голосъ кричитъ Аратову на ухо:—А! ты думалъ, это все комедіей кончится?—Нѣтъ, это трагедія! трагедія!

Весь трепеща, проснулся Аратовъ. Въ комнатѣ не темно... Откуда-то льется слабый свѣтъ и печально, и неподвижно освѣщаетъ всѣ предметы. Аратовъ не отдаетъ себѣ отчета, откуда льется этотъ свѣтъ... Онъ чувствуетъ одно: Клара здѣсь, въ этой комнатѣ... онъ ощущаетъ ея присутствіе... онъ опять и навсегда въ ея власти!

Изъ губъ его исторгается крикъ:—Клара, ты здѣсь?

— Да! — раздается явственно среди неподвижно освѣщенной комнаты.

Аратовъ беззвучно повторяетъ свой вопросъ...

— Да!—слышится снова.

— Такъ я хочу тебя видѣть!—вскрикиваетъ онъ и соскакиваетъ съ постели.

Нѣсколько мгновеній простоялъ онъ на одномъ мѣстѣ, поиирая голыми ногами холодный полъ. Взоры его блуждали: „гдѣ же? гдѣ?“ шептали его губы...

Ничего не видать, не слыхать...

Онъ осмотрѣлся—и замѣтилъ, что слабый свѣтъ, наполнявшій комнату, происходилъ отъ ночника, заслоненнаго листомъ бумаги и поставленнаго въ углу, вѣроятно, Платошей, въ то время, какъ онъ спалъ. Онъ даже почувствовалъ запахъ ладана... тоже, вѣроятно, дѣло ея рукъ.

Онъ поспѣшно одѣлся.—Оставаться въ постели, спать— было немыслимо. Потомъ онъ остановился посреди комнаты и скрестилъ руки. — Ощущеніе присутствія Клары было въ немъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо.

И вотъ, онъ заговорилъ не громкимъ голосомъ, но съ торжественной медленностью, какъ произносятся заклинанія:

— Клара, — такъ началъ онъ: — если ты точно здѣсь, если ты меня видишь, если ты меня слышишь — явись!.. Если эта власть, которую я чувствую надъ собою—точно *твоя* власть—явись! Если ты понимаешь, какъ горько я раскаиваюсь въ томъ, что не понялъ, что оттолкнулъ тебя—явись! Если то, что я слышалъ—точно твой голосъ; если чувство, которое овладѣло мною—любовь; если ты теперь увѣрена, что я люблю тебя, я, который до сихъ поръ и не любилъ, и не зналъ ни одной женщины; — если ты знаешь, что я послѣ твоей смерти полюбилъ тебя страстно, неотразимо, если ты не хочешь, чтобы я сошелъ съ ума—явись, Клара!

Аратовъ еще не успѣлъ произнести это послѣднее слово, какъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то быстро подошелъ къ нему, сзади — какъ тогда, на бульварѣ — и положилъ ему руку на плечо. Онъ обернулся—и никого не увидѣлъ. Но то ощущеніе *ея* присутствія стало такимъ явственнымъ, такимъ несомнѣннымъ, что онъ опять торопливо оглянулся...

Что это?! На его креслѣ, въ двухъ шагахъ отъ него, сидитъ женщина, вся въ черномъ. Голова отклонена въ сторону, какъ въ стереоскопѣ... Это она! Это Клара! Но какое строгое, какое унылое лицо!

Аратовъ тихо опустился на колѣни. — Да; онъ былъ правъ тогда: ни испуга, ни радости не было въ немъ—ни даже удивленія... Даже сердце его стало тише биться. Одно въ немъ было сознаніе, одно чувство: „А! наконецъ! наконецъ!“

— Клара,—заговорилъ онъ слабымъ, но ровнымъ голосомъ:—отчего ты не смотришь на меня? Я знаю, что это ты... но вѣдь я могу подумать, что мое воображеніе создало образъ, подобный *тому*... (Онъ указалъ рукою въ направленіи стереоскопа)... Докажи мнѣ, что это ты... Обернись ко мнѣ, посмотри на меня, Клара!

Рука Клары медленно приподнялась... и упала снова.

— Клара, Клара! оберись ко мнѣ!

И голова Клары тихо повернулась, опущенныя вѣки раскрылись, и темные зрачки ея глазъ вперились въ Аратова.

Онъ подался немного назадъ — и произнесъ одно протяжное, трепетное:—А!

Клара пристально смотрѣла на него... но ея глаза, ея черты сохранили прежнее задумчиво-строгое, почти недовольное выраженіе. Съ этимъ именно выраженіемъ на лицѣ явилась она на эстраду въ день литературнаго утра—прежде чѣмъ увидала Аратова. И такъ же, какъ въ тотъ разъ, она вдругъ покраснѣла, лицо оживилось, вспыхнулъ взоръ—и радостная, торжествующая улыбка раскрыла ея губы...

— Я прощенъ!—воскликнулъ Аратовъ.—Ты побѣдила... Возьми же меня! Вѣдь я твой—и ты моя!

Онъ ринулся къ ней, онъ хотѣлъ поцѣловать эти улыбающіяся, эти торжествующія губы — и онъ поцѣловалъ ихъ, онъ почувствовалъ ихъ горячее прикосновеніе, онъ почувствовалъ даже влажный холодокъ ея зубовъ—и восторженный крикъ огласилъ полутемную комнату.

Вбѣжавшая Платонида Ивановна нашла его въ обморокѣ. Онъ стоялъ на колѣняхъ; голова его лежала на креслѣ; протянутыя впередъ руки безсильно свисли; блѣдное лицо дышало упоеніемъ безмѣрнаго счастья.

Платонида Ивановна такъ и упала возлѣ него, обняла его станъ, залепетала: — Яша! Яшенька! Яшенёночекъ!— попыталась приподнять его своими костлявыми руками... онъ не шевелился. Тогда Платонида Ивановна принялась кричать не своимъ голосомъ. Вбѣжала служанка. Вдвоемъ онѣ кое-какъ его подняли, усадили, начали прыскать въ него водою—да еще съ ѳбраза...

Онъ пришелъ въ себя. Но на разспросы тетки онъ только улыбался—да съ такимъ блаженнымъ видомъ, что она еще пуще перетревожилась — и то его крестила, то себя... Аратовъ, наконецъ, отвелъ ея руку и все съ тѣмъ же блаженнымъ выраженіемъ на лицѣ промолвилъ: — Да Платоша, что съ вами?

— Съ тобой-то что, Яшенька?

— Со мной? Я счастливъ... счастливъ, Платоша... вотъ что со мной. А теперь я желаю лечь, да спать.—Онъ хотѣлъ-было приподняться—но такую почувствовалъ въ ногахъ, да и во всемъ тѣлѣ, слабость, что безъ помощи тетки да служанки не былъ бы въ состояніи раздѣться—и лечь въ постель. Зато онъ заснулъ очень скоро, сохраняя на лицѣ все то же блаженно-восторженное выраженіе. Только лицо его было очень блѣдно.

XVIII.

Когда на слѣдующее утро Платонида Ивановна вошла къ нему—онъ находился все въ томъ же положеніи... но слабость не прошла—и онъ даже предпочелъ остаться въ постели. Блѣдность его лица особенно не понравилась Платонидѣ Ивановнѣ.—Что̀ это, Господи!—думалось ей:—кровинки въ лицѣ нѣтъ, отъ бульона отказывается, лежитъ да посмѣивается — и все увѣряетъ, что здоровехонекъ!—Онъ отказался и отъ завтрака.— Что же это ты, Яша?—спрашивала она его:—такъ весь день и намѣренъ пролежать?—А хоть бы и такъ?—отвѣтилъ ласково Аратовъ. — Самая эта ласковость опять-таки не понравилась Платонидѣ Ивановнѣ. Аратовъ имѣлъ видъ человѣка, который узналъ великую, для него очень пріятную тайну—и ревниво держитъ и хранитъ ее про себя. Онъ дожидался ночи—не то что съ нетерпѣніемъ, а съ любопытствомъ.—Что же далѣе?—спрашивалъ онъ себя:—что̀ будетъ? Изумляться, недоумѣвать онъ пересталъ: онъ не сомнѣвался въ томъ, что вступилъ въ сообщеніе съ Кларой; что они любятъ другъ друга... и въ этомъ онъ не сомнѣвался. Только... что̀ же можетъ выйти изъ такой любви?—Вспоминалъ онъ тотъ поцѣлуй... и чудный холодъ быстро и сладко пробѣгалъ по всѣмъ его членамъ.—„Такимъ поцѣлуемъ, думалось ему, и Ромео и Джульетта не мѣнялись! Но въ другой день я лучше выдержу... Я буду обладать ею... Она придетъ въ вѣнкѣ изъ маленькихъ розъ на черныхъ кудряхъ...“

— Но какъ же дальше? Вѣдь вмѣстѣ жить намъ нельзя

же? Стало-быть, мнѣ придется умереть, чтобы быть вмѣстѣ съ нею? Не за этимъ ли она приходила—и не *такъ* ли она хочетъ меня взять?

— Ну, такъ что же? Умереть — такъ умереть. Смерть теперь не страшитъ меня нисколько. Уничтожить она меня вѣдь не можетъ? Напротивъ, только *такъ* и *тамъ* я буду счастливъ... какъ не былъ счастливъ въ жизни, какъ и она не была... Вѣдь мы оба—нетронутые! — О, этотъ поцѣлуй!

Платонида Ивановна то и дѣло заходила къ Аратову въ комнату; не безпокоила его вопросами—только взглядывала на него, шептала, вздыхала—и уходила опять.— Но вотъ, онъ отказался и отъ обѣда... Это было уже изъ рукъ вонъ плохо. Старушка отправилась за своимъ знакомымъ, участковымъ лѣкаремъ, въ котораго она вѣрила только потому, что человѣкъ онъ былъ непьющій и женился на нѣмкѣ. Аратовъ удивился, когда она привела его къ нему; но Платонида Ивановна такъ настойчиво стала просить своего Яшеньку позволить Парамону Парамонычу (такъ звали лѣкаря) осмотрѣть его — ну, хоть для нея! — что Аратовъ согласился. Парамонъ Парамонычъ пощупалъ у него пульсъ, посмотрѣлъ на языкъ— кое-что поразспросилъ — и объявилъ, наконецъ, что необходимо нужно его „поавскультировать“. Аратовъ былъ въ такомъ повадливомъ настроеніи духа, что и на это согласился. Лѣкарь деликатно обнажилъ его грудь, деликатно постучалъ, послушалъ, похмыкалъ — прописалъ капли да микстуру — а главное: посовѣтовалъ быть спокойнымъ и воздерживаться отъ сильныхъ впечатлѣній.— „Вотъ какъ! — подумалъ Аратовъ... — Ну, братъ, поздно хватился!“ — Что такое съ Яшей? — спросила Платонида Ивановна, вручая Парамону Парамонычу на порогѣ двери трехрублевую ассигнацію. Участковый лѣкарь, который, какъ всѣ современные медики, — особенно тѣ изъ нихъ, что мундиръ носятъ,—любилъ пощеголять учеными терминами, объявилъ ей, что у ея племянника всѣ діоптрическіе симптомы нервозной кардіалгіи—да и феб-

рисъ есть. — Ты, однако, батюшка, говори попроще, — отрѣзала Платонида Ивановна:—латынью-то не пугай; ты не въ аптекѣ! — Сердце не въ порядкѣ, — объяснилъ лѣкарь;—ну, и лихорадочка...—и повторилъ свой совѣтъ насчетъ спокойствія и воздержанія. — Да вѣдь опасности нѣтъ?—съ строгостью спросила Платонида Ивановна (смотри-молъ, опять въ латынь не заѣзжай!).—Пока не предвидится!

Лѣкарь ушелъ—а Платонида Ивановна пригорюнилась... однако, послала въ аптеку за лѣкарствомъ, которое Аратовъ не принялъ, несмотря на ея просьбы. Онъ отказался также и отъ грудного чаю. — И чего вы такъ безпокоитесь, голубушка? — говорилъ онъ ей: — увѣряю васъ, я теперь самый здоровый и счастливый человѣкъ въ цѣломъ свѣтѣ! — Платонида Ивановна только головой качала. Къ вечеру съ нимъ сдѣлался небольшой жаръ; и все-таки онъ настоялъ на томъ, чтобы она не оставалась въ его комнатѣ и ушла спать къ себѣ. Платонида Ивановна повиновалась — но не раздѣлась и не легла; сѣла въ кресло—и все прислушивалась, да шептала свою молитву.

Она начала-было дремать, какъ вдругъ страшный, пронзительный крикъ разбудилъ ее. Она вскочила, бросилась въ кабинетъ къ Аратову — и, по-вчерашнему, нашла его лежавшимъ на полу.

Но онъ не пришелъ въ себя по-вчерашнему, какъ ни бились надъ нимъ. Съ нимъ въ ту же ночь сдѣлалась горячка, усложненная воспаленіемъ сердца.

Черезъ нѣсколько дней онъ скончался.

Странное обстоятельство сопровождало его второй обморокъ. Когда его подняли и уложили, въ его стиснутой правой рукѣ оказалась небольшая прядь черныхъ женскихъ волосъ. Откуда взялись эти волосы? У Анны Семеновны была такая прядь, оставшаяся отъ Клары; но съ какой стати было ей отдать Аратову такую для нея дорогую вещь? Развѣ какъ-нибудь въ дневникъ она ее заложила—и не замѣтила, какъ отдала?

Въ предсмертномъ бреду Аратовъ называлъ себя Ро-

мео... послѣ отравы; говорилъ о заключенномъ, о совершенномъ бракѣ; — о томъ, что онъ знаетъ теперь, что̀ такое наслажденіе. Особенно ужасна была для Платоши минута, когда Аратовъ, нѣсколько придя въ себя и увидавъ ее возлѣ своей постели, сказалъ ей:—„Тетя, что̀ ты плачешь? — тому, что я умереть долженъ? Да развѣ ты не знаешь, что любовь сильнѣе смерти?.. Смерть! Смерть, гдѣ жало твое? Не плакать—а радоваться должно—такъ же, какъ и я радуюсь“...

И опять на лицѣ умирающаго засіяла та блаженная улыбка, отъ которой такъ жутко становилось бѣдной старухѣ.

Буживаль.—Октябрь, 1882.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ВЪ ПРОЗѢ.

Отъ редакціи „Вѣстника Европы“.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, уступая нашей просьбѣ, далъ намъ свое согласіе подѣлиться съ читателями журнала теперь же, не откладывая,—тѣми мимолетными замѣтками, мыслями, образами, которые отмѣчались у него на листкахъ, подъ тѣмъ или другимъ впечатлѣніемъ текущей жизни, какъ его личной, такъ и общественной, за послѣднія пять лѣтъ. Они не нашли себѣ мѣста, подобно многимъ другимъ, въ тѣхъ уже законченныхъ произведеніяхъ автора, которыя успѣли появиться въ свѣтъ, и образовали изъ себя цѣлую коллекцію; авторъ выбралъ изъ нихъ пока до пятидесяти отрывковъ.

Въ письмѣ къ намъ, сопровождавшемъ печатаемые нами теперь листки, И. С. Тургеневъ въ заключеніе говоритъ:

...„Пусть вашъ читатель не пробѣгаетъ этихъ *стихотвореній въ прозѣ* сподрядъ: ему, вѣроятно, скучно станетъ — и книжка вывалится у него изъ рукъ. Но пусть онъ читаетъ ихъ въ раздробь: сегодня одно, завтра дру-

гое,—и которое-нибудь изъ нихъ, можетъ-быть, заронитъ ему что-нибудь въ душу“...

Листки не имѣютъ общаго заглавія; авторъ на оберткѣ назвалъ ихъ: „Senilia“ — стариковскія;—но мы предпочли невзначай оброненныя авторомъ слова въ вышеприведенномъ заключеніи его письма къ намъ: „Стихотворенія въ прозѣ“,—и печатаемъ листки подъ этимъ именно, общимъ заглавіемъ. Оно, по нашему мнѣнію, вполнѣ выражаетъ какъ источникъ, изъ котораго могли явиться подобныя замѣтки въ душѣ писателя, извѣстнаго своею чуткостью къ разнообразнымъ вопросамъ жизни, такъ и то впечатлѣніе, которое они могутъ произвести на читателя, „заронивъ ему въ душу“ — многое. Это, дѣйствительно, — стихотворенія, несмотря на то, что они написаны въ прозѣ. Помѣщаемъ ихъ — въ хронологическомъ порядкѣ,—начиная съ 1878 года.

М. С.

28 октября, 1882 г.

I.

1878-й годъ.

Деревня.

Послѣдній день іюля мѣсяца; на тысячу верстъ кругомъ Россія—родной край.

Ровной синевой залито все небо; одно лишь облачко на немъ—не то плыветъ, не то таетъ. Безвѣтріе, теплынь... воздухъ—молоко парное!

Жаворонки звенятъ; воркуютъ зобастые голуби; молча рѣютъ ласточки; лошади фыркаютъ и жуютъ; собаки не лаютъ и стоятъ, смирно повиливая хвостами.

И дымкомъ-то пахнетъ, и травой—и дёгтемъ маленько — и маленько кожей. — Коноплянники уже вошли въ силу и пускаютъ свой тяжелый, но пріятный духъ.

Глубокій, но пологій оврагъ. По бокамъ въ нѣсколько рядовъ головастыя, къ низу исщепленныя ракиты. По оврагу бѣжитъ ручей; на днѣ его мелкіе камешки словно дрожатъ сквозь свѣтлую рябь. — Вдали, на концѣ-краѣ земли и неба,—синеватая черта большой рѣки.

Вдоль оврага—по одной сторонѣ опрятные амбарчики, клѣтушки съ плотно-закрытыми дверьми; по другой сторонѣ пять-шесть сосновыхъ избъ съ тесовыми крышами. Надъ каждой крышей высокій шестъ скворешницы; надъ каждымъ крылечкомъ вырѣзной желѣзный, крутогривый конекъ. Неровныя стекла оконъ отливаютъ цвѣтами радуги. Кувшины съ букетами намалеваны на ставняхъ. Передъ каждой избой чинно стоитъ исправная лавочка; на завалинкахъ кошки свернулись клубочкомъ, настороживъ прозрачныя ушки; за высокими порогами прохладно темнѣютъ сѣни.

Я лежу у самаго края оврага, на разостланной попонѣ; кругомъ цѣлые вороха только-что скошеннаго, до истомы душистаго сѣна. Догадливые хозяева разбросали сѣно передъ избами: пусть еще немного посохнетъ на припёкѣ; а тамъ и въ сарай! То-то будетъ спать на немъ славно!

Курчавыя дѣтскія головки торчатъ изъ каждаго вороха; хохлатыя курицы ищутъ въ сѣнѣ мошекъ да букашекъ; бѣлогубый щенокъ барахтается въ спутанныхъ былинкахъ.

Русокудрые парни въ чистыхъ, низко-подпоясанныхъ рубахахъ, въ тяжелыхъ сапогахъ съ оторочкой, перекидываются бойкими словами, опершись грудью на отпряженную телѣгу,—зубоскалятъ.

Изъ окна выглядываетъ круглолицая молодка; смѣется, не то ихъ словамъ, не то вознѣ ребятъ въ наваленномъ сѣнѣ.

Другая молодка сильными руками тащитъ большое мокрое ведро изъ колодца... Ведро дрожитъ и качается на веревкѣ, роняя длинныя, огнистыя капли.

Передо мной стоитъ старуха хозяйка въ новой клѣтчатой паневѣ, въ новыхъ котахъ.

Крупныя, дутыя бусы въ три ряда обвились вокругъ смуглой, худой шеи; сѣдая голова повязана желтымъ платкомъ съ красными крапинками; низко нависъ онъ надъ потускнѣвшими глазами.

Но привѣтливо улыбаются старческіе глаза; улыбается все морщинистое лицо. Чай, седьмой десятокъ доживаетъ старушка... а и теперь еще видать: красавица была въ свое время!

Растопыривъ загорѣлые пальцы правой руки, держитъ она горшокъ съ холоднымъ, неснятымъ молокомъ, прямо изъ погреба; стѣнки горшка покрыты росинками, точно бисеромъ. На ладони лѣвой руки старушка подноситъ мнѣ большой ломоть еще теплаго хлѣба.—„Кушай, молъ, на здоровье, заѣзжій гость!“

Пѣтухъ вдругъ закричалъ и хлопотливо захлопалъ крыльями; ему въ отвѣтъ, не спѣша, промычалъ запертой теленокъ.

— Ай да овесъ!—слышится голосъ моего кучера...

О, довольство, покой, избытокъ русской, вольной деревни! О, тишь и благодать!

И думается мнѣ: къ чему намъ тутъ и крестъ на куполѣ Святой Софіи въ Царь-Градѣ, и все, чего такъ добиваемся мы, городскіе люди?

Февраль, 1878.

Разговоръ.

„Ни на Юнгфрау, ни на Финстерааргорнѣ еще не бывало человѣческой ноги!“

Вершины Альпъ... Цѣлая цѣпь крутыхъ уступовъ... Самая сердцевина горъ.

Надъ горами блѣдно-зеленое, свѣтлое, нѣмое небо. Сильный, жесткій морозъ; твердый, искристый снѣгъ; изъ-подъ снѣгу торчатъ суровыя глыбы обледенѣлыхъ, обвѣтренныхъ скалъ.

Двѣ громады, два великана вздымаются по обѣимъ сторонамъ небосклона: *Юнгфрау* и *Финстерааргорнъ*.

И говоритъ Юнгфрау сосѣду: — Что скажешь новаго? тебѣ виднѣй.—Что тамъ, внизу?

Проходитъ нѣсколько тысячъ лѣтъ: одна минута. И грохочетъ въ отвѣтъ Финстерааргорнъ:—Сплошныя облака застилаютъ землю... Погоди!

Проходятъ еще тысячелѣтія: одна минута.

— Ну, а теперь?—спрашиваетъ Юнгфрау.

— Теперь вижу; тамъ, внизу, все то же: пестро, мелко. Воды синѣютъ; чернѣютъ лѣса; сѣрѣютъ груды скученныхъ камней. Около нихъ все еще копошатся козявки, знаешь, тѣ двуножки, что̀ еще ни разу не осквернить ни тебя, ни меня.

— Люди?

— Да; люди.

Проходятъ тысячи лѣтъ: одна минута.

— Ну, а теперь?—спрашиваетъ Юнгфрау.

— Какъ будто меньше видать козявокъ, — гремитъ Финстерааргорнъ: — яснѣе стало внизу; сузились воды; порѣдѣли лѣса.

Прошли еще тысячи лѣтъ: одна минута.

— Что ты видишь?—говоритъ Юнгфрау.

— Около насъ, вблизи, словно прочистилось, — отвѣчаетъ Финстерааргорнъ: — ну, а тамъ, вдали, по долинамъ есть еще пятна, и шевелится что-то.

— А теперь? — спрашиваетъ Юнгфрау, спустя другія тысячи лѣтъ—одну минуту.

— Теперь хорошо, — отвѣчаетъ Финстерааргорнъ: — опрятно стало вездѣ, бѣло совсѣмъ, куда ни глянь... Вездѣ нашъ снѣгъ, ровный снѣгъ, и ледъ. Застыло все. Хорошо теперь, спокойно.

— Хорошо,—промолвила Юнгфрау.—Однако, довольно мы съ тобой поболтали, старикъ. Пора вздремнуть.

— Пора!

Спятъ громадныя горы; спитъ зеленое, свѣтлое небо надъ навсегда замолкшей землей.

Февраль, 1878.

Старуха.

Я шелъ по широкому полю, одинъ.

И вдругъ мнѣ почудились легкіе, осторожные шаги за моей спиною... Кто-то шелъ по моему слѣду.

Я оглянулся—и увидалъ маленькую, сгорбленную старушку, всю закутанную въ сѣрыя лохмотья. Лицо старушки одно виднѣлось изъ-подъ нихъ: желтое, морщинистое, востроносое, беззубое лицо.

Я подошелъ къ ней... Она остановилась.

— Кто ты? Чего тебѣ нужно? Ты нищая? Ждешь милостыни?

Старушка не отвѣтила. Я наклонился къ ней и замѣтилъ, что оба глаза у ней были застланы полупрозрачной, бѣловатой перепонкой или плевой, какая бываетъ у иныхъ птицъ: онѣ защищаютъ ею свои глаза отъ слишкомъ яркаго свѣта.

Но у старушки та плева не двигалась и не открывала зѣницъ... изъ чего я заключилъ, что она слѣпая.

— Хочешь милостыни?— повторилъ я свой вопросъ. —

Зачѣмъ ты идешь за мною?—Но старушка попрежнему не отвѣчала, а только съежилась чуть-чуть.

Я отвернулся отъ нея и пошелъ своей дорогой.

И вотъ, опять слышу я за собою тѣ же легкіе, мѣрные, словно крадущіеся шаги.

— Опять эта женщина!—подумалось мнѣ:—что она ко мнѣ пристала?— Но я тутъ же мысленно прибавилъ:—вѣроятно, она со-слѣпу сбилась съ дороги, идетъ теперь по слуху за моими шагами, чтобы вмѣстѣ со мною выйти въ жилое мѣсто. Да, да; это такъ.

Но странное безпокойство понемногу овладѣло моими мыслями: мнѣ начало казаться, что эта старушка не идетъ только за мною, но что она направляетъ меня, что она меня толкаетъ то направо, то налѣво, и что я невольно повинуюсь ей.

Однако, я продолжаю идти... но вотъ, впереди, на самой моей дорогѣ, что-то чернѣетъ и ширится... какая-то яма... „Могила!“ сверкнуло у меня въ головѣ.—Вотъ куда она толкаетъ меня!

Я круто поворачиваю назадъ. Старуха опять передо мною... но она видитъ! Она смотритъ на меня большими, злыми, зловѣщими глазами... глазами хищной птицы... Я надвигаюсь къ ея лицу, къ ея глазамъ... Опять та же тусклая плева, тотъ же слѣпой и тупой обликъ...

„Ахъ!—думаю я...—эта старуха—моя судьба. Та судьба, отъ которой не уйти человѣку!“

„Не уйти! не уйти!—Что̀ за сумасшествіе... Надо попытаться“. И я бросаюсь въ сторону, по другому направленію.

Я иду проворно... Но легкіе шаги попрежнему шелестятъ за мною, близко, близко... И впереди опять темнѣетъ яма.

Я опять поворачиваю въ другую сторону... И опять тотъ же шелестъ сзади, и то же грозное пятно впереди.

И куда я ни мечусь, какъ заяцъ на угонкахъ... все то же, то же!

„Стой!—думаю я.—Обману жъ я ее! Не пойду я никуда!—и я мгновенно сажусь на землю.

Старуха стоитъ позади, въ двухъ шагахъ отъ меня.— Я ея не слышу, но я чувствую, что она тутъ.

И вдругъ я вижу: то пятно, что чернѣло вдали, плыветъ, ползетъ само ко мнѣ!

Боже! Я оглядываюсь назадъ... Старуха смотритъ прямо на меня—и беззубый ротъ скривленъ усмѣшкой...

— Не уйдешь!

Февраль, 1878.

Собака.

Насъ двое въ комнатѣ: собака моя и я... На дворѣ воетъ страшная буря.

Собака сидитъ передо мною — и смотритъ мнѣ прямо въ глаза.

И я тоже гляжу ей въ глаза.

Она словно хочетъ сказать мнѣ что-то. Она нѣмая, она безъ словъ, она сама себя не понимаетъ — но я ее понимаю.

Я понимаю, что въ это мгновенье и въ ней, и во мнѣ живетъ одно и то же чувство, что между нами нѣтъ никакой разницы. Мы тожественны; въ каждомъ изъ насъ горитъ и свѣтится тотъ же трепетный огонекъ.

Смерть налетитъ, махнетъ своимъ холоднымъ, широкимъ крыломъ...

— И конецъ!

Кто потомъ разберетъ, какой именно въ каждомъ изъ насъ горѣлъ огонекъ?

Нѣтъ! это не животное и не человѣкъ мѣняются взглядами...

Это двѣ пары одинаковыхъ глазъ устремлены другъ на друга.

И въ каждой изъ этихъ паръ, въ животномъ и въ человѣкѣ,—одна и та же жизнь жмется пугливо къ другой.

Февраль, 1878.

Соперникъ.

У меня былъ товарищъ-соперникъ; не по занятіямъ, не по службѣ или любви; но наши воззрѣнія ни въ чемъ

не сходились, и всякій разъ, когда мы встрѣчались,— между нами возникали нескончаемые споры.

Мы спорили обо всемъ: объ искусствѣ, о религіи, о наукѣ, о земной и загробной—особенно о загробной жизни.

Онъ былъ человѣкъ вѣрующій и восторженный. Однажды онъ сказалъ мнѣ: „Ты надо всѣмъ смѣешься; но если я умру прежде тебя, то я явлюсь къ тебѣ съ того свѣта... Увидимъ, засмѣешься ли ты тогда?“

И онъ, точно, умеръ прежде меня, въ молодыхъ лѣтахъ еще будучи; но прошли года—и я позабылъ объ его обѣщаніи—объ его угрозѣ.

Разъ, ночью, я лежалъ въ постели—и не могъ, да и не хотѣлъ заснуть.

Въ комнатѣ не было ни темно, ни свѣтло; я принялся глядѣть въ сѣдой полумракъ.

И вдругъ мнѣ почудилось, что между двухъ оконъ стоитъ мой соперникъ—и тихо, и печально качаетъ сверху внизъ головою.

Я не испугался — даже не удивился... но, приподнявшись слегка и опершись на локоть, сталъ еще пристальнѣе глядѣть на неожиданно появившуюся фигуру.

Тотъ продолжалъ качать головою.

— Что?—промолвилъ я, наконецъ.—Ты торжествуешь? или жалѣешь? — Что это: предостереженіе или упрекъ?.. Или ты мнѣ хочешь дать понять, что ты былъ неправъ? что мы оба неправы? Что̀ ты испытываешь? Муки ли ада? Блаженство ли рая? Промолви хоть слово!

Но мой соперникъ не издалъ ни единаго звука — и только попрежнему печально и покорно качалъ головою— сверху внизъ.

Я засмѣялся... онъ исчезъ.

Февраль, 1878.

Нищій.

Я проходилъ по улицѣ... меня остановилъ нищій, дряхлый старикъ.

Воспаленные, слезливые глаза, посинѣлыя губы, шер-

шавыя лохмотья, нечистыя раны... О, какъ безобразно обглодала бѣдность это несчастное существо!

Онъ протягивалъ мнѣ красную, опухшую, грязную руку... Онъ стоналъ, онъ мычалъ о помощи.

Я сталъ шарить у себя во всѣхъ карманахъ... Ни кошелька, ни часовъ, ни даже платка... Я ничего не взялъ съ собою.

А нищій все ждалъ... и протянутая его рука слабо колыхалась и вздрагивала.

Потерянный, смущенный, я крѣпко пожалъ эту грязную, трепетную руку... „Не взыщи, братъ; нѣтъ у меня ничего, братъ“.

Нищій уставилъ на меня свои воспаленные глаза; его синія губы усмѣхнулись—и онъ въ свою очередь стиснулъ мои похолодѣвшіе пальцы.

— Что̀ же, братъ,—прошамкалъ онъ:—и на томъ спасибо.—Это тоже подаяніе, братъ.

Я понялъ, что и я получилъ подаяніе отъ моего брата.

Февраль, 1878 г.

„Услышишь судъ глупца“...

Пушкинъ.

„Услышишь судъ глупца“... Ты всегда говорилъ правду, великій нашъ пѣвецъ; ты сказалъ ее и на этотъ разъ.

„Судъ глупца и смѣхъ толпы“... Кто не извѣдалъ и того, и другого?

Все это можно — и должно переносить; а кто въ силахъ—пусть презираетъ!

Но есть удары, которые больнѣе бьютъ по самому сердцу... Человѣкъ сдѣлалъ все, что̀ могъ; работалъ усиленно, любовно, честно... И честныя души гадливо отворачиваются отъ него; честныя лица загораются негодованіемъ при его имени. „Удались! Ступай вонъ!“ — кричатъ ему честные, молодые голоса. — „Ни ты намъ не нуженъ, ни твой трудъ, ты оскверняешь наше жилище — ты насъ не знаешь и не понимаешь... Ты нашъ врагъ!“

Что тогда дѣлать этому человѣку? Продолжать тру-

диться, не пытаться оправдываться—и даже не ждать болѣе справедливой оцѣнки.

Нѣкогда землепашцы проклинали путешественника, принесшаго имъ картофель, замѣну хлѣба, ежедневную пищу бѣдняка... Они выбивали изъ протянутыхъ къ нимъ рукъ драгоцѣнный даръ, бросали его въ грязь, топтали ногами.

Теперь они питаются имъ—и даже не вѣдаютъ имени своего благодѣтеля.

Пускай! На что имъ его имя? Онъ, и безымянный, спасаетъ ихъ отъ голода.

Будемъ стараться только о томъ, чтобы приносимое нами было точно полезною пищей.

Горька неправая укоризна въ устахъ людей, которыхъ любишь... Но перенести можно и это...

„Бей меня! но выслушай!“ — говорилъ аѳинскій вождь спартанскому.

„Бей меня—но будь здоровъ и сытъ!“ — должны говорить мы.

Февраль, 1878.

Довольный человѣкъ.

По улицѣ столицы мчится въ припрыжку молодой еще человѣкъ. — Его движенья веселы, бойки; глаза сіяютъ, ухмыляются губы, пріятно алѣетъ умиленное лицо... Онъ весь—довольство и радость.

Что̀ съ нимъ случилось̀? Досталось ли ему наслѣдство? Повысили ли его чиномъ? Спѣшитъ ли онъ на любовное свиданіе? Или просто — онъ хорошо позавтракалъ, — и чувство здоровья, чувство сытой силы взыграло во всѣхъ его членахъ? Ужъ не возложили ли на его шею твой красивый осьмиугольный крестъ, о, польскій король Станиславъ!

Нѣтъ. Онъ сочинилъ клевету на знакомаго, распространилъ ее тщательно, услышалъ ее, эту самую клевету, изъ устъ другого знакомаго—и *самъ ей повѣрилъ*.

О, какъ доволенъ, какъ даже добръ въ эту минуту этотъ милый, многообѣщающій молодой человѣкъ!

Февраль, 1878.

Житейское правило.

— Если вы желаете хорошенько насолить и даже повредить противнику,—говорилъ мнѣ одинъ старый пройдоха:—то упрекайте его въ томъ самомъ недостаткѣ или порокѣ, который вы за собою чувствуете.—Негодуйте... и упрекайте!

Во-первыхъ—это заставитъ другихъ думать, что у васъ этого порока нѣтъ.

Во-вторыхъ — негодованіе ваше можетъ даже быть искреннимъ... Вы можете воспользоваться укорами собственной совѣсти.

Если вы, напримѣръ, ренегатъ—упрекайте противника въ томъ, что у него нѣтъ убѣжденій!

Если вы сами лакей въ душѣ — говорите ему съ укоризной, что онъ лакей... лакей цивилизаціи, Европы, соціализма!

— Можно даже сказать: лакей безлакейства! — замѣтилъ я.

— И это можно,—подхватилъ пройдоха.

Февраль, 1878.

Конецъ свѣта.

Сонъ.

Чудилось мнѣ, что я нахожусь гдѣ-то въ Россіи, въ глуши, въ простомъ деревенскомъ домѣ.

Комната большая, низкая, въ три окна; стѣны вымазаны бѣлой краской; мебели нѣтъ. Передъ домомъ голая равнина; постепенно понижаясь, уходитъ она въ даль; сѣрое, одноцвѣтное небо виситъ надъ нею, какъ пологъ.

Я не одинъ; человѣкъ десять со мною въ комнатѣ. Люди все простые, просто одѣтые; они ходятъ вдоль и поперекъ, молча, словно крадучись. Они избѣгаютъ другъ друга — и, однако, безпрестанно мѣняются тревожными взорами.

Ни одинъ не знаетъ, зачѣмъ онъ попалъ въ этотъ домъ и что за люди съ нимъ? На всѣхъ лицахъ безпокойство и унылость... всѣ поочередно подходятъ къ ок-

намъ и внимательно оглядываются, какъ бы ожидая чего-то извнѣ.

Потомъ опять принимаются бродить вдоль и поперекъ. Между нами вертится небольшого росту мальчикъ; отъ времени до времени онъ пищитъ тонкимъ, однозвучнымъ голосомъ: „Тятенька, боюсь!“—Мнѣ тошно на сердцѣ отъ этого писку—и я тоже начинаю бояться... чего? не знаю самъ. Только я чувствую: идетъ и близится большая, большая бѣда.

А мальчикъ нѣтъ-нѣтъ — да запищитъ. Ахъ, какъ бы уйти отсюда! Какъ душно! Какъ томно! какъ тяжело... Но уйти невозможно.

Это небо — точно саванъ. И вѣтра нѣтъ... Умеръ воздухъ, что ли?

Вдругъ мальчикъ подскочилъ къ окну и закричалъ тѣмъ же жалобнымъ голосомъ: „Гляньте! гляньте! земля провалилась!“

— „Какъ? провалилась?“ —Точно: прежде передъ домомъ была равнина—а теперь онъ стоитъ на вершинѣ страшной горы!— Небосклонъ упалъ, ушелъ внизъ — а отъ самаго дома спускается почти отвѣсная, точно разрытая, черная круча.

Мы всѣ столпились у окна... Ужасъ леденитъ наши сердца.—„Вотъ оно... вотъ оно!“ шепчетъ мой сосѣдъ.

И вотъ, вдоль всей далекой земной грани зашевелилось что-то, стали подниматься и падать какіе-то небольшіе, кругловатые бугорки.

„Это—море!“ подумалось всѣмъ намъ въ одно и то же мгновеніе.—„Оно сейчасъ насъ всѣхъ затопитъ... Только какъ же оно можетъ расти и подниматься вверхъ? На эту кручь?“

И однако, оно ростетъ, ростетъ громадно... Это уже не отдѣльные бугорки мечутся вдали... Одна сплошная, чудовищная волна обхватываетъ весь кругъ небосклона.

Она летитъ, летитъ на насъ!—Морознымъ вихремъ несется она, крутится тьмой кромѣшной. Все задрожало вокругъ—а тамъ, въ этой налетающей громадѣ,—и трескъ, и громъ, и тысячегортанный, желѣзный лай...

Га! Какой ревъ и вой! Это земля завыла отъ страха...

Конецъ ей! Конецъ всему!

Мальчикъ пискнулъ еще разъ... Я хотѣлъ-было ухватиться за товарищей--но мы уже всѣ раздавлены, погребены, потоплены, унесены той, какъ чернила черной, льдистой, грохочущей волной!

Темнота... темнота вѣчная!

Едва переводя дыханіе, я проснулся.

Мартъ, 1878.

Маша.

Проживая—много лѣтъ тому назадъ — въ Петербургѣ, я, всякій разъ, какъ мнѣ случалось нанимать извозчика, вступалъ съ нимъ въ бесѣду.

Особенно любилъ я бесѣдовать съ ночными извозчиками, бѣдными подгородными крестьянами, прибывавшими въ столицу съ окрашенными вохрой санишками, и плохой клячонкой—въ надеждѣ и самимъ прокормиться, и собрать на оброкъ господамъ.

Вотъ, однажды нанялъ я такого извозчика... Парень лѣтъ двадцати, рослый, статный, молодецъ-молодцомъ; глаза голубые, щеки румяныя; русые волосы вьются колечками изъ-подъ надвинутой на самыя брови заплатанной шапоньки.—И какъ только налѣзъ этотъ рваный армячишка на эти богатырскія плечи!

Однако, красивое, безбородое лицо извозчика казалось печальнымъ и хмурымъ.

Разговорился я съ нимъ. И въ голосѣ его слышалась печаль.

— Что, братъ?—спросилъ я его.—Отчего ты не веселъ? Али горе есть какое?

Парень не тотчасъ отвѣчалъ мнѣ.

— Есть, баринъ, есть,— промолвилъ онъ, наконецъ.— Да и такое, что лучше быть не надо. Жена у меня померла.

— Ты ее любилъ... Жену-то свою?

Парень не обернулся ко мнѣ; только голову наклонилъ немного.

— Любилъ, баринъ. Восьмой мѣсяцъ пошелъ... а не могу забыть. Гложетъ мнѣ сердце... да и ну! И съ чего ей было помирать-то? Молодая! здоровая!.. Въ единъ день холера порѣшила.

— И добрая она была у тебя?

— Ахъ, баринъ!—тяжело вздохнулъ бѣднякъ.—И какъ же дружно мы жили съ ней! Безъ меня скончалась. Я какъ узналъ здѣсь, что ее, значитъ, уже похоронили, — сейчасъ въ деревню поспѣшилъ, домой. Пріѣхалъ—а ужъ за-полночь стало. Вошелъ я къ себѣ въ избу, остановился по серёдкѣ, и говорю такъ-то тихохонько: „Маша! а Маша!“ Только сверчокъ трещитъ.—Заплакалъ я тутотка, сѣлъ на избяной полъ—да ладонью по землѣ какъ хлопну!—Ненасытная, говорю, утроба!.. Сожрала ты ее... сожри жъ и меня!—Ахъ, Маша!

— Маша! — прибавилъ онъ внезапно упавшимъ голосомъ. И не выпуская изъ рукъ веревочныхъ вожжей, онъ выдавилъ рукавицей изъ глазъ слезу, стряхнулъ ее, сбросилъ въ сторону, повелъ плечами—и ужъ больше не произнесъ ни слова.

Слѣзая съ саней, я далъ ему лишній пяти-алтынный.—Онъ поклонился мнѣ низехонько, взявшись обѣими руками за шапку—и поплелся шажкомъ по снѣжной скатерти пустынной улицы, залитой сѣдымъ туманомъ январскаго мороза.

Апрѣль, 1878.

Дуракъ.

Жилъ-былъ на свѣтѣ дуракъ.

Долгое время онъ жилъ припѣваючи; но понемногу стали доходить до него слухи, что онъ всюду слыветъ за безмозглаго пошлеца.

Смутился дуракъ и началъ печалиться о томъ, какъ бы прекратить тѣ непріятные слухи?

Внезапная мысль озарила, наконецъ, его темный умишко... И онъ, нимало не медля, привелъ ее въ исполненіе.

Встрѣтился ему на улицѣ знакомый—и принялся хвалить извѣстнаго живописца...

— Помилуйте! — воскликнулъ дуракъ. — Живописецъ этотъ давно сданъ въ архивъ... Вы этого не знаете?—Я отъ васъ этого не ожидалъ... Вы—отсталый человѣкъ.

Знакомый испугался — и тотчасъ согласился съ дуракомъ.

— Какую прекрасную книгу я прочелъ сегодня!—говорилъ ему другой знакомый.

— Помилуйте! — воскликнулъ дуракъ. — Какъ вамъ не стыдно? Никуда эта книга не годится; всѣ на нее давно махнули рукою. — Вы этого не знаете? — Вы—отсталый человѣкъ.

И этотъ знакомый испугался — и согласился съ дуракомъ.

— Что̀ за чудесный человѣкъ мой другъ N. N.!—говорилъ дураку третій знакомый.—Вотъ истинно благородное существо!

— Помилуйте!—воскликнулъ дуракъ.—N. N. завѣдомый подлецъ! Родню всю ограбилъ. Кто жъ этого не знаетъ? Вы—отсталый человѣкъ!

Третій знакомый тоже испугался и согласился съ дуракомъ, отступился отъ друга. И кого бы, что̀ бы ни хвалили при дуракѣ—у него на все была одна отповѣдь.

Развѣ иногда прибавитъ съ укоризной:—А вы все еще вѣрите въ авторитеты?

„Злюкъ! Желчевикъ!“ начинали толковать о дуракѣ его знакомые.—„Но какая голова!“

„И какой языкъ!“ — прибавляли другіе. — „О, да онъ талантъ!“

Кончилось тѣмъ, что издатель одной газеты предложилъ дураку завѣдывать у него критическимъ отдѣломъ.

И дуракъ сталъ критиковать все и всѣхъ, нисколько не мѣняя манеры своей, ни своихъ восклицаній.

Теперь онъ, кричавшій нѣкогда противъ авторитетовъ,—самъ авторитетъ,—а юноши передъ нимъ благоговѣютъ—и боятся его.

Да и какъ имъ быть, бѣднымъ юношамъ?—Хоть и не слѣдуетъ—вообще говоря—благоговѣть... но тутъ, поди, не возблагоговѣй—въ отсталые люди попадешь!

Житье дуракамъ между трусами.

Апрѣль, 1878.

Восточная легенда.

Кто въ Багдадѣ не знаетъ великаго Джіаффара, солнца вселенной?

Однажды — много лѣтъ тому назадъ — онъ былъ еще юношей, — прогуливался Джіаффаръ въ окрестностяхъ Багдада.

Вдругъ до слуха его долетѣлъ хриплый крикъ: кто-то отчаянно взывалъ о помощи.

Джіаффаръ отличался между своими сверстниками благоразуміемъ и обдуманностью; но сердце у него было жалостливое—и онъ надѣялся на свою силу.

Онъ побѣжалъ на крикъ и увидѣлъ дряхлаго старика, притиснутаго къ городской стѣнѣ двумя разбойниками, которые его грабили.

Джіаффаръ выхватилъ свою саблю и напалъ на злодѣевъ: одного убилъ, другого прогналъ.

Освобожденный старецъ палъ къ ногамъ своего избавителя и, облобызавъ край его одежды, воскликнулъ: „Храбрый юноша, твое великодушіе не останется безъ награды. На видъ я—убогій нищій; но только на видъ. Я человѣкъ не простой.—Приходи завтра, раннимъ утромъ, на главный базаръ; я буду ждать тебя у фонтана—и ты убѣдишься въ справедливости моихъ словъ“.

Джіаффаръ подумалъ: „На видъ человѣкъ этотъ нищій, точно; однако—всяко бываетъ. Отчего не попытаться?“— и отвѣчалъ: „хорошо, отецъ мой, приду“.

Старикъ взглянулъ ему въ глаза—и удалился.

На другое утро, чуть забрезжилъ свѣтъ, Джіаффаръ отправился на базаръ. Старикъ уже ожидалъ его, облокотясь на мраморную чашу фонтана.

Молча взялъ онъ Джіаффара за руку и привелъ его въ небольшой садъ, со всѣхъ сторонъ окруженный высокими стѣнами.

По самой серединѣ этого сада, на зеленой лужайкѣ, росло дерево необычайнаго вида.

Оно походило на кипарисъ; только листва на немъ была лазореваго цвѣта.

Три плода—три яблока—висѣло на тонкихъ, къ верху загнутыхъ вѣткахъ:—одно, средней величины, продолговатое, молочно-бѣлое; другое, большое, круглое, ярко-красное; третье, маленькое, сморщенное, желтоватое.

Все дерево слабо шумѣло, хоть и не было вѣтра. Оно звенѣло тонко и жалобно, словно стеклянное; казалось, оно чувствовало приближеніе Джіаффара.

„Юноша“ — промолвилъ старецъ. — „Сорви любой изъ этихъ плодовъ и знай: сорвешь и съѣшь бѣлый—будешь умнѣе всѣхъ людей; сорвешь и съѣшь красный—будешь богатъ, какъ еврей Ротшильдъ; сорвешь и съѣшь желтый—будешь нравиться старымъ женщинамъ. Рѣшайся!.. и не мѣшкай. Черезъ часъ и плоды завянутъ, и само дерево уйдетъ въ нѣмую глубь земли!“

Джіаффаръ понурилъ голову—и задумался.—„Какъ тутъ поступить?“ — произнесъ онъ вполголоса, какъ бы разсуждая самъ съ собою.—„Сдѣлаешься слишкомъ умнымъ—пожалуй, жить не захочется; сдѣлаешься богаче всѣхъ людей—будутъ всѣ тебѣ завидовать; лучше же я сорву и съѣмъ третье, сморщенное яблоко!“

Онъ такъ и поступилъ; а старецъ засмѣялся беззубымъ смѣхомъ и промолвилъ: „О, мудрѣйшій юноша! Ты избралъ благую часть! — На что тебѣ бѣлое яблоко? Ты и такъ умнѣе Соломона.—Красное яблоко также тебѣ не нужно... И безъ него ты будешь богатъ. Только богатству твоему никто завидовать не станетъ“.

— Повѣдай мнѣ, старецъ,—промолвилъ, встрепенувшись, Джіаффаръ: — гдѣ живетъ почтенная мать нашего богоспасаемаго халифа?

Старикъ поклонился до земли — и указалъ юношѣ дорогу.

Кто въ Багдадѣ не знаетъ солнца вселенной, великаго, знаменитаго Джіаффара?

Апрѣль, 1878.

Два четверостишія.

Существовалъ нѣкогда городъ, жители котораго до того страстно любили поэзію, что если проходило нѣсколько недѣль и не появлялось новыхъ прекрасныхъ стиховъ— они считали такой поэтическій неурожай общественнымъ бѣдствіемъ.

Они надѣвали тогда свои худшія одежды, посыпали пепломъ головы — и, собираясь толпами на площадяхъ, проливали слезы, горько роптали на музу, покинувшую ихъ.

Въ одинъ подобный злополучный день молодой поэтъ Юній появился на площади, переполненной скорбѣвшимъ народомъ.

Проворными шагами взобрался онъ на особенно-устроенный амвонъ — и подалъ знакъ, что желаетъ произнести стихотвореніе.

Ликторы тотчасъ замахали жезлами. „Молчаніе! вниманіе!“ зычно возопили они—и толпа затихла, выжидая.

— Друзья! Товарищи!—началъ Юній громкимъ, но не совсѣмъ твердымъ голосомъ:

„Друзья! Товарищи! Любители стиховъ!
Поклонники всего, что стройно и красиво!
Да не смущаетъ васъ мгновенье грусти темной!
Придетъ желанный мигъ... и свѣтъ разсѣетъ тьму“.

Юній умолкъ... а въ отвѣтъ ему, со всѣхъ концовъ площади, поднялся гамъ, свистъ, хохотъ.

Всѣ обращенныя къ нему лица пылали негодованіемъ, всѣ глаза сверкали злобой, всѣ руки поднимались, угрожали, сжимались въ кулаки.

— Чѣмъ вздумалъ удивить!—ревѣли сердитые голоса.— Долой съ амвона бездарнаго риѳмоплета! Вонъ дурака! Гнилыми яблоками, тухлыми яйцами шута гороховаго! Подайте камней! Камней сюда!

Кубаремъ скатился съ амвона Юній... но онъ еще не успѣлъ прибѣжать къ себѣ домой, — какъ до слуха его долетѣли раскаты восторженныхъ рукоплесканій, хвалебныхъ возгласовъ и кликовъ.

Исполненный недоумѣнья, стараясь, однако, не быть замѣченнымъ (ибо опасно раздражать залютѣвшаго звѣря)— возвратился Юній на площадь!

И что же онъ увидѣлъ?

Высоко надъ толпою, надъ ея плечами, стоялъ на золотомъ плоскомъ щитѣ, облеченный пурпурной хламидой, съ лавровымъ вѣнкомъ на взвившихся кудряхъ, стоялъ его соперникъ, молодой поэтъ Юлій... А народъ вопилъ кругомъ: „Слава! Слава! Слава безсмертному Юлію! Онъ утѣшилъ насъ въ нашей печали, въ нашемъ горѣ великомъ! Онъ подарилъ насъ стихами слаще меду, звучнѣе кимвала, душистѣе розы, чище небесной лазури! Несите его съ торжествомъ, обдавайте его вдохновенную голову мягкой волной ѳиміама, прохлаждайте его чело мѣрнымъ колебаніемъ пальмовыхъ вѣтвей, расточайте у ногъ его всѣ благовонія аравійскихъ мирръ! Слава!“

Юній приблизился къ одному изъ славословящихъ. — Повѣдай мнѣ, о, мой согражданинъ! какими стихами осчастливилъ васъ Юлій? — Увы! меня не было на площади, когда онъ произнесъ ихъ! Повтори ихъ, если ты ихъ запомнилъ, сдѣлай милость!

— Такіе стихи—да не запомнить? — ретиво отвѣтствовалъ вопрошенный. — За кого жъ ты меня принимаешь? Слушай—и ликуй, ликуй вмѣстѣ съ нами!

„Любители стиховъ!“ — такъ началъ божественный Юлій...

„Любители стиховъ! Товарищи! Друзья!
Поклонники всего, что стройно, звучно, нѣжно!
Да не смущаетъ васъ мгновенье скорби тяжкой!
Желанный мигъ придетъ—и день прогонитъ ночь!“

— Каково?

— Помилуй! — возопилъ Юній: — да это мои стихи!— Юлій, должно-быть, находился въ толпѣ, когда я произнесъ ихъ—онъ услышалъ и повторилъ ихъ, едва измѣнивъ—и ужъ, конечно, не къ лучшему,—нѣсколько выраженій!

— Ага! Теперь я узнаю тебя... Ты Юній,—возразилъ, насупивъ брови, остановленный имъ гражданинъ. — За-

вистникъ или глупецъ!.. вообрази только одно, несчастный! У Юлія какъ возвышенно сказано: „И день прогонитъ ночь!..“ А у тебя—чепуха какая-то: „И свѣтъ разсѣетъ тьму!?“—Какой свѣтъ?! Какую тьму?!

— Да развѣ это не все едино...—началъ-было Юній...

— Прибавь еще слово, — перебилъ его гражданинъ:— я крикну народу... и опъ тебя растерзаетъ!

Юній благоразумно умолкъ, а слышавшій его разговоръ съ гражданиномъ сѣдовласый старецъ подошелъ къ бѣдному поэту и, положивъ ему руку на плечо, промолвилъ:

— Юній! Ты сказалъ свое—да не во-время; а тотъ не свое сказалъ—да во-время.—Слѣдовательно, онъ правъ—а тебѣ остаются утѣшенія собственной твоей совѣсти.

Но пока совѣсть—какъ могла и какъ умѣла... довольно плохо, правду сказать—утѣшала прижавшагося къ сторонкѣ Юнія—вдали, среди грома и плеска ликованій, въ золотой пыли всепобѣднаго солнца, блистая пурпуромъ, темнѣя лавромъ сквозь волнистыя струи обильнаго ѳиміама, съ величественной медленностью, подобно царю, шествующему на царство, плавно двигалась гордо-выпрямленная фигура Юлія... и длинныя вѣтви пальмъ поочередно склонялись передъ нимъ, какъ бы выражая своимъ тихимъ вздыманьемъ, своимъ покорнымъ наклономъ — то непрестанно возобновлявшееся обожаніе, которое переполняло сердца очарованныхъ имъ согражданъ!

Апрѣль, 1878.

Воробей.

Я возвращался съ охоты и шелъ по аллеѣ сада. Собака бѣжала впереди меня.

Вдругъ она уменьшила свои шаги и начала красться, какъ бы зачуявъ передъ собою дичь.

Я глянулъ вдоль аллеи и увидалъ молодого воробья, съ желтизной около клюва и пухомъ на головѣ. Онъ упалъ изъ гнѣзда (вѣтеръ сильно качалъ березы аллеи) и сидѣлъ неподвижно, безпомощно растопыривъ едва проставшія крылышки.

Моя собака медленно приближалась къ нему, какъ

вдругъ, сорвавшись съ близкаго дерева, старый черногрудый воробей камнемъ упалъ передъ самой ея мордой— и весь взъерошенный, искаженный, съ отчаяннымъ и жалкимъ пискомъ прыгнулъ раза два въ направленіи зубастой, раскрытой пасти.

Онъ кинулся спасать, онъ заслонилъ собою свое дѣтище... но все его маленькое тѣло трепетало отъ ужаса, голосокъ одичалъ и охрипъ, онъ замиралъ, онъ жертвовалъ собою!

Какимъ громаднымъ чудовищемъ должна была ему казаться собака! И, все-таки, онъ не могъ усидѣть на своей высокой, безопасной вѣткѣ... Сила, сильнѣе его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезоръ остановился, попятился... Видно, и онъ призналъ эту силу.

Я поспѣшилъ отозвать смущеннаго пса — и удалился, благоговѣя.

Да; не смѣйтесь. Я благоговѣлъ передъ той маленькой, героической птицей, передъ любовнымъ ея порывомъ.

Любовь, думалъ я, сильнѣе смерти и страха смерти.— Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

Апрѣль, 1878.

Черепья.

Роскошная, пышно-освѣщенная зала; множество кавалеровъ и дамъ.

Всѣ лица оживлены, рѣчи бойки... Идетъ трескучій разговоръ объ одной извѣстной пѣвицѣ. Ее величаютъ божественной, безсмертной... О, какъ хорошо пустила она вчера свою послѣднюю трель!

И вдругъ — словно по манію волшебнаго жезла — со всѣхъ головъ и со всѣхъ лицъ слетѣла тонкая шелуха кожи — и мгновенно выступила наружу мертвенная бѣлизна черепьевъ, зарябили синеватымъ оловомъ обнаженныя десны и скулы.

Съ ужасомъ глядѣлъ я, какъ двигались и шевелились эти десны и скулы — какъ поворачивались, лоснясь при свѣтѣ лампъ и свѣчей, эти шишковатые, костяные шары—

и какъ вертѣлись въ нихъ другіе, меньшіе шары—шары обезсмысленныхъ глазъ.

Я не смѣлъ прикоснуться къ собственному лицу, не смѣлъ взглянуть на себя въ зеркало.

А черѣпья поворачивались попрежнему... И съ прежнимъ трескомъ, мелькая красными лоскуточками изъ-за оскаленныхъ зубовъ, проворные языки лепетали о томъ, какъ удивительно, какъ неподражаемо безсмертная... да, безсмертная пѣвица пустила свою послѣднюю трель!

Апрѣль, 1878.

Чернорабочій и Бѣлоручка.

Разговоръ.

Чернорабочій.

Что ты къ намъ лѣзешь? Чего тебѣ надо? Ты не нашъ... Ступай прочь!

Бѣлоручка.

Я вашъ, братцы!

Чернорабочій.

Какъ бы не такъ: нашъ! Что̀ выдумалъ! Посмотри хоть на мои руки. Видишь, какія онѣ грязныя? И навозомъ отъ нихъ несетъ, и дегтемъ, — а твои, вонъ, руки бѣлыя. И чѣмъ отъ нихъ пахнетъ?

Бѣлоручка—*подавая свои руки.*

Понюхай.

Чернорабочій—*понюхавъ руки.*

Что̀ за притча? Словно желѣзомъ отъ нихъ отдаетъ.

Бѣлоручка.

Желѣзомъ и есть. Цѣлыхъ шесть лѣтъ я на нихъ носилъ кандалы.

Чернорабочій.

А за что же это?

Бѣлоручка.

А за то, что я о вашемъ же добрѣ заботился, хотѣлъ освободить васъ, сѣрыхъ, темныхъ людей, возставалъ противъ притѣснителей вашихъ, бунтовалъ... Ну, меня и засадили.

Чернорабочій.

Засадили? Вольно жъ тебѣ было бунтовать!

Два года спустя.

Тотъ же чернорабочій—*другому.*

Слышь, Пётра!.. Помнишь, позапрошлымъ лѣтомъ одинъ такой бѣлоручка съ тобой бесѣдовалъ?

Другой чернорабочій.

Помню... а что?

Первый чернорабочій.

Его сегодня слышь, повѣсятъ; такой приказъ вышелъ.

Второй чернорабочій.

Все бунтовалъ?

Первый чернорабочій.

Все бунтовалъ.

Второй чернорабочій.

Да... Ну, вотъ что, братъ Митрій: нельзя ли намъ той самой веревочки раздобыть, на которой его вѣшать будутъ? говорятъ, ба-альшое счастье отъ этого въ дому бываетъ!

Первый чернорабочій.

Это ты справедливо. Надо попытаться, братъ Пётра.

Апрѣль, 1878.

Роза.

Послѣдніе дни августа... Осень уже наступала.

Солнце садилось. Внезапный, порывистый ливень, безъ грому и безъ молній, только-что промчался надъ нашей широкой равниной.

Садъ передъ домомъ горѣлъ и дымился, весь залитый пожаромъ зари и потопомъ дождя.

Она сидѣла за столомъ въ гостиной и съ упорной задумчивостью глядѣла въ садъ сквозь полураскрытую дверь.

Я зналъ, что̀ свершалось тогда въ ея душѣ; я зналъ, что послѣ недолгой, хоть и мучительной борьбы, она въ этотъ самый мигъ отдавалась чувству, съ которымъ уже не могла болѣе сладить.

Вдругъ она поднялась, проворно вышла въ садъ и скрылась.

Пробилъ часъ... пробилъ другой; она не возвращалась.

Тогда я всталъ, и выйдя изъ дому, отправился по аллеѣ, по которой—я въ томъ не сомнѣвался—пошла и она.

Все потемнѣло вокругъ; ночь уже надвинулась. Но на сыромъ песку дорожки, ярко алѣя даже сквозь разлитую мглу, виднѣлся кругловатый предметъ.

Я наклонился. То была молодая, чуть распустившаяся роза. Два часа тому назадъ, я видѣлъ эту самую розу на ея груди.

Я бережно поднялъ упавшій въ грязь цвѣтокъ и, вернувшись въ гостиную, положилъ его на столъ, передъ ея кресломъ.

Вотъ, и она вернулась наконецъ — и, легкими шагами пройдя всю комнату, сѣла за столъ.

Ея лицо и поблѣднѣло, и ожило; быстро, съ веселымъ смущеньемъ, бѣгали по сторонамъ опущенные какъ бы уменьшенные глаза.

Она увидала розу, схватила ее, взглянула на ея измятые, запачканные лепестки, взглянула на меня—и глаза ея, внезапно остановившись, засіяли слезами.

— О чемъ вы плачете?—спросилъ я.

— Да вотъ, объ этой розѣ. Посмотрите, что съ ней сталось.

Тутъ я вздумалъ выказать глубокомысліе.

— Ваши слезы смоютъ эту грязь, — промолвилъ я съ значительнымъ выраженіемъ.

— Слезы не моютъ, слезы жгутъ, — отвѣчала она и, обернувшись къ камину, бросила цвѣтокъ въ умиравшее пламя.

— Огонь сожжетъ еще лучше слезъ,—воскликнула она не безъ удали,—и прекрасные глаза, еще блестѣвшіе отъ слезъ, засмѣялись дерзостно и счастливо.

Я понялъ, что и она была сожжена.

Апрѣль, 1878.

Памяти Ю. П. Вревской.

На грязи, на вонючей сырой соломѣ, подъ навѣсомъ ветхаго сарая, на скорую руку превращеннаго въ поход-

ный военный госпиталь, въ разоренной болгарской деревушкѣ—слишкомъ двѣ недѣли умирала она отъ тифа.

Она была въ безпамятствѣ — и ни одинъ врачъ даже не взглянулъ на нее; больные солдаты, за которыми она ухаживала, пока еще могла держаться на ногахъ, — поочередно поднимались съ своихъ зараженныхъ логовищъ, чтобы поднести къ ея запекшимся губамъ нѣсколько капель воды въ черепкѣ разбитаго горшка.

Она была молода, красива; высшій свѣтъ ее зналъ; объ ней освѣдомлялись даже сановники. Дамы ей завидовали, мужчины за ней волочились... два-три человѣка тайно и глубоко любили ее. Жизнь ей улыбалася; но бываютъ улыбки хуже слезъ.

Нѣжное, кроткое сердце... и такая сила, такая жажда жертвы! — Помогать нуждающимся въ помощи... она не вѣдала другого счастія... не вѣдала—и не извѣдала. Всякое другое счастье прошло мимо. Но она съ этимъ давно помирилась—и, вся пылая огнемъ неугасимой вѣры, отдалась на служеніе ближнимъ.

Какіе завѣтные клады схоронила она тамъ, въ глубинѣ души, въ самомъ ея тайникѣ—никто не зналъ никогда—а теперь, конечно, не узнаетъ.

Да и къ чему? Жертва принесена... дѣло сдѣлано.

Но горестно думать, что никто не сказалъ спасибо даже ея трупу—хоть она сама и стыдилась, и чуждалась всякаго спасибо.

Пусть же не оскорбится ея милая тѣнь этимъ поздникъ цвѣткомъ, который я осмѣливаюсь возложить на ея могилу!

Сентябрь, 1878.

Послѣднее свиданіе.

Мы были когда-то короткими, близкими друзьями... Но насталъ недобрый мигъ—и мы разстались какъ враги.

Прошло много лѣтъ... И вотъ, заѣхавъ въ городъ, гдѣ онъ жилъ, я узналъ, что онъ безнадежно боленъ—и желаетъ видѣться со мною.

Я отправился къ нему, вошелъ въ его комнату... Взоры наши встрѣтились.

Я едва узналъ его. Боже! что съ нимъ сдѣлалъ недугъ!

Желтый, высохшій, съ лысиной во всю голову, съ узкой сѣдой бородой, онъ сидѣлъ въ одной, нарочно изрѣзанной рубахѣ... Онъ не могъ сносить давленія самаго легкаго платья. Порывисто протянулъ онъ мнѣ страшно-худую, словно обглоданную руку, усиленно прошепталъ нѣсколько невнятныхъ словъ--привѣтъ ли то былъ, упрекъ ли — кто знаетъ? Изможденная грудь заколыхалась — и на съёженные зрачки загорѣвшихся глазъ скатились двѣ скупыя, страдальческія слезинки.

Сердце во мнѣ упало...—Я сѣлъ на стулъ возлѣ него— и, опустивъ невольно взоры передъ тѣмъ ужасомъ и безобразіемъ, также протянулъ руку.

Но мнѣ почудилось, что не его рука взялась за мою.

Мнѣ почудилось, что между нами сидитъ высокая, тихая, бѣлая женщина. Длинный покровъ облекаетъ ее съ ногъ до головы. Никуда не смотрятъ ея глубокіе, блѣдные глаза; ничего не говорятъ ея блѣдныя, строгія губы...

Эта женщина соединила наши руки... Она навсегда примирила насъ.

Да... Смерть насъ примирила...

Апрѣль, 1878.

Посѣщеніе.

Я сидѣлъ у раскрытаго окна... утромъ, раннимъ утромъ перваго мая.

Заря еще не занималась; но уже блѣднѣла, уже холодѣла темная, теплая ночь.

Туманъ не вставалъ, не бродилъ вѣтерокъ, все было одноцвѣтно и безмолвно... но чуялась близость пробужденія — и въ порѣдѣвшемъ воздухѣ пахло жёсткой сыростью росы.

Вдругъ, въ мою комнату, сквозь раскрытое окно, легко позванивая и шурша, влетѣла большая птица.

Я вздрогнулъ, вглядѣлся... То была не птица, то была

крылатая, маленькая женщина, одѣтая въ тѣсное, длинное, къ низу волнистое платье.

Вся она была сѣрая, перламутроваго цвѣта; одна лишь внутренняя сторона ея крылышекъ алѣла нѣжной алостью распускающейся розы; вѣнокъ изъ ландышей охватывалъ разбросанныя кудри круглой головки,—и, подобныя усикамъ бабочки, два павлиныхъ пера забавно колебались надъ красивымъ, выпуклымъ лобикомъ.

Она пронеслась раза два подъ потолкомъ; ея крошечное лицо смѣялось; смѣялись также огромные, черные, свѣтлые глаза.

Веселая рѣзвость прихотливаго полета дробила ихъ алмазные лучи.

Она держала въ рукѣ длинный стебель степного цвѣтка: „царскимъ жезломъ“ зовутъ его русскіе люди,—онъ и то похожъ на скипетръ.

Стремительно пролетая надо мною, коснулась она моей головы тѣмъ цвѣткомъ.

Я рванулся къ ней... Но она уже выпорхнула изъ окна—и умчалась...

Въ саду, въ глуши сиреневыхъ кустовъ, горлинка встрѣтила ее первымъ воркованьемъ — а тамъ, гдѣ она скрылась, молочно-бѣлое небо тихонько закраснѣлось.

Я узналъ тебя, богиня фантазіи! Ты посѣтила меня случайно—ты полетѣла къ молодымъ поэтамъ.

О, поэзія! Молодость! Женская, дѣвственная красота! Вы только на мигъ можете блеснуть передо мною — раннимъ утромъ ранней весны!

Май, 1878.

Necessitas—Vis—Libertas.

Барельефъ.

Высокая, костлявая старуха, съ желѣзнымъ лицомъ и неподвижно-тупымъ взоромъ, идетъ большими шагами, и сухою, какъ палка, рукою толкаетъ передъ собою другую женщину.

Женщина эта огромнаго росту, могучая, дебелая, съ

мышцами, какъ у Геркулеса, съ крохотной головкой на бычачьей шеѣ—и слѣпая—въ свою очередь, толкаетъ небольшую, худенькую дѣвочку.

У одной этой дѣвочки зрячіе глаза; она упирается, оборачивается назадъ, поднимаетъ тонкія, красивыя руки; ея оживленное лицо выражаетъ нетерпѣніе и отвагу... Она не хочетъ слушаться, она не хочетъ идти, куда ее толкаютъ... и, все-таки, должна повиноваться и идти.

NECESSITAS—VIS—LIBERTAS.

Кому угодно—пусть переводитъ.

Май, 1878.

Милостыня.

Вблизи большого города, по широкой проѣзжей дорогѣ шелъ старый, больной человѣкъ.

Онъ шатался на ходу; его исхудалыя ноги, путаясь, волочась и спотыкаясь, ступали тяжко и слабо, словно чужія; одежда на немъ висѣла лохмотьями; непокрытая голова падала на грудь... Онъ изнемогалъ.

Онъ присѣлъ на придорожный камень, наклонился впередъ, облокотился, закрылъ лицо обѣими руками — и сквозь искривленные пальцы закапали слезы на сухую, сѣдую пыль.

Онъ вспоминалъ...

Вспоминалъ онъ, какъ и онъ былъ нѣкогда здоровъ и богатъ — и какъ онъ здоровье истратилъ — и богатство роздалъ другимъ, друзьямъ и недругамъ... И вотъ, теперь у него нѣтъ куска хлѣба — и всѣ его покинули, друзья еще раньше враговъ... Неужли жъ ему унизиться до того, чтобы просить милостыню? И горько ему было на сердцѣ, и стыдно.

А слезы все капали да капали, пестря сѣдую пыль.

Вдругъ онъ услышалъ, что кто-то зоветъ его по имени: онъ поднялъ усталую голову — и увидалъ передъ собою незнакомца.

Лицо спокойное и важное, но не строгое; глаза не лучистые, а свѣтлые; взоръ пронзительный, но не злой.

— Ты все свое богатство роздалъ, — послышался ров-

ный голосъ...—Но вѣдь ты не жалѣешь о томъ, что добро дѣлалъ?

— Не жалѣю,—отвѣтилъ со вздохомъ старикъ:—только, вотъ, умираю я теперь.

— И не было бы на свѣтѣ нищихъ, которые къ тебѣ протягивали руку,— продолжалъ незнакомецъ: — не надъ кѣмъ было бы тебѣ показать свою добродѣтель, не могъ бы ты упражняться въ ней?

Старикъ ничего не отвѣтилъ—и задумался.

— Такъ и ты теперь не гордись, бѣднякъ, — заговорилъ опять незнакомецъ: — ступай, протягивай руку, доставь и ты другимъ добрымъ людямъ возможность показать на дѣлѣ, что они добры.

Старикъ встрепенулся, вскинулъ глазами... но незнакомецъ уже исчезъ; — а вдали, на дорогѣ, показался прохожій.

Старикъ подошелъ къ нему — и протянулъ руку. — Этотъ прохожій отвернулся съ суровымъ видомъ и не далъ ничего.

Но за нимъ шелъ другой—и тотъ подалъ старику малую милостыню.

И старикъ купилъ себѣ на данные гроши хлѣба — и сладокъ показался ему выпрошенный кусокъ--и не было стыда у него на сердцѣ — а напротивъ: его осѣнила тихая радость.

Май, 1878.

Насѣкомое.

Снилось мнѣ, что сидитъ насъ человѣкъ двадцать въ большой комнатѣ съ раскрытыми окнами.

Между нами женщины, дѣти, старики... Всѣ мы говоримъ о какомъ-то очень извѣстномъ предметѣ—говоримъ шумно и невнятно.

Вдругъ въ комнату съ сухимъ трескомъ влетѣло большое насѣкомое, вершка въ два длиною... влетѣло, покружилось и сѣло на стѣну.

Оно походило на муху или на осу.—Туловище грязно-бураго цвѣту; такого же цвѣту и плоскія, жёсткія крылья;

растопыренныя мохнатыя лапки, да голова угловатая и крупная, какъ у коромысловъ; и голова эта, и лапки — ярко-красныя, точно кровавыя.

Странное это насѣкомое безпрестанно поворачивало гòлову внизъ, вверхъ, вправо, влѣво, передвигало лапки... потомъ вдругъ срывалось со стѣны, съ трескомъ летало по комнатѣ и опять садилось, опять жутко и противно шевелилось, не трогаясь съ мѣста.

Во всѣхъ насъ оно возбуждало отвращеніе, страхъ, даже ужасъ... Никто изъ насъ не видалъ ничего подобнаго, всѣ кричали: „гоните вонъ это чудовище!“ всѣ махали платками издали... ибо никто не рѣшался подойти... и когда насѣкомое взлетало—всѣ невольно сторонились.

Лишь одинъ изъ нашихъ собесѣдниковъ, молодой еще, блѣднолицый человѣкъ, оглядывалъ насъ всѣхъ съ недоумѣніемъ. Онъ пожималъ плечами, онъ улыбался, онъ рѣшительно не могъ понять, чтò съ нами сталось и съ чего мы такъ волнуемся. Самъ онъ не видѣлъ никакого насѣкомаго, не слышалъ зловѣщаго треска его крылъ.

Вдругъ насѣкомое словно уставилось на него, взвилось и, приникнувъ къ его головѣ, ужалило его въ лобъ, повыше глазъ... Молодой человѣкъ слабо ахнулъ, и упалъ мертвымъ.

Страшная муха тотчасъ улетѣла... Мы только тогда догадались, чтò это была за гостья.

Май, 1878.

Щи.

У бабы-вдовы умеръ ея единственный, двадцатилѣтній сынъ, первый на селѣ работникъ.

Барыня, помѣщица того самаго села, узнавъ о горѣ бабы, пошла навѣстить ее въ самый день похоронъ.

Она застала ее дома.

Стоя посреди избы, передъ столомъ, она, не спѣша, ровнымъ движеніемъ правой руки (лѣвая висѣла плетью) черпала пустыя щи со дна закоптѣлаго горшка и глотала ложку за ложкой.

Лицо бабы осунулось и потемнѣло; глаза покраснѣли и

опухли... но она держалась истово и прямо, какъ въ церкви.

„Господи!“ подумала барыня. „Она можетъ ѣсть въ такую минуту... какія, однако, у нихъ у всѣхъ грубыя чувства!“

И вспомнила тутъ барыня, какъ, потерявъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, девятимѣсячную дочь, она съ горя отказалась нанять прекрасную дачу подъ Петербургомъ и прожила цѣлое лѣто въ городѣ! — А баба продолжала хлебать щи.

Барыня не вытерпѣла, наконецъ. — Татьяна! — промолвила она. — Помилуй! Я удивляюсь! Неужели ты своего сына не любила? Какъ у тебя не пропалъ аппетитъ? Какъ можешь ты ѣсть эти щи!

— Вася мой померъ,—тихо проговорила баба, и наболѣвшія слезы снова побѣжали по ея впалымъ щекамъ.— Значитъ, и мой пришелъ конецъ: съ живой съ меня сняли голову. А щамъ не пропадать же: вѣдь они посолёныя.

Барыня только плечами пожала, и пошла вонъ. Ей-то соль доставалась дешево.

Май, 1878.

Лазурное царство.

О, лазурное царство! О, царство лазури, свѣта, молодости и счастья! Я видѣлъ тебя... во снѣ.

Насъ было нѣсколько человѣкъ на красивой, разубранной лодкѣ. Лебединой грудью вздымался бѣлый парусъ подъ рѣзвыми вымпелами.

Я не зналъ, кто были мои товарищи; но я всѣмъ своимъ существомъ чувствовалъ, что они были такъ же молоды, веселы и счастливы, какъ и я!

Да я и не замѣчалъ ихъ. Я видѣлъ кругомъ одно безбрежное лазурное море, все покрытое мелкой рябью золотыхъ чешуекъ, а надъ головою такое же безбрежное, такое же лазурное море, и по немъ, торжествуя и словно смѣясь, катилось ласковое солнце.

И между нами по временамъ поднимался смѣхъ, звонкій и радостный, какъ смѣхъ боговъ!

А не то вдругъ съ чьихъ-нибудь устъ слетали слова,

стихи, исполненные дивной красоты и вдохновенной силы... казалось, самое небо звучало имъ въ отвѣтъ и кругомъ море сочувственно трепетало... А тамъ опять наступала блаженная тишина.

Слегка ныряя по мягкимъ волнамъ, плыла наша быстрая лодка. Не вѣтромъ двигалась она; ею правили наши собственныя, играющія сердца. Куда мы хотѣли, туда она и неслась, послушно, какъ живая.

Намъ попадались острова, волшебные, полупрозрачные острова съ отливами драгоцѣнныхъ камней, яхонтовъ и изумрудовъ. Упоительныя благовонія неслись съ округлыхъ береговъ; одни изъ этихъ острововъ осыпали насъ дождемъ бѣлыхъ розъ и ландышей; съ другихъ внезапно поднимались радужныя, длиннокрылыя птицы.

Птицы кружились надъ нами, ландыши и розы таяли въ жемчужной пѣнѣ, скользившей вдоль гладкихъ боковъ нашей лодки.

Вмѣстѣ съ цвѣтами, съ птицами прилетали сладкіе, сладкіе звуки... Женскіе голоса чудились въ нихъ... И все вокругъ: небо, море, колыханіе паруса въ вышинѣ, журчаніе струи за кормою—все говорило о любви, о блаженной любви!

И та, которую каждый изъ насъ любилъ — она была тутъ... невидимо и близко. Еще мгновеніе — и вотъ, засіяютъ ея глаза, расцвѣтетъ ея улыбка... Ея рука возьметъ твою руку и увлечетъ тебя за собою въ неувядаемый рай!

О, лазурное царство! я видѣлъ тебя во снѣ.

Іюнь, 1878.

Два богача.

Когда при мнѣ превозносятъ богача Ротшильда, который изъ громадныхъ своихъ доходовъ удѣляетъ цѣлыя тысячи на воспитаніе дѣтей, на лѣченіе больныхъ, на призрѣніе старыхъ—я хвалю и умиляюсь.

Но, и хваля и умиляясь, не могу я не вспомнить объ одномъ убогомъ крестьянскомъ семействѣ, принявшемъ сироту-племянницу въ свой разоренный домишко.

— Возьмемъ мы Катьку, — говорила баба: — послѣдніе наши гроши на нее пойдутъ,—нé на что будетъ соли добыть, похлебку посолить...

— А мы ее... и не соленую,—отвѣтилъ мужикъ, ея мужъ.

Далеко Ротшильду до этого мужика!

Іюль, 1878.

Старикъ.

Настали темные, тяжелые дни...

Свои болѣзни, недуги людей милыхъ, холодъ и мракъ старости. Все, что̀ ты любилъ, чему отдавался безвозвратно—никнетъ и разрушается. Подъ гору пошла дорога.

Что же дѣлать? Скорбѣть? Горевать? Ни себѣ, ни другимъ ты этимъ не поможешь...

На засыхающемъ, покоробленномъ деревѣ листъ мельче и рѣже, но зелень его та же.

Сожмись и ты, уйди въ себя, въ свои воспоминанья, и тамъ, глубоко-глубоко, на самомъ днѣ сосредоточенной души, твоя прежняя, тебѣ одному доступная жизнь блеснетъ передъ тобою своей пахучей, все еще свѣжей зеленью и лаской, и силой весны!

Но будь остороженъ... не гляди впередъ, бѣдный старикъ!

Іюль, 1878.

Корреспондентъ.

Двое друзей сидятъ за столомъ и пьютъ чай.

Внезапный шумъ поднялся на улицѣ. Слышны жалобные стоны, ярыя ругательства, взрывы злораднаго смѣха.

— Кого-то бьютъ, — замѣтилъ одинъ изъ друзей, выглянувъ изъ окна.

— Преступника? Убійцу?—спросилъ другой.—Слушай, кто бы онъ ни былъ, нельзя допустить безсудную расправу. Пойдемъ, заступимся за него.

— Да это бьютъ не убійцу.

— Не убійцу? Такъ вора? Все равно, пойдемъ, отнимемъ его у толпы.

— И не вора.

— Не вора? Такъ кассира, желѣзнодорожника, воен-

наго поставщика, россійскаго мецената, адвоката, благонамѣреннаго редактора, общественнаго жертвователя?.. Все-таки пойдемъ, поможемъ ему!

— Нѣтъ... это бьютъ корреспондента.

— Корреспондента? — Ну, знаешь что̀: допьемъ сперва стаканъ чаю.

Іюль, 1878.

Два брата,

То было видѣніе...

Передо мною появилось два ангела... два генія.

Я говорю: ангелы... геніи—потому, что у обоихъ на обнаженныхъ тѣлахъ не было никакой одежды и за плечами у каждаго вздымались сильныя, длинныя крылья.

Оба—юноши. Одинъ—нѣсколько полный, гладкокожій, чернокудрый. Глаза каріе, съ поволокой, съ густыми рѣсницами; взглядъ вкрадчивый, веселый и жадный. Лицо прелестное, плѣнительное, чуть-чуть дерзкое, чуть-чуть злое. Алыя, пухлявыя губы слегка вздрагиваютъ. Юноша улыбается, какъ власть имѣющій — самоувѣренно и лѣниво; пышный цвѣточный вѣнокъ слегка покоится на блестящихъ волосахъ, почти касаясь бархатныхъ бровей. Пестрая шкурка леопарда, перехваченная золотой стрѣлою, легко повисла съ округлаго плеча на выгнутое бедро. Перья крыльевъ отливаютъ розовымъ цвѣтомъ: концы ихъ ярко-красны, точно омочены багряной, свѣжей кровью. Отъ времени до времени они трепещутъ быстро, съ пріятнымъ серебристымъ шумомъ, шумомъ вео сенняго дождя.

Другой былъ худъ и желтоватъ тѣломъ. Ребра слабвиднѣлись при каждомъ вдыханіи. Волосы бѣлокурые, жидкіе, прямые; огромные, круглые, блѣдно-сѣрые глаза... взглядъ безпокойный и странно-свѣтлый. Всѣ черты лица заостренныя; маленькій, полураскрытый ротъ съ рыбьими зубами; сжатый, орлиный носъ, выдающійся подбородокъ, покрытый бѣловатымъ пухомъ. Эти сухія губы ни разу, никогда не улыбнулись.

То было правильное, страшное, безжалостное лицо!

(Впрочемъ и у перваго, у красавца—лицо, хоть и милое, и сладкое, жалости не выражало тоже). Вокругъ головы второго зацѣпилось нѣсколько пустыхъ, поломанныхъ колосьевъ, перевитыхъ поблеклой былинкой. Грубая, сѣрая ткань обвивала чресла; крылья за спиною темно-синія, матоваго цвѣта, двигались тихо и грозно.

Оба юноши казались неразлучными товарищами.

Каждый изъ нихъ опирался на плечо другого. Мягкая ручка перваго лежала, какъ виноградный гроздъ, на сухой ключицѣ второго; узкая кисть второго съ длинными, тонкими пальцами протянулась, какъ змѣя, по женоподобной груди перваго.

И послышался мнѣ голосъ. Вотъ, что произнесъ онъ:

„Передъ тобой Любовь и Голодъ—два родныхъ брата, двѣ коренныхъ основы всего живущаго.

„Все, что живетъ — движется, чтобы питаться, и питается, чтобы воспроизводить.

„Любовь и Голодъ—цѣль ихъ одна: нужно, чтобы жизнь не прекращалась,—собственная и чужая—все та же, всеобщая жизнь“.

Августъ, 1878.

Эгоистъ.

Въ немъ было все нужное для того, чтобы сдѣлаться бичомъ своей семьи.

Онъ родился здоровымъ, родился богатымъ — и въ теченіе всей своей долгой жизни, оставаясь богатымъ и здоровымъ, не совершилъ ни одного проступка, не впалъ ни въ одну ошибку, не обмолвился и не промахнулся ни разу.

Онъ былъ безукоризненно честенъ!.. И гордый сознаньемъ своей честности, давилъ ею всѣхъ: родныхъ, друзей, знакомыхъ.

Честность была его капиталомъ... и онъ бралъ съ него ростовщичьи проценты.

Честность давала ему право быть безжалостнымъ и не дѣлать неуказаннаго добра; — и онъ былъ безжалост-

нымъ—и не дѣлалъ добра... потому что добро по указу— не добро.

Онъ никогда не заботился ни о комъ, кромѣ собственной — столь примѣрной особы, и искренно возмущался, если и другіе такъ же старательно не заботились о ней!

И въ то же время онъ не считалъ себя эгоистомъ— и пуще всего порицалъ и преслѣдовалъ эгоистовъ и эгоизмъ! — Еще бы! Чужой эгоизмъ мѣшалъ его собственному.

Не вѣдая за собой ни малѣйшей слабости, онъ не понималъ, не допускалъ ничьей слабости. Онъ вообще никого и ничего не понималъ, ибо былъ весь, со всѣхъ сторонъ, снизу и сверху, сзади и спереди, окруженъ самимъ собою.

Онъ даже не понималъ: что̀ значитъ прощать? Самому себѣ прощать ему не приходилось... Съ какой стати сталъ бы онъ прощать другимъ?

Передъ судомъ собственной совѣсти, передъ лицомъ собственнаго Бога — онъ, это чудо, этотъ извергъ добродѣтели, возводилъ очи горѣ — и твердымъ и яснымъ голосомъ произносилъ: „Да, я достойный, я нравственный человѣкъ!“

Онъ повторитъ эти слова на смертномъ ложѣ — и ничего не дрогнетъ даже и тогда въ его каменномъ сердцѣ— въ этомъ сердцѣ безъ пятнышка и безъ трещины.

О, безобразіе самодовольной, непреклонной, дешево доставшейся добродѣтели—ты едва ли не противнѣй откровеннаго безобразія порока!

Декабрь, 1878.

Пиръ у Верховнаго существа.

Однажды Верховное существо вздумало задать великій пиръ въ своихъ лазоревыхъ чертогахъ.

Всѣ добродѣтели были имъ позваны въ гости. Однѣ добродѣтели... мужчинъ онъ не приглашалъ... однѣхъ только дамъ.

Собралось ихъ очень много—великихъ и малыхъ. Малыя добродѣтели были пріятнѣе и любезнѣе великихъ; но

всѣ казались довольными—и вѣжливо разговаривали между собою, какъ приличествуетъ близкимъ родственникамъ и знакомымъ.

Но вотъ, Верховное существо замѣтило двухъ прекрасныхъ дамъ, которыя, казалось, вовсе не были знакомы другъ съ дружкой.

Хозяинъ взялъ за руку одну изъ этихъ дамъ и подвелъ ее къ другой.

„Благодѣтельность!“—сказалъ онъ, указавъ на первую.

„Благодарность!“—прибавилъ онъ, указавъ на вторую.

Обѣ добродѣтели несказанно удивились: съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоялъ—а стоялъ онъ давно—онѣ встрѣчались въ первый разъ.

Декабрь, 1878.

Сфинксъ.

Изжелта-сѣрый, сверху рыхлый, изподнизу твердый, скрипучій песокъ... песокъ безъ конца, куда ни взглянешь!

И надъ этой песчаной пустыней, надъ этимъ моремъ мертваго праха, высится громадная голова египетскаго сфинкса.

Что хотятъ сказать эти крупныя, выпяченныя губы, эти неподвижно-расширенныя, вздёрнутыя ноздри—и эти глаза, эти длинные, полу-сонные, полу-внимательные глаза подъ двойной дугой высокихъ бровей?

А что-то хотятъ сказать они! Они даже говорятъ—но одинъ лишь Эдипъ умѣетъ разрѣшить загадку и понять ихъ безмолвную рѣчь.

Ба! Да я узнаю эти черты... въ нихъ уже нѣтъ ничего египетскаго. Бѣлый, низкій лобъ, выдающіяся скулы, носъ короткій и прямой, красивый бѣлозубый ротъ, мягкій усъ и бородка курчавая—и эти широко разставленные небольшіе глаза... а на головѣ шапка волосъ, разсѣченная проборомъ... Да это ты, Карпъ, Сидоръ, Семенъ, ярославскій, рязанскій мужичокъ, соотчичъ мой, русская косточка! Давно ли попалъ ты въ сфинксы?

Или ты тоже что-то хочешь сказать? Да; и ты тоже—сфинксъ.

И глаза твои — эти безцвѣтные, но глубокіе глаза—говорятъ тоже... И такъ же безмолвны и загадочны ихъ рѣчи.

Только гдѣ твой Эдипъ?

Увы! недовольно надѣть мурмолку, чтобы сдѣлаться твоимъ Эдипомъ, о, всероссійскій сфинксъ!

Декабрь, 1878.

Нимфы.

Я стоялъ передъ цѣпью красивыхъ горъ, раскинутыхъ полукругомъ; молодой, зеленый лѣсъ покрывалъ ихъ сверху до низу.

Прозрачно синѣло надъ нами южное небо; солнце съ вышины играло лучами; внизу, полузакрытые травою, болтали проворные ручьи.

И вспомнилось мнѣ старинное сказаніе о томъ, какъ, въ первый вѣкъ по Рождествѣ Христовѣ, одинъ греческій корабль плылъ по Эгейскому морю.

Часъ былъ полуденный... Стояла тихая погода. И вдругъ, въ высотѣ, надъ головою кормчаго, кто-то явственно произнесъ: „Когда ты будешь плыть мимо острова, воззови громкимъ голосомъ:—Умеръ великій Панъ!“

Кормчій удивился... испугался. Но когда корабль побѣжалъ мимо острова, онъ послушался, онъ воззвалъ:—Умеръ великій Панъ!

И тотчасъ же, въ отвѣтъ на его кликъ, по всему протяженію берега (а островъ былъ необитаемъ) раздались громкія рыданья, стоны, протяжные, жалостные возгласы: —Умеръ! Умеръ великій Панъ!

Мнѣ вспомнилось это сказаніе... и странная мысль посѣтила меня.—„Что, если я кликну кличъ?“

Но въ виду окружавшаго меня ликованія я не могъ подумать о смерти—и, что было во мнѣ силы, закричалъ:—„Воскресъ! воскресъ великій Панъ!

И тотчасъ же, о чудо!—въ отвѣтъ на мое восклицаніе, по всему широкому полукружію зеленыхъ горъ прокатил-

ся дружный хохотъ, поднялся радостный говоръ и плескъ. „Онъ воскресъ! Панъ воскресъ!“ шумѣли молодые голоса.—Все тамъ, впереди, внезапно засмѣялось, ярче солнца въ вышинѣ, игривѣе ручьевъ, болтавшихъ подъ травою. Послышался торопливый топотъ легкихъ шаговъ, сквозь зеленую чащу замелькала мраморная бѣлизна волнистыхъ туникъ, живая алость обнаженныхъ тѣлъ... То нимфы, нимфы, дріады, вакханки бѣжали съ высотъ въ равнину...

Онѣ разомъ показались по всѣмъ опушкамъ. Локоны вьются по божественнымъ головамъ, стройныя руки поднимаютъ вѣнки и тимпаны—и смѣхъ, сверкающій, олимпійскій смѣхъ, бѣжитъ и катится вмѣстѣ съ ними...

Впереди несется богиня. Она выше и прекраснѣе всѣхъ,—колчанъ за плечами, въ рукахъ лукъ, на поднятыхъ кудряхъ серебристый серпъ луны...

Діана, это—ты?

Но вдругъ богиня остановилась... и тотчасъ вслѣдъ за нею остановились всѣ нимфы. Звонкій смѣхъ замеръ. Я видѣлъ, какъ лицо внезапно онѣмѣвшей богини покрылось смертельной блѣдностью; я видѣлъ, какъ окаменѣли ея ноги; какъ невыразимый ужасъ разверзъ ея уста, расширилъ глаза, устремленные вдаль... Что она увидала? Куда глядѣла она?

Я обернулся въ ту сторону, куда она глядѣла...

На самомъ краю неба, за низкой чертою полей, горѣлъ огненной точкой золотой крестъ на бѣлой колокольнѣ христіанской церкви... Этотъ крестъ увидала богиня.

Я слышалъ за собою неровный, длинный вздохъ, подобный трепетанію лопнувшей струны,—и когда я обернулся снова, уже отъ нимфъ не осталось слѣда... Широкій лѣсъ зеленѣлъ попрежнему, и только мѣстами, сквозь частую сѣть вѣтвей, виднѣлись, таяли клочки чего-то бѣлаго. Были ли то туники нимфъ, поднимался ли паръ со дна долинъ—не знаю.

Но какъ мнѣ было жаль исчезнувшихъ богинь.

Декабрь, 1878.

Врагъ и Другъ.

Осужденный на вѣчное заточенье узникъ вырвался изъ тюрьмы и стремглавъ пустился бѣжать... За нимъ по пятамъ мчалась погоня.

Онъ бѣжалъ изо всѣхъ силъ... Преслѣдователи начинали отставать.

Но вотъ, передъ нимъ рѣка съ крутыми берегами, узкая—но глубокая рѣка... А онъ не умѣетъ плавать!

Съ одного берега на другой перекинута тонкая, гнилая доска. Бѣглецъ уже занесъ на нее ногу... Но случилось такъ, что тутъ же, возлѣ рѣки, стояли: лучшій его другъ и самый жестокій его врагъ.

Врагъ ничего не сказалъ и только скрестилъ руки; за то другъ закричалъ во все горло:—Помилуй! Что ты дѣлаешь? Опомнись, безумецъ! Развѣ ты не видишь, что доска совсѣмъ сгнила? — Она сломится подъ твоею тяжестью—и ты неизбѣжно погибнешь!

— Но вѣдь другой переправы нѣтъ... а погоню слышишь? — отчаянно простоналъ несчастный и ступилъ на доску.

— Не допущу!.. Нѣтъ, не допущу, чтобы ты погибнулъ!—возопилъ ревностный другъ и выхватилъ изъ-подъ ногъ бѣглеца доску.—Тотъ мгновенно бухнулъ въ бурныя волны—и утонулъ.

Врагъ засмѣялся самодовольно — и пошелъ прочь; а другъ присѣлъ на бережку — и началъ горько плакать о своемъ бѣдномъ... бѣдномъ другѣ!

Обвинять самого себя въ его гибели онъ, однако, не подумалъ... ни на мигъ.

„Не послушался меня! Не послушался!“—шепталъ онъ уныло.

— А впрочемъ!—промолвилъ онъ, наконецъ.—Вѣдь онъ всю жизнь свою долженъ былъ томиться въ ужасной тюрьмѣ! По крайней мѣрѣ, онъ теперь не страдаетъ! Теперь ему легче! Знать, ужъ такая ему выпала доля!

„А все-таки жалко, по человѣчеству?“

И добрая душа продолжала неутѣшно рыдать о своемъ злополучномъ другѣ.

Декабрь, 1878.

Христосъ.

Я видѣлъ себя юношей, почти мальчикомъ, въ низкой деревенской церкви. — Красными пятнышками теплились передъ старинными образами восковыя тонкія свѣчи.

Радужный вѣнчикъ окружалъ каждое маленькое пламя.— Темно и тускло было въ церкви... Но народу стояло передо мною много.

Все русыя, крестьянскія головы. Отъ времени до времени онѣ начинали колыхаться, падать, подниматься снова, словно зрѣлые колосья, когда по нимъ медленной волной пробѣгаетъ лѣтній вѣтеръ.

Вдругъ какой-то человѣкъ подошелъ сзади и сталъ со мною рядомъ.

Я не обернулся къ нему — но тотчасъ почувствовалъ, что этотъ человѣкъ—Христосъ.

Умиленіе, любопытство, страхъ разомъ овладѣли мною. Я сдѣлалъ надъ собою усиліе... и посмотрѣлъ на своего сосѣда.

Лицо какъ у всѣхъ, — лицо, похожее на всѣ человѣческія лица. Глаза глядятъ немного ввысь, внимательно и тихо. Губы закрыты, но не сжаты: верхняя губа какъ бы покоится на нижней; небольшая борода раздвоена. Руки сложены и не шевелятся. И одежда на немъ, какъ на всѣхъ.

„Какой же это Христосъ!“ подумалось мнѣ. „Такой простой, простой человѣкъ! Быть не можетъ!“

Я отвернулся прочь. — Но не успѣлъ я отвести взоръ отъ того простого человѣка, какъ мнѣ опять почудилось, что это именно Христосъ стоялъ со мной рядомъ.

Я опять сдѣлалъ надъ собою усиліе... И опять увидѣлъ то же лицо, похожее на всѣ человѣческія лица, тѣ же обычныя, хоть и незнакомыя черты.

И мнѣ вдругъ стало жутко — и я пришелъ въ себя.

Только тогда я понялъ, что именно такое лицо,—лицо, похожее на всѣ человѣческія лица,—оно и есть лицо Христа.

Декабрь, 1878.

II.

1879—1882 гг.

Камень.

Видали ли вы старый, сѣрый камень на морскомъ прибрежьѣ, когда на него, въ часъ прилива, въ солнечный весенній день, со всѣхъ сторонъ бьютъ живыя волны—бьютъ и играютъ, и ластятся къ нему—и обливаютъ его мшистую голову разсыпчатымъ жемчугомъ блестящей пѣны?

Камень остается тѣмъ же камнемъ—но по хмурой его поверхности выступаютъ яркіе цвѣта.

Они свидѣтельствуютъ о томъ далекомъ времени, когда только-что начиналъ твердѣть расплавленный гранитъ и весь горѣлъ огнистыми цвѣтами.

Такъ и на мое старое сердце недавно со всѣхъ сторонъ нахлынули молодыя, женскія души—и подъ ихъ ласкающимъ прикосновеніемъ зардѣлось оно уже давно поблекшими красками, слѣдами бывалаго огня.

Волны отхлынули... но краски еще не потускнѣли—хоть и сушитъ ихъ рѣзкій вѣтеръ.

Май, 1879.

Голуби.

Я стоялъ на вершинѣ пологаго холма; передо мною—то золотомъ, то посеребреннымъ моремъ раскинулась и пестрѣла спѣлая рожь.

Но не бѣгало зыби по этому морю; не струился душный воздухъ: назрѣвала гроза великая.

Около меня солнце еще свѣтило горячо и тускло;

но тамъ, за рожью, не слишкомъ далеко, темно-синяя туча лежала грузной громадой на цѣлой половинѣ небосклона.

Все притаилось... все изнывало подъ зловѣщимъ блескомъ послѣднихъ солнечныхъ лучей. Не слыхать, не видать ни одной птицы; попрятались даже воробьи. Только гдѣ-то вблизи упорно шепталъ и хлопалъ одинокій, крупный листъ лопуха.

Какъ сильно пахнетъ полынь на межахъ! Я глядѣлъ на синюю громаду... и смутно было на душѣ. Ну, скорѣй же, скорѣй! думалось мнѣ, сверкни, золотая змѣйка, дрогни, громъ! двинься, покатись, пролейся, злая туча, прекрати тоскливое томленье!

Но туча не двигалась. Она попрежнему давила безмолвную землю... и только словно пухла, да темнѣла.

И вотъ, по одноцвѣтной ея синевѣ замелькало что-то ровно и плавно; ни дать, ни взять бѣлый платочекъ или снѣжный комокъ. То летѣлъ со стороны деревни бѣлый голубь.

Летѣлъ, летѣлъ все прямо, прямо... и потонулъ за лѣсомъ.

Прошло нѣсколько мгновеній — та же стояла жестокая тишь... Но глядь! Уже *два* платка мелькаютъ, *два* комочка несутся назадъ: то летятъ домой ровнымъ полетомъ *два* бѣлыхъ голубя.

И вотъ, наконецъ, сорвалась буря—и пошла потѣха!

Я едва домой добѣжалъ. — Визжитъ вѣтеръ, мечется, какъ бѣшеный, мчатся рыжія, низкія, словно въ клочья разорванныя облака, все закрутилось, смѣшалось, захлесталъ, закачался отвѣсными столбами рьяный ливень, молніи слѣпятъ огнистой зеленью, стрѣляетъ какъ изъ пушки отрывистый громъ, запахло сѣрой...

Но подъ навѣсомъ крыши, на самомъ краюшкѣ слухового окна, рядышкомъ сидятъ два бѣлыхъ голубя—и тотъ, кто слеталъ за товарищемъ, и тотъ, кого онъ привелъ и, можетъ-быть, спасъ.

Нахохлились оба—и чувствуютъ каждый своимъ крыломъ крыло сосѣда...

Хорошо имъ! И мнѣ хорошо, глядя на нихъ... Хоть я и одинъ... одинъ, какъ всегда.

Май, 1879.

Завтра! Завтра!

Какъ пустъ и вялъ, и ничтоженъ почти всякій прожитой день! Какъ мало слѣдовъ оставляетъ онъ за собою! Какъ безсмысленно-глупо пробѣжали эти часы за часами!

И, между тѣмъ, человѣку хочется существовать; онъ дорожитъ жизнію, онъ надѣется на нее, на себя, на будущее... О, какихъ благъ онъ ждетъ отъ будущаго!

Но почему же онъ воображаетъ, что другіе, грядущіе дни не будутъ похожи на этотъ только-что прожитой день?

Да онъ этого и не воображаетъ. Онъ вообще не любитъ размышлять—и хорошо дѣлаетъ.

„Вотъ, завтра, завтра!“—утѣшаетъ онъ себя,—пока это „завтра“ не свалитъ его въ могилу.

Ну—а разъ въ могилѣ—поневолѣ размышлять перестанешь.

Май, 1879.

Природа.

Мнѣ снилось, что я вошелъ въ огромную подземную храмину съ высокими сводами. Ее всю наполнялъ какой-то тоже подземный, ровный свѣтъ.

По самой срединѣ храмины сидѣла величавая женщина въ волнистой одеждѣ зеленаго цвѣта. Склонивъ голову на руку, она казалась погруженной въ глубокую думу.

Я тотчасъ понялъ, что эта женщина—сама Природа,—и мгновеннымъ холодомъ внѣдрился въ мою душу благоговѣйный страхъ.

Я приблизился къ сидящей женщинѣ—и, отдавъ почтительный поклонъ: „О, наша общая мать!—воскликнулъ я.—О чемъ твоя дума? Не о будущихъ ли судьбахъ человѣчества размышляешь ты? Не о томъ ли, какъ ему дойти до возможнаго совершенства и счастья?“

Женщина медленно обратила на меня свои темные, грозные глаза. Губы ея шевельнулись—и раздался зычный голосъ, подобный лязгу желѣза.

— Я думаю о томъ, какъ бы придать бо̀льшую силу мышцамъ ногъ блохи, чтобы ей удобнѣе было спасаться отъ враговъ своихъ. Равновѣсіе нападенія и отпора нарушено... Надо его возстановить.

— Какъ?—пролепеталъ я въ отвѣтъ.—Ты вотъ о чемъ думаешь? Но развѣ мы, люди, не любимыя твои дѣти?

Женщина чуть-чуть наморщила брови:—Всѣ твари мои дѣти,—промолвила она:—и я одинаково о нихъ забочусь—и одинаково ихъ истребляю.

— Но добро... разумъ... справедливость...—пролепеталъ я снова.

— Это человѣческія слова, — раздался желѣзный голосъ: — я не вѣдаю ни добра, ни зла... Разумъ мнѣ не законъ—и что̀ такое справедливость? — Я тебѣ дала жизнь—я ее отниму и дамъ другимъ, червямъ или людямъ... мнѣ все равно... А ты, пока, защищайся—и не мѣшай мнѣ!

Я хотѣлъ-было возражать... но земля кругомъ глухо застонала и дрогнула—и я проснулся.

Августъ, 1879.

„Повѣсить его!“

Это случилось въ 1803 году, — началъ мой старый знакомый: — незадолго до Аустерлица. Полкъ, въ которомъ я служилъ офицеромъ, стоялъ на квартирахъ въ Моравіи.

Намъ было строго запрещено безпокоить и притѣснять жителей; они и такъ смотрѣли на насъ косо, хоть мы и считались союзниками.

У меня былъ денщикъ, бывшій крѣпостной моей матери, Егоръ по имени. Человѣкъ онъ былъ честный и смирный; я зналъ его съ дѣтства и обращался съ нимъ, какъ съ другомъ.

Вотъ однажды, въ домѣ, гдѣ я жилъ, поднялись бранчивые крики, вопли: у хозяйки украли двухъ куръ,

и она въ этой кражѣ обвиняла моего денщика. Онъ оправдывался, призывалъ меня въ свидѣтели... — „Станетъ онъ красть, онъ, Егоръ Автамоновъ!“ Я увѣрялъ хозяйку въ честности Егора, но она ничего слушать не хотѣла.

Вдругъ вдоль улицы раздался дружный конскій топотъ: то самъ главнокомандующій проѣзжалъ со своимъ штабомъ. Онъ ѣхалъ шагомъ, толстый, обрюзглый, съ понурой головой и свислыми на грудь эполетами.

Хозяйка увидала его—и, бросившись наперерѣзъ его лошади, пала на колѣни—и вся растерзанная, простоволосая, начала громко жаловаться на моего денщика, указывала на него рукою.

— Господинъ генералъ!—кричала она:—ваше сіятельство! разсудите! помогите! спасите! этотъ солдатъ меня ограбилъ!

Егоръ стоялъ на порогѣ дома, вытянувшись въ струнку, съ шапкой въ рукѣ, даже грудь выставилъ и ноги сдвинулъ, какъ часовой, — и хоть бы слово! Смутилъ ли его весь этотъ остановившійся посреди улицы генералитетъ, окаменѣлъ ли онъ передъ налетающей бѣдою — только стоитъ мой Егоръ да мигаетъ глазами, а самъ бѣлъ какъ глина!

Главнокомандующій бросилъ на него разсѣянный и угрюмый взглядъ, промычалъ сердито: — Ну?.. — Стоитъ Егоръ, какъ истуканъ, и зубы оскалилъ! Со стороны посмотрѣть: словно смѣется человѣкъ.

Тогда главнокомандующій промолвилъ отрывисто:—Повѣсить его! — толкнулъ лошадь подъ бока и двинулся дальше — сперва опять-таки шагомъ — а потомъ шибкой рысью. Весь штабъ помчался вслѣдъ за нимъ; одинъ только адъютантъ, повернувшись на сѣдлѣ, взглянулъ мелькомъ на Егора.

Ослушаться было невозможно... Егора тотчасъ схватили и повели на казнь.

Тутъ онъ совсѣмъ помертвѣлъ — и только раза два съ трудомъ воскликнулъ: „батюшки! батюшки!“ — а потомъ вполголоса: „видитъ Богъ—не я!“

Горько, горько заплакалъ онъ, прощаясь со мною. Я былъ въ отчаяніи.—Егоръ! Егоръ!—кричалъ я:—какъ же ты это ничего не сказалъ генералу!

— Видитъ Богъ, не я, — повторялъ, всхлипывая, бѣднякъ.—Сама хозяйка ужаснулась. Она никакъ не ожидала такого страшнаго рѣшенія, и въ свою очередь разревѣлась! Начала умолять всѣхъ и каждаго о пощадѣ, увѣряла, что куры ея отыскались, что она сама готова все объяснить...

Разумѣется, все это ни къ чему не послужило. Военные, сударь, порядки! Дисциплина!—Хозяйка рыдала все громче и громче.

Егоръ, котораго священникъ уже исповѣдалъ и причастилъ, обратился ко мнѣ:

— Скажите ей, ваше благородіе, чтобъ она не убивалась... Вѣдь я ей простилъ.

Мой знакомый, повторивъ эти послѣднія слова своего слуги, прошепталъ: „Егорушка, голубчикъ, праведникъ!“— и слезы закапали по его старымъ щекамъ.

Августъ, 1879.

Что я буду думать?..

Что я буду думать тогда, когда мнѣ придется умирать,— если я только буду въ состояніи тогда думать?

Буду ли я думать о томъ, что плохо воспользовался жизнью, проспалъ ее, продремалъ, не сумѣлъ вкусить отъ ея даровъ?

„Какъ? это уже смерть? Такъ скоро? Невозможно! Вѣдь я еще ничего не успѣлъ сдѣлать... Я только собирался дѣлать!“

Буду ли я вспоминать о прошедшемъ, останавливаться мыслію на немногихъ, свѣтлыхъ, прожитыхъ мною мгновеніяхъ, на дорогихъ образахъ и лицахъ?

Предстанутъ ли моей памяти мои дурныя дѣла—и найдетъ на мою душу жгучая тоска поздняго раскаянія?

Буду ли я думать о томъ, что̀ меня ожидаетъ за гробомъ... да и ожидаетъ ли меня тамъ что-нибудь?

Нѣтъ... мнѣ кажется, я буду стараться не думать — и

насильно займусь какимъ-нибудь вздоромъ, чтобы только отвлечь собственное мое вниманіе отъ грознаго мрака, чернѣющаго впереди.

При мнѣ одинъ умирающій все жаловался на то, что не хотятъ дать ему погрызть каленыхъ орѣшковъ... и только тамъ, въ глубинѣ его потускнѣвшихъ глазъ, билось и трепетало что-то, какъ перешибленное крыло на смерть раненой птицы...

Августъ, 1879.

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...“

Гдѣ-то, когда-то, давно-давно тому назадъ, я прочелъ одно стихотвореніе. Оно скоро позабылось мною... но первый стихъ остался у меня въ памяти:

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...“

Теперь зима; морозъ запушилъ стекла оконъ; въ темной комнатѣ горитъ одна свѣча. Я сижу, забившись въ уголъ; а въ головѣ все звенитъ да звенитъ:

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...“

И вижу я себя передъ низкимъ окномъ загороднаго русскаго дома. Лѣтній вечеръ тихо таетъ и переходитъ въ ночь, въ тепломъ воздухѣ пахнетъ резедой и липой;— а на окнѣ, опершись на выпрямленную руку и склонивъ голову къ плечу, сидитъ дѣвушка — и безмолвно, и пристально смотритъ на небо, какъ бы выжидая появленія первыхъ звѣздъ. Какъ простодушно вдохновенны задумчивые глаза, какъ трогательно-невинны раскрытыя, вопрошающія губы, какъ ровно дышитъ еще не вполнѣ расцвѣтшая, еще ничѣмъ не взволнованная грудь, какъ чистъ и нѣженъ обликъ юнаго лица! Я не дерзаю заговорить съ нею, но какъ она мнѣ дорога, какъ бьется мое сердце!

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...“

А въ комнатѣ все темнѣй да темнѣй... Нагорѣвшая свѣча трещитъ, бѣглыя тѣни колеблются на низкомъ потолкѣ, морозъ скрипитъ и злится за стѣною — и чудится скучный, старческій шопотъ...

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...“

Встаютъ передо мною другіе образы... Слышится веселый шумъ семейной, деревенской жизни. Двѣ русыя головки, прислонясь другъ къ дружкѣ, бойко смотрятъ на меня своими свѣтлыми глазками, алыя щеки трепещутъ сдержаннымъ смѣхомъ, руки ласково сплелись, въ перебивку звучатъ молодые, добрые голоса; а немного подальше, въ глубинѣ уютной комнаты, другія, тоже молодыя руки бѣгаютъ, путаясь пальцами, по клавишамъ старенькаго піанино, и Ланнеровскій вальсъ не можетъ заглушить воркотню патріархальнаго самовара...

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...“

Свѣча меркнетъ и гаснетъ... Кто это кашляетъ тамъ такъ хрипло и глухо? Свернувшись въ калачикъ, жмется и вздрагиваетъ у ногъ моихъ старый песъ, мой единственный товарищъ... Мнѣ холодно... Я зябну... и всѣ онѣ умерли... умерли...

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...“

Сентябрь, 1879.

Морское плаваніе.

Я плылъ изъ Гамбурга въ Лондонъ на небольшомъ пароходѣ. Насъ было двое пассажировъ: я, да маленькая обезьяна, самка изъ породы уистити, которую одинъ гамбургскій купецъ отправлялъ въ подарокъ своему англійскому компаньону.

Она была привязана тонкой цѣпочкой къ одной изъ скамеекъ на палубѣ и металась, и пищала жалобно, по-птичьи.

Всякій разъ, когда я проходилъ мимо, она протягивала мнѣ свою черную, холодную ручку — и взглядывала на меня своими грустными, почти человѣческими глазенками. — Я бралъ ея руку — и она переставала пищать и метаться.

Стоялъ полный штиль. Море растянулось кругомъ неподвижной скатертью свинцоваго цвѣта. Оно казалось невеликимъ; густой туманъ лежалъ на немъ, заволакивая самые концы мачтъ, и слѣпилъ, и утомлялъ взоръ своей мягкой мглою. Солнце висѣло тускло-краснымъ пятномъ

въ этой мглѣ; а передъ вечеромъ она вся загоралась и алѣла таинственно и странно.

Длинныя, прямыя складки, подобныя складкамъ тяжелыхъ шелковыхъ тканей, бѣжали одна за другой отъ носа парохода и, все ширясь, морщась да ширясь, сглаживались наконецъ, колыхались, исчезали. Взбитая пѣна клубилась подъ однообразно топотавшими колесами; молочно бѣлѣя и слабо шипя, разбивалась она на змѣевидныя струи, а тамъ сливалась, исчезала тоже, поглощенная мглою.

Непрестанно и жалобно, не хуже писка обезьяны, звякалъ небольшой колоколъ у кормы.

Изрѣдка всплывалъ тюлень — и, круто кувыркнувшись, уходилъ подъ едва возмущенную гладь.

А капитанъ, молчаливый человѣкъ съ загорѣлымъ, сумрачнымъ лицомъ, курилъ короткую трубку и сердито плевалъ въ застывшее море.

На всѣ мои вопросы онъ отвѣчалъ отрывистымъ ворчаніемъ; поневолѣ приходилось обращаться къ моему единственному спутнику—обезьянѣ.

Я садился возлѣ нея; она переставала пищать—и опять протягивала мнѣ руки.

Снотворной сыростью обдавалъ насъ обоихъ неподвижный туманъ; и погруженные въ одинаковую безсознательную думу, мы пребывали другъ возлѣ друга, словно родные.

Я улыбаюсь теперь... но тогда во мнѣ было другое чувство.

Всѣ мы дѣти одной матери—и мнѣ было пріятно, что бѣдный звѣрекъ такъ довѣрчиво утихалъ и прислонялся ко мнѣ, словно къ родному.

Ноябрь, 1879.

Н. Н.

Стройно и тихо проходишь ты по жизненному пути, безъ слезъ и безъ улыбки, едва оживленная равнодушнымъ вниманіемъ.

Ты добра и умна... и все тебѣ чуждо — и никто тебѣ не нуженъ.

Ты прекрасна—и никто не скажетъ: дорожишь ли ты своей красотою или нѣтъ? — Ты безучастна сама — и не требуешь участія.

Твой взоръ глубокъ — и не задумчивъ; пусто въ этой свѣтлой глубинѣ.

Такъ, въ Елисейскихъ поляхъ, подъ важные звуки Глюковскихъ мелодій,—безпечально и безрадостно проходятъ стройныя тѣни.

Ноябрь, 1879.

Стой!

Стой! Какою я теперь тебя вижу — останься навсегда такою въ моей памяти!

Съ губъ сорвался послѣдній вдохновенный звукъ—глаза не блестятъ и не сверкаютъ — они меркнутъ, отягощенные счастьемъ, блаженнымъ сознаніемъ той красоты, которую удалось тебѣ выразить, той красоты, во слѣдъ которой ты словно простираешь твои торжествующія, твои изнеможенныя руки!

Какой свѣтъ, тоньше и чище солнечнаго свѣта, разлился по всѣмъ твоимъ членамъ, по малѣйшимъ складкамъ твоей одежды?

Какой Богъ своимъ ласковымъ дуновеньемъ откинулъ назадъ твои разсыпанныя кудри?

Его лобзаніе горитъ на твоемъ, какъ мраморъ поблѣднѣвшемъ, челѣ!

Вотъ она—открытая тайна, тайна поэзіи, жизни, любви! Вотъ оно, вотъ оно, безсмертіе! Другого безсмертія нѣтъ—и не надо.—Въ это мгновеніе ты безсмертна.

Оно пройдетъ — и ты снова щепотка пепла, женщина, дитя... Но что тебѣ за дѣло! — Въ это мгновенье — ты стала выше, ты стала внѣ всего преходящаго, временного.—Это *твое* мгновеніе не кончится никогда.

Стой! И дай мнѣ быть участникомъ твоего безсмертія, урони въ душу мою отблескъ твоей вѣчности!

Ноябрь, 1879.

Монахъ.

Я зналъ одного монаха, отшельника, святого. Онъ жилъ одною сладостью молитвы — и, упиваясь ею, такъ долго простаивалъ на холодномъ полу церкви, что ноги его, ниже колѣнъ, отекли и уподобились столбамъ. Онъ ихъ не чувствовалъ, стоялъ—и молился.

Я его понималъ — и, быть-можетъ, завидовалъ ему — но пускай же и онъ пойметь меня, и не осуждаетъ меня— меня, которому недоступны его радости.

Онъ добился того, что уничтожилъ себя, свое ненавистное *я*; но вѣдь и я—не молюсь, не изъ самолюбія.

Мое *я* мнѣ, можетъ-быть, еще тягостнѣе и противнѣе, чѣмъ его—ему.

Онъ нашелъ, въ чемъ забыть себя... да вѣдь и я нахожу, хоть и не такъ постоянно.

Онъ не лжетъ... да вѣдь и я не лгу.

Ноябрь, 1879.

Мы еще повоюемъ!

Какая ничтожная малость можетъ иногда перестроить всего человѣка!

Полный раздумья, шелъ я однажды по большой дорогѣ.

Тяжкія предчувствія стѣсняли мою грудь; унылость овладѣвала мною.

Я поднялъ голову... Предо мною, между двухъ рядовъ высокихъ тополей, стрѣлою уходила въ даль дорога.

И черезъ нее, черезъ эту самую дорогу, въ десяти шагахъ отъ меня, вся раззолоченная яркимъ лѣтнимъ солнцемъ, прыгала гуськомъ цѣлая семейка воробьевъ, прыгала бойко, забавно, самонадѣянно!

Особенно одинъ изъ нихъ такъ и надсаживалъ бочкомъ, бочкомъ, выпуча зобъ и дерзко чирикая, словно и чортъ ему не братъ! Завоеватель—и полно!

А между тѣмъ, высоко на небѣ кружилъ ястребъ, которому, быть-можетъ, суждено сожрать именно этого самаго завоевателя.

Я поглядѣлъ, разсмѣялся, встряхнулся — и грустныя

думы тотчасъ отлетѣли прочь: отвагу, удаль, охоту къ жизни почувствовалъ я.

И пускай надо мной кружитъ *мой* ястребъ...

— Мы еще повоюемъ, чортъ возьми!

Ноябрь, 1879.

Молитва.

О чемъ бы ни молился человѣкъ—онъ молится о чудѣ.— Всякая молитва сводится на слѣдующее: „Великій Боже, сдѣлай, чтобы дважды два—не было четыре“.

Только такая молитва и есть настоящая молитва отъ лица къ лицу. Молиться Всемірному Духу, Высшему Существу, кантовскому, гегелевскому, очищенному, безòбразному Богу—невозможно и немыслимо.

Но можетъ ли даже личный, живой, òбразный Богъ сдѣлать, чтобы дважды два—не было четыре?

Всякій вѣрующій обязанъ отвѣтить: *можетъ*—и обязанъ убѣдить самого себя въ этомъ.

Но если разумъ его возстанетъ противъ такой безсмыслицы?

Тутъ Шекспиръ придетъ ему на помощь: „Есть многое на свѣтѣ, другъ Гораціо...“ и т. д.

А если ему станутъ возражать во имя истины, — ему стòитъ повторить знаменитый вопросъ: „Чтò есть истина?“

И потому: станемъ пить и веселиться—и молиться.

Іюль, 1881.

Русскій языкъ.

Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины,—ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ!— Не будь тебя — какъ не впасть въ отчаяніе, при видѣ всего, чтò совершается дома? — Но нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!

Іюнь, 1882.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ПОЭМЫ.

ПАРАША.

(РАЗСКАЗЪ ВЪ СТИХАХЪ.)

И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно.
Лермонтовъ.

I.

Читатель, бью смиренно вамъ челомъ.
Смотрите: передъ вами лугъ просторный,
За лугомъ рѣчка, а за рѣчкой домъ,
Старинный домъ, нахмуренный и черный,
Раскрашенный приходскимъ маляромъ,
Широкій, низкій, съ крышей безобразной,
Подпёртой рядомъ жиденькихъ колоннъ...
Свидѣтель буйной жизни, лѣни праздной
Двухъ или трехъ помѣщичьихъ племёнъ.
За домомъ садъ: въ саду стоятъ рядами
Все яблони, покрытыя плодами...
Извѣстно: наши добрые отцы
Любили яблоки да огурцы.

II.

Не разберешь—гдѣ садъ, гдѣ огородъ?
Въ саду жъ былъ гротъ (невинная затѣя),
И съ каждымъ утромъ въ этотъ темный гротъ

(Я приступаю къ дѣлу не робѣя)
Она—предметъ и вздоховъ, и заботъ,
Предметъ стиховъ моихъ довольно смѣлыхъ—
Она являлась въ платьицѣ простомъ,
И съ книжкою въ немножко загорѣлыхъ,
Но милыхъ ручкахъ... На скамью потомъ
Она садилась... Помните Татьяну?
Но съ ней ее я сравнивать не стану;
Боюсь—рукой читатели махнутъ,
И этой сказки вовсе не прочтутъ.

III.

Но кто она? и кто ея отецъ?
Ея отецъ—помѣщикъ беззаботный;
Сперва служилъ, и долго; наконецъ
Въ отставку вышелъ и супругой плотной
Обзавелся; теперь большой дѣлецъ!
Живетъ въ ладу съ своими мужичками.
Онъ очень добръ и очень плутоватъ,
Торгуется и пьетъ чаекъ съ купцами.
Какъ водится, его супруга—кладъ;
О! сущій кладъ! и умница такая!
А женщина она была простая,
Съ лицомъ, весьма похожимъ на пирогъ;
Ее супругъ любилъ, какъ только могъ.

IV.

У нихъ одна лишь дочь была... Мы съ ней
Ужъ познакомились. Никто красоткой
Ее бъ не назвалъ—правда; но ей-ей—
(Ея два брата умерли чахоткой)
Я дѣвушки не видывалъ стройнѣй
Она была легка—ходила плавно;
Ея нога—прекрасная нога—
Всегда была обута такъ исправно;
Немножко велика была рука;
Но пальцы были тонки и прозрачны...
И даже я, чудакъ довольно мрачный,

На эту руку глядя—иногда
Хотѣлъ... Я заболтался, господа.

V.

Ея лицо мнѣ нравилось... Оно
Задумчивою грустію дышало;
Всегда казалось мнѣ: ей суждено
Страданій въ жизни испытать не мало...
И что жъ? мнѣ было больно и смѣшно;
Вѣдь въ наши дни спасительно страданье...
Она была такъ дѣтски весела—
Хотя и знала, что на испытанье
Она идетъ—но шла, спокойно шла...
Однажды я, съ невольною печалью,
Ее сравнилъ и съ бархатомъ, и съ сталью...
Но кто въ ея глаза взглянулъ хоть разъ—
Тотъ не забылъ ея волшебныхъ глазъ.

VI.

Взглядъ этихъ глазъ былъ мягокъ и могучъ,
Но не блестѣлъ онъ блескомъ торопливымъ;
То былъ онъ ясенъ, какъ весенній лучъ,
То холодомъ проникнутъ горделивымъ,
То чуть мерцалъ, какъ мѣсяцъ изъ-за тучъ.
Но взглядъ ея задумчиво-спокойный
Я больше всѣхъ любилъ: я видѣлъ въ немъ
Возможность страсти горестной и знойной,
Залогъ души, любимой Божествомъ,
Но, признаюсь, я говорилъ довольно
Объ этомъ взглядѣ: мнѣ подумать больно,
Что—можетъ-быть—читающій народъ
Все это неестественнымъ найдетъ.

VII.

Она въ деревнѣ выросла... А вы,
Читатель мой, слыхали вы навѣрно,
Что барышни уѣздныя—увы!
Бываютъ иногда смѣшны безмѣрно.
Несправедливость вѣтреной молвы

Извѣстна мнѣ; но сознаюсь съ смиреньемъ,
Что надъ моей степнячкой иногда
Вы бъ посмѣялись: надъ ея волненьемъ
Въ воскресный день—за завтракомъ, когда
Съѣзжались гости, надъ ея молчаньемъ
И вздохами, и робкимъ трепетаньемъ...
Но и она подчасъ бывала зла
И жалиться умѣла, какъ пчела.

VIII.

Я не люблю восторженныхъ дѣвицъ...
По деревнямъ встрѣчаешь ихъ нерѣдко;
Я не люблю ихъ толстыхъ, блѣдныхъ лицъ;
Иная же—помилуй Богъ—поэтка.
Всѣмъ восхищаются: и пѣньемъ птицъ,
Восходомъ солнца, небомъ и луною...
Охотницы до сладенькихъ стишковъ,
И любятъ пѣть и плакать; а весною
Украдкой ходятъ слушать соловьевъ.
Отчаянно всѣ влюблены въ природу...
Но барышня моя другого роду;
Она была насмѣшлива, горда,
А гордость—добродѣтель, господа.

IX.

Она читала жадно... и равно
Марлинскаго и Пушкина любила
(Я сознаюсь въ ея проступкахъ), но
Не восклицала: „Ахъ, какъ это мило!“
А любовалась молча.—Вамъ смѣшно?
Не вѣрите вы въ Русскую Словесность?
И я не вѣрю тоже, хоть у насъ
Весьма легко пріобрѣсти извѣстность...
Россійскіе стихи—россійскій квасъ
Одну и ту же участь раздѣляютъ:
Въ порядочныхъ домахъ ихъ не читаютъ,
А квасъ не пьютъ... Но благодаренъ я
Такимъ чтецамъ, какъ барышня моя.

X.

Для нихъ пишу... Но по̀лно. Каждый день—
Я вамъ сказалъ—она въ саду скиталась;
Она любила гордый шумъ и тѣнь
Старинныхъ липъ, и тихо погружалась
Въ отрадную, забывчивую лѣнь.
Такъ весело качалися березы,
Облитыя сверкающимъ лучомъ,
И по щекамъ ея катились слезы
Такъ медленно—Богъ вѣдаетъ о чемъ.
То̀, подойдя къ убогому забору,
Она стояла по часамъ... и взору
Тогда давала волю... Но глядитъ,
Бывало, все на блѣдный рядъ ракитъ.

XI.

Тамъ, черезъ ровный лугъ, отъ ихъ села
Верстахъ въ пяти, дорога шла большая,
И, какъ змѣя, свивалась и ползла
И, дальній лѣсъ украдкой огибая,
Ея всю душу за собой влекла.
Озарена какимъ-то блескомъ дивнымъ,
Земля чужая вдругъ являлась ей,
И кто-то милый голосомъ призывнымъ
Такъ чудно пѣлъ и говорилъ о ней.
Таинственной исполненные муки,
Надъ ней, звеня, носились эти звуки...
И вотъ, искалъ ея молящій взоръ
Другихъ небесъ—высокихъ, пышныхъ горъ...

XII.

И тополей, и трепетныхъ оливъ...
Искалъ земли плѣнительной и дальней;
Вдругъ русской пѣсни грустный переливъ
Напомнитъ ей о родинѣ печальной;
Она стоитъ, головку наклонивъ,
И надъ собой дивится, и съ улыбкой
Себя бранитъ; и медленно домой
Пойдетъ, вздохнувъ... то̀ сломитъ прутикъ гибкой,

То бросить вдругъ... разсѣянной рукой
Достанетъ книжку—развернетъ, закроетъ;
Любимый шепчетъ стихъ... а сердце ноетъ,
Лицо блѣднѣетъ... Въ этотъ чудный часъ
Я, признаюсь, хотѣлъ бы встрѣтить васъ.

XIII.

О, барышня моя, въ тѣни густой
Широкихъ липъ стоите вы безмолвно;
Вздыхаете; надъ вашей головой
Склонилась вѣтвь... а ваше сердце полно
Мучительной и грустной тишиной.
На васъ гляжу я: прелестью степною
Вы дышите—вы нашей Руси дочь...
Вы хороши, какъ вечеръ предъ грозою,
Какъ майская томительная ночь.—
Но—можетъ-быть—увы! воспоминаньемъ
Вновь увлеченъ, подробнымъ описаньемъ
Я надоѣлъ—и потому готовъ
Разсказъ мой продолжать безъ лишнихъ словъ.

XIV.

Моей красоткѣ было двадцать лѣтъ.
(Иной мнѣ скажетъ: устрицамъ въ апрѣлѣ,
Дѣвицамъ лѣтъ въ пятнадцать—самый цвѣтъ...
Но я не спорю съ нимъ объ этомъ дѣлѣ:
О разныхъ вкусахъ спорить—толку нѣтъ.)
Ее Прасковьей звали; имя это
Не хорошо... Но я—я назову
Ее Парашей... Осень, зиму, лѣто
Они въ деревнѣ жили, и въ Москву
Не ѣздили затѣмъ, что плохи годы,
Что съ каждымъ годомъ падаютъ доходы,
Да сверхъ того Параша—грѣхъ какой!—
Изволила смѣяться надъ Москвой.

XV.

Москва, Москва, о, матушка Москва!
Но я хвалить тебя не смѣю, право:

Я потерялъ бывалыя права...
Твои жъ сыны превспыльчиваго нрава,
И въ нихъ мои смиренныя слова
Возбудятъ ревность, даже опасенья.
И потому къ Парашѣ молодой,
О, матушка, прошу я снисхожденья...
А если, о, читатель дорогой,
Навѣянный пріятностью разсказа,
Отрадный сонъ закрылъ вамъ оба глаза,—
Проснитесь—и представьте себѣ день,
Прежаркій день... (Я посажу васъ въ тѣнь.)

XVI.

Прежаркій день... но вовсе не такой,
Какихъ видалъ я на далёкомъ югѣ...
Томительно-глубокой синевой
Всё небо пышетъ; какъ больной въ недугѣ,
Земля горитъ и сохнетъ; подъ скалой
Сверкаетъ море блескомъ нестерпимымъ—
И движется, и дышитъ, и молчитъ...
И всѣ цвѣта подъ тѣмъ неумолимымъ
Могучимъ солнцемъ рдѣютъ... дивный видъ!
А вотъ, зарывшись весь въ песокъ блестящій,
Рыбакъ лежитъ... и каждый проходящій
Любуется имъ съ завистью; я самъ
Имъ тоже любовался по часамъ.

XVII.

У насъ не то́. Хоть и у насъ не радъ
Бываешь жару... то̀чно—жаръ глубокой...
Гроза вдали сбирается... трещатъ
Кузнечики неистово въ высокой,
Сухой травѣ; въ тѣни сноповъ лежатъ
Жнецы; носы разинули вороны;
Грибами пахнетъ въ рощѣ; тамъ и сямъ
Собаки лаютъ; за водой студёной
Идетъ мужикъ съ кувшиномъ по кустамъ.
Тогда люблю ходить я въ лѣсъ дубовый,
Сидѣть въ тѣни спокойной и суровой,

Иль иногда подъ скромнымъ шалашомъ
Бесѣдовать съ разумнымъ мужичкомъ.

XVIII.

Въ такой-то день—Параша въ темный гротъ
(О немъ смотрите выше) шагъ за шагомъ
Пришла; предъ ней знакомый огородъ,
Знакомый прудъ; а дальше за оврагомъ
Знакомый лѣсъ на холмикѣ... Но вотъ,
Что показалось ей немного страннымъ:
Въ оврагѣ подъ кустомъ сидѣлъ одинъ
Охотникъ;—рѣзалъ хлѣбъ ножомъ карманнымъ;
Онъ—по всему замѣтно—господинъ,
Помѣщикъ; онъ въ перчаткахъ—и красиво
Одѣтъ... Вотъ онъ поѣлъ, потомъ лѣниво
Собаку кликнулъ, шапку снялъ, зѣвнулъ,
Раздвинулъ кустъ, улегся—и заснулъ.

XIX.

Заснулъ... Параша смотритъ на него,
И смотритъ, признаюсь, съ большимъ вниманьемъ;
Къ нимъ ѣздили сосѣди... но его
Лицо ей незнакомо; описаньемъ
Теперь мы не займемся оттого,
Что ужъ и такъ съ излишествомъ рѣчистъ я...
Онъ спитъ, а вѣтеръ шевелитъ
Его густые волосы, и листья
Надъ нимъ шушукаютъ... онъ сладко спитъ...
Параша смотритъ... онъ не дуренъ, пра̀во—
О чемъ же вдругъ такъ мило, такъ лукаво
Она смѣется? Я бъ отвѣтилъ, но
Мнѣ женскій смѣхъ постигнуть не дано.

XX.

И часъ прошелъ... и предвечерній зной
Внезапно началъ стынуть... ужъ и тѣни
Длиннѣе стали... Вотъ охотникъ мой
Проснулся, сталъ лѣниво на колѣни,
Надѣлъ небрежно шапку, головой

Тряхнулъ, хотѣлъ подняться... и остался...
Онъ увидалъ Парашу—о, друзья!
Глядѣлъ, глядѣлъ—съ смущеньемъ засмѣялся,
Вскочилъ, взглянулъ поспѣшно на себя,
Потомъ черезъ оврагъ легко и смѣло
Перебѣжалъ... Параша поблѣднѣла...
Но до забора онъ дошелъ и сталъ,
И съ вѣжливой улыбкой шапку снялъ.

XXI.

Она стояла, вспыхнувъ вся... и глазъ
Не подымая... Сильно и не ровно
Въ ней билось сердце.—„Умоляю васъ“,—
Такъ началъ онъ—и очень хладнокровно—
„Скажите мнѣ, теперь—который часъ?“
Сперва она немножко помолчала
И отвѣчала: „пятый“; а потомъ
Взглянула на него; но онъ, нимало
Не измѣнясь, спросилъ: „Чей это домъ?“
Потомъ весьма любезно извинился
Богъ знаетъ въ чемъ, и снова поклонился,
Но не ушелъ... Сказалъ, что онъ сосѣдъ,
И что съ ея отцомъ покойный дѣдъ

XXII.

Его былъ очень друженъ... что онъ радъ
Такой нежданной встрѣчѣ; понемногу
И двадцать разъ сказавши „виноватъ!“
(У насъ заборы плохи, слава Богу),
Черезъ заборъ онъ перебрался въ садъ.
Его лицо такъ мило улыбалось,
И карій глазъ такъ ласково сіялъ,
Что ей смѣшнымъ и страннымъ показалось
Дичиться... Онъ ей что-то разсказалъ,
Надъ чѣмъ она сперва довольно звонко,
Потомъ потише засмѣялась... Съ тонкой
Усмѣшкой посмотрѣлъ онъ ей въ глаза,
Потомъ ушелъ, пробормотавъ: „Comm'ça!“

XXIII.

И вслѣдъ она ему смотрѣла... Онъ
Черезъ плечо внезапно оглянулся,
Пожалъ плечьми—и словно пріученъ
Къ побѣдамъ—равнодушно улыбнулся.
И ей досадно стало... Громкій звонъ
Раздался въ домѣ... Чай готовъ... Небрежно
Она, вернувшись, разсказала все
Отцу... Онъ засмѣялся безмятежно,
Заговорилъ про старое житье,
Про дѣда... Но уѣздный засѣдатель,
Вдовецъ, Парашинъ древній обожатель,
Разгнѣвался и покраснѣлъ, какъ ракъ,
И объявилъ, что ихъ сосѣдъ—чудакъ.

XXIV.

А я бъ его не назвалъ чудакомъ...
Но мы объ немъ поговорить успѣемъ.
Параша сѣла молча подъ окномъ
И, подпершись рукой,—мы лгать не смѣемъ—
Все думала да думала о немъ.
Алѣетъ небо, надъ травой усталой
Поднялся паръ... Недвижны стали вдругъ
Верхушки липъ; свѣжѣетъ воздухъ вялый,
Темнѣетъ лѣсъ и оживаетъ лугъ.
Вечерній вѣтеръ вѣетъ такъ прохладно,
И ласточки летаютъ такъ отрадно...
На церкви крестъ зардѣлся, а рѣка
Такъ пышно отражаетъ облака...

XXV.

Люблю сидѣть я подъ окномъ моимъ,
(А въ комнатѣ шумятъ, смѣются дѣти),
Когда надъ лѣсомъ темно-голубымъ
Такъ ярко пышетъ небосклонъ... О, въ эти
Часы я тихъ и добръ, люблю, любимъ...
Но кто поймете, кто скажетъ, чѣмъ такъ чудно
Томилось сердце барышни моей?

Состарѣвшись, и тяжело, и трудно
Припоминать блаженство прежнихъ дней,
Тѣхъ дней, когда безъ всякаго усилья
Любовь, какъ птица, расширяетъ крылья,
И на душѣ такъ страстно, такъ свѣтло...
Но это все прошло, давно прошло.

XXVI.

Да, вы прошли и не вернетесь вновь
Часы молитвъ таинственныхъ и страстныхъ,
Безпечная, свободная любовь,
Порывы думъ, младенчески прекрасныхъ...
Все, все прошло, горитъ упорно кровь
Глухимъ огнемъ... А, помнится, бывало
Верхомъ я ѣду вечеромъ; гляжу
На облака, а вѣтръ, какъ опахало,
Въ лицо мнѣ тихо вѣетъ; я дышу
Такъ медленно, и, благодати полный,
Я ѣду, ѣду, блѣдный и безмолвный...
Но, впрочемъ, кто ребенкомъ не бывалъ
И не забылъ всего, что обожалъ?

XXVII.

Онъ обѣщалъ придти—твердитъ она...
И хочетъ, и не можетъ оторваться;
Но неужель Параша влюблена?
Не думаю, но не могу ручаться...
А вотъ и ночь: и вкралась тишина,
Какъ поцѣлуй томительно протяжный,
Во все земное... Спать пора, сосѣдъ!
Сказалъ отецъ, а мать съ улыбкой важной
Его зоветъ на завтрашній обѣдъ.
Параша въ садъ таинственный и темный
Пошла—и понемногу грусти томной
Вся предалась... Но онъ-то, что же онъ?
Я вамъ скажу—онъ вовсе не влюбленъ.

XXVIII.

Хотите ль знать, что онъ за человѣкъ?
Извольте: онъ богатъ, служилъ въ военной;

Чужимъ умомъ питался весь свой вѣкъ,
Но ловокъ былъ и вкрадчивъ. Изнуренный,
Скучающій, направилъ онъ свой бѣгъ
Въ чужія страны; съ грустною улыбкой
Вездѣ бродилъ, надменный и нѣмой;
Но умъ его, насмѣшливый и гибкой,
Изъ-за границы вынесъ цѣлый рой
Безплодныхъ словъ и множество сомнѣній,
Плоды лукавыхъ, робкихъ наблюденій...
Онъ надо всѣмъ смѣялся; но усталъ—
И надъ собой смѣяться пересталъ.

XXIX.

Мы за границу ѣздимъ—о, друзья!—
Какъ казаки въ походъ... Намъ все не въ диво;
Спѣшимъ, чужихъ презрительно браня,
Ихъ свѣдѣній набраться торопливо...
И вотъ твердимъ, безъ страсти, безъ огня,
Что и до насъ дошло—но что, быть-можетъ,
Среди бореній грозныхъ рождено—
Что тамъ людей мучительно встревожитъ,
Что тамъ погубитъ сердце не одно...
Не перейдя черезъ огонь страданья,
Мы не узнаемъ радостей познанья,
И наконецъ съ безсмысленной тоской
Пойдемъ и мы дорогой столбовой.

XXX.

Но къ дѣлу. Онъ, какъ я вамъ доложилъ,
Въ отставкѣ былъ. Пока онъ былъ на службѣ,
Онъ выѣзжалъ, гулялъ, плясалъ, шалилъ,
Пріятелей обыгрывалъ—по дружбѣ—
И былъ—какъ говорится—очень милъ.
Онъ былъ любезенъ, влюбчивъ, но спокоенъ
И горделивъ... а потому любимъ;
И многихъ женщинъ былъ онъ недостоинъ,
Обманутыхъ и позабытыхъ имъ.
Онъ веселъ былъ, но веселъ безотрадно;
Надъ чудакомъ смѣялся безпощадно,

Но въ обществѣ не славился умомъ
И не былъ „замѣчательнымъ лицомъ“.

XXXI.

А между тѣмъ его любили... Онъ
Плѣнялъ людей безпечностью свободной,
И былъ хорошъ собой и одаренъ
Душой самолюбивой и холодной.
Онъ, я сказалъ, не очень былъ уменъ,
Но всѣмъ ему дарованнымъ отъ Бога
Владѣлъ вполнѣ... и презиралъ людей...
А потому имѣлъ довольно много
„Испытанныхъ и преданныхъ“ друзей.
Онъ съ ними вмѣстѣ надъ толпой смѣялся
(И отъ толпы съ презрѣніемъ отчуждался),
И думали всѣ эти господа,
Что кромѣ нихъ—все вздоръ и суета.

XXXII.

Онъ все бранилъ отъ скуки—тàкъ!..
Не предаваясь злобѣ слишкомъ дѣтской.
Скажу вамъ, въ бѣсы мѣтилъ мой острякъ;
Но русскій бѣсъ не тò, что чортъ нѣмецкой.
Нѣмецкій чортъ—задумчивый чудакъ
Смѣшонъ и страшенъ; нашъ же бѣсъ природный
Россійскій бѣсъ—и толстъ, и простоватъ,
Наружности отмѣнно благородной,
И ужъ куда̀ какой аристократъ!
Не удивляйтесь: мой пріятель тоже
Былъ очень друженъ не съ однимъ вельможей,
И падалъ въ прахъ съ смѣющимся лицомъ
Предъ золотымъ тельцомъ—или быкомъ.

XXXIII.

Вамъ гадко... Но, читатель добрый мой,
Увы! и я люблю большого свѣта
Спокойный блескъ, и съ радостью смѣшной
Любуюсь гордымъ холодомъ привѣта—
Всей этой жизнью звонкой и пустой.

На этотъ міръ гляжу я безъ желанья,
Но первый самъ я хохотать готовъ
Надъ жаромъ ложнаго негодованья
Непризнанныхъ, безхвостыхъ „львицъ и львовъ!“
Да сверхъ того вся пишущая братья
На „свѣтъ и роскошь“ сыпала проклятья...
А потому см. творенья ихъ;
А я сегодня—что̀-то очень тихъ.

XXXIV.

Люблю я пышныхъ комнатъ стройный рядъ
И блескъ, и прихоть роскоши старинной...
А женщины... люблю я этотъ взглядъ
Разсѣянный, насмѣшливый и длинный;
Люблю простой, обдуманный нарядъ...
Я этихъ губъ люблю надменный очеркъ,
Задумчиво приподнятую бровь;
Душистыя записки, быстрый почеркъ,
Душистую и быструю любовь!
Люблю я эту поступь, эти плечи,
Небрежныя, заманчивыя рѣчи...
Узнали ль вы, друзья, скажите мнѣ,
Съ кого портретъ писалъ я въ тишинѣ?

XXXV.

„Но“, скажутъ мнѣ: „внѣ свѣта никогда
Вы не встрѣчали женщиной прекрасной?“
Такихъ особъ встрѣчалъ я иногда
И даже въ двухъ влюбился очень страстно;
Какъ полевой цвѣтокъ, онѣ всегда
Такъ милы, но, какъ онъ, свой легкій запахъ
Онѣ теряютъ вдругъ... И, Боже мой,
Какъ не завянуть имъ въ неловкихъ лапахъ
Чиновника, довольнаго собой?
Но сознаюсь, и сознаюсь съ смущеньемъ,
Я заболтался вновь—и съ наслажденьемъ
Къ моей Парашѣ я спѣшу—спѣшу
И вотъ ее въ гостиной нахожу.

XXXVI.

Она сидитъ близъ матери... На ней
Простое платье; но мы замѣчаемъ
За поясомъ цвѣтокъ. Она блѣднѣй
Вчерашняго, взволнована. За чаемъ
Хлопочетъ няня; батюшка моей
Параши новый фракъ надѣлъ; къ окошку
Подходитъ часто: нѣтъ, не ѣдетъ гость!
А обѣщалъ... и что же? понемножку
Её берётъ дѣвическая злость...
Ея прическа такъ мила, перчатки
Такъ свѣжи, видно всѣ мои догадки
Не ложны... „Что́, мой другъ, ты такъ грустна?“
Спросила мать—и вздрогнула она.

XXXVII.

И слабо улыбнулась... и идетъ
Къ окну; садится медленно за пяльцы;
И головы не подымая шьетъ,
Но что́-то часто колетъ себѣ пальцы.
И думаетъ: „Ну что жъ? онъ не придетъ...“
Отъ тонкой шеи, слабо наклоненной,
Такъ гордо отдѣлялася коса...
Ея глаза, читатель мой почтенный,
Я не могу вамъ описать глаза
Моей слегка взволнованной дѣвицы—
Ихъ закрывали длинныя рѣсницы...
Я на нее глядѣлъ бы цѣлый вѣкъ;
А онъ не ѣдетъ—глупый человѣкъ!—

XXXVIII.

Но вдругъ раздался топотъ у крыльца
И входитъ „онъ.“ „На-силу! какъ мы рады!“
Онъ трижды щеки пухлыя отца
Облобызалъ... потомъ, приличья ради,
Къ хозяйкѣ къ ручкѣ подошелъ... Съ чепца
До башмаковъ ее окинулъ взглядомъ
И быстро усмѣхнулся, а потомъ

Парашѣ низко поклонился, рядомъ
Съ ней сѣлъ и началъ рѣчь о томъ, о сёмъ..
Внимательно старинные разсказы
Хозяевъ слушалъ; три-четыре фразы
Съ привѣтливой улыбкой отпустилъ—
И стариковъ „плѣнилъ и восхитилъ“.

XXXIX.

Съ Парашей онъ ни слова... На нее
Не смотритъ онъ, но всѣ его движенья,
Звукъ голоса, улыбка—дышитъ все
Сознаніемъ внезаннаго сближенья...
Какъ нѣженъ онъ! Какъ онъ щадитъ ее!
Какъ онъ томится тайнымъ ожиданьемъ..
Ей стало легче; молча на него
Она глядитъ съ задумчивымъ вниманьемъ,
Не понимая сердца своего...
И этотъ взглядъ,—и женскій, и ребячій,—
Почувствовалъ онъ на щекѣ горячей,
И, предаваясь дивной тишинѣ,
Онъ наслаждался страстно и вполнѣ.

XL.

Не нравится онъ вамъ, читатель мой...
Но въ этотъ мигъ онъ былъ любимъ не дàромъ:
Онъ былъ проникнутъ мирной простотой,
Онъ весь пылалъ святымъ и чистымъ жаромъ,
Онъ покорялся весь душѣ другой.
Онъ былъ любимъ—какъ скоро! Но, быть-можетъ,
Я на свою Парашу клевещу...
Скажите—ваша память мнѣ поможетъ—
Какъ мнѣ назвать ту страстную тоску,
Ту грустную, невольную тревогу,
Которая беретъ васъ понемногу...
Къ чему намъ лицемѣрить—о, друзья!—
Ее любовью называю я.

XLI.

Но эта искра часто гаснетъ... да;
И вспыхнувши горитъ довольно странно,

И смертныхъ восхищаетъ не всегда.
Я выражаюсь нѣсколько туманно...
Но весело должно-быть, господа,
Разгаръ любви слѣдить въ душѣ прекрасной,
Подслушать вздохъ, задумчивую рѣчь,
Подмѣтить взглядъ довѣрчивый и ясный,
Былое сбросить все, какъ ношу съ плечъ...
Случайности предаться безъ возврата
И чувствовать, что жизнь полна, богата,
И что способность празднаго ума
Смѣяться надо всѣмъ—смѣшна сама.

XLII.

И такъ они сидѣли рядомъ... Съ ней
Заговорилъ онъ... Странень, но понятенъ
Парашѣ смыслъ уклончивыхъ рѣчей...
Она его боится, но пріятенъ
Ей этотъ страхъ, и робости своей
Она едва ль не радуется тайно.
Шутя, скользитъ небрежный разговоръ;
И вдругъ глаза ихъ встрѣтились случайно—
Она не тотчасъ опустила взоръ...
И встала, безъ причины приласкалась
Къ отцу... Ласкаясь, тихо улыбалась,
И, говоря о немъ, сказала: „онъ“...
Читатель—я, признайтесь, я смѣшонъ.

XLIII.

А между тѣмъ ночь наступаетъ... Въ рядъ
Вдали ложатся тучи. Ровной мглою
Наполненъ воздухъ... Липы чуть шумятъ,
И яблони надъ темною травою,
Раскинувъ вѣтки, высятся и спятъ.
Лишь изрѣдка промчится легкій трепетъ
Въ березахъ; тамъ за рѣчкой соловей
Поетъ себѣ—и слышенъ долгій лепетъ,
Немолчный шопотъ дремлющихъ степей.
И въ комнату, какъ вздохъ земли безсонной,
Влетаетъ робко вѣтеръ благовонный—

И манитъ въ садъ, и въ поле, и въ лѣса,
Подъ вѣчныя, святыя небеса...

XLIV.

Я помню самъ старинный, грустный садъ,
Спокойный прудъ, широкій, молчаливый...
Я помню: волны мелкія дрожатъ
У берега въ тѣни плакучей ивы;
Я помнѣ—много лѣтъ тому назадъ—
Я въ томъ саду хожу въ травѣ высокой
(Дорожки всѣ травою поросли),
Заря такъ дивно рдѣетъ... блескъ глубокой
Раскинулся отъ неба до земли...
Хожу, брожу задумчивый, усталый,
О женщинѣ мечтаю небывалой...
И о прогулкѣ поздней и нѣмой—
И это все сбылось, о, Боже мой!

XLV.

„А не хотите ль въ садъ?“ сказалъ старикъ—
„А? Викторъ Алексѣичъ!—вмѣстѣ съ нами?
Садъ у меня простенекъ, но великъ;
Дорожки есть и клумбочки съ цвѣтами“.
Они пошли... Вечерній, громкій крикъ
Коростелей ихъ встрѣтилъ; лугъ огромный
Бѣлѣлъ вдали. Недвижныхъ тучъ гряда
Раскинулась надъ нимъ; сквозь пологъ темный
Широкихъ липъ украдкою звѣзда
Блеснетъ и скроется. И по аллеѣ
Идутъ они: одна чета скорѣе,
Другая тише, тише все... и вдругъ
Съ супругой добродѣтельный супругъ

XLVI.

Отсталъ... О хитрость сельская! Межъ тѣмъ
Параша съ нимъ идетъ не слишкомъ скоро...
Ея душа спокойна—не совсѣмъ;
А онъ не начинаетъ разговора
И рядомъ съ ней идетъ, смущенъ и нѣмъ.

Боится онъ внезапныхъ объясненій,
Чувствительныхъ порывовъ... Иногда
Онъ допускалъ возможность исключеній,
Но въ пошлость вѣрилъ твердо и всегда.
И, признаюсь, онъ ошибался рѣдко
И обо всемъ судилъ довольно мѣтко...
Но міръ „*другой*“ ему былъ незнакомъ,
И онъ—злодѣй!—не сожалѣлъ о немъ.

XLVII.

„Помилуйте—давно ль вашъ Викторъ былъ
И тронутъ, и встревоженъ, и такъ далѣ?“
Пріятель мой—я вамъ сказать забылъ—
Клялся въ любви единственно на балѣ,
И только тѣмъ, которыхъ не любилъ.
Когда же самъ любовной лихорадки
Начальный жаръ въ себѣ онъ признавалъ,
Его терзали, мучили догадки,
Свою любовь, какъ кладъ, онъ зарывалъ,
И съ чувствами своими, какъ художникъ,
Любилъ одинъ возиться мой безбожникъ...
И вдругъ—съ уѣздной барышней въ саду...
Едва ль ему отраднѣй, чѣмъ въ аду.

XLVIII.

Но постепенно таетъ онъ... Хотя
Почтенные родители некстати
Отстали, но она—она дитя;
На этомъ тихомъ личикѣ печати
Лукавства нѣтъ; и вотъ—какъ бы шутя,
Ея онъ руку взялъ... и понемногу
Предался вновь пріятной тишинѣ...
И думаетъ съ отрадой: „Слава Богу,
„До осени въ деревнѣ будетъ мнѣ
„Не скучно жить, а тамъ... Но я взволнованъ
„Я, кажется, влюбленъ и очарованъ!“
Опять влюбленъ? Но почему жъ?—Сейчасъ,
Друзья мои, я успокою васъ.

XLIX.

Во-первыхъ: ночь прекрасная была,
Ночь лѣтняя, спокойная, нѣмая;
Не свѣтила луна, хоть и взошла;
Рѣка, во тьмѣ таинственно сверкая,
Текла вдали. Дорожка къ ней вела;
А листья въ вышинѣ толпой незримой
Лепечутъ; вотъ они сошли въ оврагъ,
И, словно ихъ движеніемъ гонимый,
Предъ ними разступался мягкій мракъ...
Противиться не могъ онъ обаянью—
Онъ волю далъ безпечному мечтанью,
И улыбался мирно, и вздыхалъ...
А свѣжій вѣтръ въ глаза ихъ лобызалъ.

L.

А во-вторыхъ: Параша не молчитъ
И не вздыхаетъ съ приторной ужимкой;
Но говоритъ и просто говоритъ.
Она такъ мило движется; какъ дымкой,
Прозрачной тѣнью трепетно облитъ
Ея высокій станъ... Онъ отдыхаетъ;
Ужъ онъ и радъ, что съ ней они вдвоемъ.
Заговорилъ... А сердце въ ней пылаетъ
Невѣдомымъ, томительнымъ огнемъ.
Ихъ—запахомъ встрѣчаетъ кустъ незримый,
И, словно тоже страстію томимый,
Вдали, вдали—на рубежѣ степей
Грѣмитъ, поетъ и плачетъ соловей.

LI.

И, можетъ-быть, онъ началъ понимать
Всю прелесть первыхъ трепетныхъ движеній
Ея души... и сталъ въ немъ утихать
Крикливый рой смѣшныхъ предубѣжденій.
Но ей одной доступна благодать
Любви простой, и дѣтской, и стыдливой..
Нѣтъ! о любви не думаетъ она,

Но, какъ листокъ блестящій и счастливый,
Ее несетъ широкая волна...
Все—въ этотъ мигъ—кругомъ ей улыбалось,
Надъ ней одной все небо наклонялось,
И, колыхаясь медленно, трава
Ей вслѣдъ шептала милыя слова...

LII.

Они все шли, да шли... Пріятель мой
Парашей любовался молчаливо;
Она вся расцвѣтала, какъ весной
Земля цвѣтетъ, и страстно, и лѣниво
Подъ теплою, обильною росой.
Облитое холодной, влажной мглою
Ея лицо горитъ... И понялъ онъ,
Что будетъ онъ владѣть ея душою,
Что онъ любимъ, что самъ онъ увлеченъ.
Она молчитъ—подобное молчанье
Имѣетъ всѣмъ извѣстное названье...
И онъ склонился—и ея рука
Подъ поцѣлуемъ вспыхнула слегка.

LIII.

Читайте дальше, дальше, господа!
Не бойтесь: я писатель благонравный.
Шалилъ мой другъ въ бывалые года,
Но былъ всегда онъ малый „честный, славный“
И не вкушалъ незрѣлаго плода.
Притомъ онъ самъ былъ тронутъ: да, признаться,
Онъ постарѣлъ—усталъ; не въ первый разъ
Себѣ давалъ онъ слово не влюбляться
Безъ цѣли... Иногда въ свободный часъ
Мечталъ онъ о законномъ, мирномъ бракѣ...
Но между тѣмъ онъ чувствуетъ: во мракѣ
Параша вся дрожитъ... и мой герой
Сказалъ ей: „не вернуться ль намъ домой?“—

LIV.

Они пошли домой; но—признаюсь—
Они пошли дорогой самой длинной...

И говорили много... Я стыжусь
Пересказать ихъ разговоръ невинный
И вовсе не чувствительный, клянусь.
Она болтала съ нимъ, какъ съ старымъ другомъ,
Но голосъ бѣдной дѣвушки слегка
Звенѣлъ едва исчезнувшимъ испугомъ,
Слегка дрожала жаркая рука...
Все кончено: она ему ввѣрялась,
Сближенію стыдливо предавалась...
Такъ въ рѣчку ножку робкую дитя
Заноситъ, сукъ надежный ухватя.

LV.

И наконецъ они пришли домой.
За ужиномъ весьма краснорѣчиво
И съ чувствомъ говорилъ пріятель мой.
Старикъ глядитъ на гостя, какъ на диво;
Параша тихо подперлась рукой
И слушаетъ. Но полночь бьетъ; готова
Его коляска; онъ встаетъ; отецъ
Его цѣлуетъ нѣжно, какъ родного;
Хозяйка чуть не плачетъ... Наконецъ
Уѣхалъ онъ; но въ самый мигъ прощанья
Онъ ей шепнулъ съ улыбкой: „до свиданья“,
И, уходя совсѣмъ, изъ-за дверей
Онъ долгимъ взглядомъ помѣнялся съ ней.

LVI.

Онъ ѣдетъ; тихо все... глухая ночь;
Передъ коляской скачетъ провожатый.
И шепчетъ онъ: „Я радъ сосѣдямъ... дочь
У нихъ одна; онъ человѣкъ богатый...
Притомъ она мила“... Онъ гонитъ прочь
Другія, неумѣстныя мечтанья,
Отзвучія давно минувшихъ дней...
Не чувствуя ни страха, ни желанья,
Она ходила въ комнаткѣ своей;
Ея душа нѣмѣла; ей казалось,
Что въ этотъ мигъ какъ-будто измѣнялось

Все прежнее—вся жизнь ея. И сонъ
Ее застигъ; во снѣ явился—онъ.

LVII.

Онъ... грустно мнѣ; туманятся слезой
Мои глаза... Гляжу я: у окошка
Она сидитъ на креслахъ; головой
Склонилась на подушку; съ плечъ немножко
Спустилася косынка... Золотой
И легкій локонъ вьется боязливо
По блѣдному лицу; а на губахъ
Улыбка расцвѣтаетъ молчаливо.
Луна глядитъ въ окно... Невольный страхъ
Меня томитъ; мнѣ слышится: надъ спящей,
Какъ колокольчикъ звонкій и дрожащій,
Раздался смѣхъ... и кто-то говоритъ...
И голосокъ насмѣшливо звенитъ:

„Въ теплый вечеръ, въ ульяхъ чистыхъ
Зрѣютъ свѣтлые соты;
Въ теплый вечеръ, липъ душистыхъ
Раскрываются цвѣты;
И когда по нимъ слезами
Потечетъ прозрачный медъ—
Вьется жадно надъ цвѣтами
Пчелъ ликующій народъ...
Наклоняя сладострастно
Свой усталый стебелекъ,
Гостя милаго напрасно
Ни одинъ не ждетъ цвѣтокъ.
Такъ и ты цвѣла стыдливо,
И въ тебѣ, дитя мое,
Созрѣвало прихотливо
Сердце страстное твое...
И теперь въ красѣ расцвѣта,
Обаянія полна,
Ты стоишь подъ солнцемъ лѣта,
Одинока и пышна.
Такъ склонись же, стебель стройный,

Такъ раскройся жъ, мой цвѣтокъ;
Прилетѣлъ женихъ достойный—
Въ твой забытый уголокъ!“—

LVIII.

Но, впрочемъ, это кончиться ничѣмъ
Могло... Онъ могъ уѣхать, и сосѣдку,
Прогулку и любовь—забыть совсѣмъ,
Какъ забываешь брошенную вѣтку.
Да и она, едва ль... Но, между тѣмъ,
Какъ по̀ саду они вдвоемъ скитались,
Что̀, если бъ онъ, кого всѣ знаемъ мы,
Кого мы въ дѣтствѣ—помнится—боялись,
Пока у насъ не развились умы,
Что̀, если бъ бѣсъ печальный и могучій
Надъ садомъ тѣмъ, на лонѣ мрачной тучи
Пронесся—и надъ любящей четой
Поникъ бы вдругъ угрюмой головой?

LIX.

Что бъ онъ сказалъ? Онъ видывалъ не разъ,
Какъ Донъ-Жуанъ какой-нибудь лукаво
Невинный женскій умъ, въ удобный часъ,
Опутывалъ и увлекалъ... и право—
Не тѣшился онъ зрѣлищемъ проказъ,
Извѣстныхъ до временъ столпотворенья...
Лишь иногда съ досадой знатока
Онъ осуждалъ его распоряженья,
Давалъ совѣты изрѣдка, слегка;
Но все жъ надъ ней одной онъ могъ смѣяться...
А въ этотъ разъ онъ сталъ бы забавляться
Вполнѣ и надъ обоими. Друзья,
Вы—кажется—не поняли меня?

LX.

Мой Викторъ не былъ Донъ-Жуаномъ. Ей
Не предстояли грозныя волненья.
„Тѣмъ лучше“, скажутъ мнѣ—„разгаръ страстей
„Опасенъ“... Точно; лучше, безъ сомнѣнья,

Спокойно жить и приживать дѣтей
И не давать, особенно въ началѣ,
Щекамъ пылать... склоняться головѣ...
А сердцу забываться—и такъ далѣ.
Не правда ль? Общепринятой молвѣ
Я покоряюсь молча... Поздравляю
Парашу—и судьбѣ ее вручаю—
Подобной жизнью будетъ жить она;
А кажется хохочетъ сатана...

LXI.

Мой Викторъ пересталъ любить давно...
Въ немъ сызмала горѣли страсти скупо;
Но, впрочемъ, тѣмъ же свѣтомъ рѣшено,
Что по любви жениться—даже глупо.
И вотъ въ кого ей было суждено
Влюбиться... Что жъ? онъ человѣкъ прекрасный,
И, какъ умѣетъ, самъ влюбленъ въ нее;
Ея души задумчивой и страстной
Сбылись надежды всѣ... сбылося все,
Чему она дать имя не умѣла,
О чемъ молиться смѣла и не смѣла...
Сбылося все... и оба влюблены...
Но все жъ мнѣ слышенъ хохотъ сатаны.

LXII.

Друзья! я вижу бѣса... На заборъ
Онъ оперся—и смотритъ; за четою
Насмѣшливо слѣдитъ угрюмый взоръ.
И слышно: вдалекѣ, лихой грозою
Растерзанный, печально воетъ боръ...
Моя душа трепещетъ поневолѣ;
Мнѣ кажется, онъ смотритъ не на нихъ—
Россія вся раскинулась, какъ поле,
Передъ его глазами въ этотъ мигъ...
И какъ блестятъ надъ тучами зарницы,
Сверкаютъ злобно яркія зѣницы;
И страшная улыбка проползла
Медлительно вдоль губъ владыки зла.

. . . . . .
. . . . . .

LXIII.

Я долго былъ въ отсутствіи; и вотъ,
Лѣтъ черезъ пять я встрѣтилъ ихъ, о, други!
Онъ былъ женатъ на ней четвертый годъ
И какъ-то странно потолстѣлъ. Супруги
Мнѣ были рады оба. Мой приходъ
Напомнилъ ей о прежнемъ—и сначала
Ее встревожилъ нѣсколько... Она
Поплакала; ей даже грустно стало,
Но грусть замужней женщины смѣшна.
Какъ ручеекъ извилистый, но плавный,
Катилась жизнь Прасковьи Николавны;
И даже мужъ, я вамъ не все сказалъ,
Ее весьма любилъ и уважалъ.

LXIV.

Сперва онъ тѣшился надъ ней; потомъ
Привыкъ къ нимъ ѣздить; наконецъ—женился;
Увидѣвъ дочь подъ свадебнымъ вѣнцомъ,
Старикъ-отецъ умильно прослезился
И молодымъ построилъ славный домъ,
Обширный, по старинному удобно
Расположенный... О, друзья мои,
Повѣрьте: въ жизни все правдоподобно...
Вы, можетъ-быть, мнѣ скажете: любви,
Ея любви не стоилъ онъ... Кто знаетъ?
Друзья, пускай другой вамъ отвѣчаетъ;
Пора мнѣ кончить; много я болталъ
И вамъ я надоѣлъ, и самъ усталъ.

LXV.

Но—Боже! то ли думалъ я, когда,
Исполненный нѣмого обожанья,
Ея душѣ я предрекалъ года
Святого благодатнаго страданья!

Съ надеждами разставшись навсегда,
Свыкался я съ суровымъ отчужденьемъ,
Но въ ней ласкалъ послѣднюю мечту
И на нее съ таинственнымъ волненьемъ
Глядѣлъ, какъ на любимую звѣзду...
И что жъ? я былъ обманутъ такъ невинно,
Такъ просто, такъ естественно, такъ чинно,
Что въ истинѣ своихъ желаній я
Сталъ сомнѣваться, милые друзья.

LXVI.

И вотъ, что́ ей сулили ночи той,
Той лѣтней ночи страстныя мгновенья,
Когда съ такой тревожной быстротой
Въ ея душѣ смѣнялись вдохновенья...
Прощай, Параша! Время на покой;
Перо къ концу спѣшитъ нетерпѣливо...
Что жъ мнѣ сказать о ней? Признаться вамъ,
Ее никто не назоветъ счастливой
Вполнѣ... Она вздыхаетъ по часамъ
И въ памяти хранитъ, какъ совершенство,
Невинности нелѣпое блаженство!
Я скоро съ ней разстался... и едва ль
Ее увижу вновь... Ее мнѣ жаль.

LXVII.

Мнѣ жаль ее... Быть-можетъ, если бъ рокъ
Ее повелъ другой—другой дорогой...
Но рокъ, такъ всѣми принято, жестокъ;
А потому и поступаетъ строго.
Припомнивъ взглядъ любимый, я бы могъ,
Я бы хотѣлъ сказать, чѣмъ разставаясь
Съ Парашей вся душа томится... Но—
На серебристомъ снѣгѣ разгораясь,
Блестятъ лучи; скрипитъ морозъ; давно
Пора на свѣжій воздухъ, на свободу...
И потому я кланяюсь народу
Читателей—спимаю свой колпакъ
Почтительно—и выражаюсь такъ:

LXVIII.

„Читатель мой, прощайте! Мой разсказъ
Васъ усыпилъ иль разсмѣшилъ—не знаю;
Но я, хоть вижусь съ вами въ первый разъ,
Дальнѣйшаго знакомства не желаю...
Все оттого, что уважаю васъ.
Свои ошибки вижу я: ихъ много;
Но вы добры, я слышалъ, и меня
По глупости, простите, ради Бога!“
А вы, мои любезные друзья,
Не удивляйтесь: страстію несчастной
Съ ребячьихъ лѣтъ страдалъ вашъ другъ прекрасной...
Писалъ стихи... мнѣ стыдно; такъ и быть!
Прошу васъ эти бредни позабыть!—

LXIX.

А если кто разсказъ небрежный мой
Прочтетъ—и вдругъ, задумавшись невольно,
На мигъ одинъ поникнетъ головой
И скажетъ мнѣ спасибо: мнѣ довольно...
Тому давно---стоялъ я надъ кормой,
И плыли мы вдоль города чужого;
Я былъ одинъ на палубѣ... Волна
Вздымала насъ и опускала снова...
И вдругъ мнѣ кто-то машетъ изъ окна,
Кто онъ, когда и гдѣ мы съ нимъ видались,
Не могъ я вспомнить... быстро мы промчались—
Ему въ отвѣтъ и я махнулъ рукой—
И городъ тихо скрылся за горой.

РАЗГОВОРЪ.

Посвящено

* . . . . . * . . . . . * . . . . .

Одинъ, передъ нѣмымъ и сумрачнымъ дворцомъ
Бродилъ я вечеромъ, исполненный раздумья;
Блестящій міръ утихъ; дремало все кругомъ—
И замеръ громкій смѣхъ веселаго безумья.
Среди таинственной, великой тишины
Березы гибкія шептали боязливо,
И каменные львы глядѣлись молчаливо
Въ стальное зеркало темнѣющей волны.

И спящій міръ дышалъ безсмертной красотой...
Но глазъ не подымалъ и проходилъ я мимо;
О жизни думалъ я, объ Истинѣ святой,
О всемъ, что на землѣ навѣкъ неразрѣшимо.
Я небо вопрошалъ... и тяжко было мнѣ—
И вся душа моя пресытилась тоскою...
А звѣзды вѣчныя спокойной чередою *)
Торжественно неслись въ туманной вышинѣ.

Іюль 1844.

---

*) Варіантъ въ рукописи:
А звѣзды вѣчныя высоко надъ землею
Торжественно неслись въ надменной тишинѣ.

I.

Въ пещерѣ мрачной и сырой
Отшельникъ блѣдный и худой
Молился. Дряхлой головой
Онъ наклонялся до земли,
И слезы медленно текли
По сморщеннымъ его щекамъ,
Текли по трепетнымъ губамъ
На руки сжатыя крестомъ.
Таилась въ голосѣ глухомъ
Полуживого старика
Непобѣжденная тоска...
Тотъ голосъ... Много золъ и мукъ
Смягчили прежній, гордый звукъ...
И послѣ многихъ тайныхъ битвъ,
И послѣ многихъ горькихъ слезъ,
Слова смиренныя молитвъ
Онъ, изнывая, произнесъ.
Бывало—пламенная рѣчь
Звенѣла, какъ булатный мечъ,
Гремѣла какъ набатъ, когда
Во дни покорности, стыда
Упругой мѣди тяжкій ревъ
Въ народѣ будитъ ярый гнѣвъ,
И мчатся граждане толпой
На грозный, на послѣдній бой.
Теперь же—съ блѣдныхъ губъ—едва
Беззвучно падаютъ слова,
Какъ поздней осенью съ вершинъ
Нагихъ и трепетныхъ осинъ
На землю грустной чередой
Ложится листьевъ легкій рой.

II.

И всталъ старикъ...
Кончался день;
Темнѣла даль; густѣла тѣнь;
И вотъ насталъ волшебный мигъ,

Когда прозраченъ, чистъ и тихъ
Вечерній воздухъ... Ночь близка...
Заря пылаетъ... Облака
Блестятъ и таютъ... Спитъ рѣка...
И смутный говоръ мелкихъ волнъ
Невыразимой нѣги полнъ,
И такъ торжественны лѣса,
Такъ безконечны небеса...

III.

И долго—блѣдный, какъ мертвецъ,
Стоялъ пустынникъ... Наконецъ *)
Онъ вышелъ медленно на свѣтъ.
И словно дружескій привѣтъ,
Знакомый, любящій, родной,
Въ вершинѣ липы молодой
Внезапно перелетный шумъ
Промчался... Сумраченъ, угрюмъ,
Стоялъ старикъ... Но такъ свѣтло
Струилась рѣчка, такъ тепло
Коснулся мягкій вѣтерокъ
Его волосъ, и такъ глубокъ,
И звучно-тихъ, и золотистъ
Былъ пышный лѣсъ, и каждый листъ
Сверкалъ такъ радостно, что вдругъ
Въ безумцѣ замеръ злой недугъ—
И озарилися слегка
Нѣмыя губы старика,
Подъ длинной, бѣлой бородой,
Улыбкой грустной, но живой.

IV.

Но вотъ раздался шумъ шаговъ...
И быстро вышелъ изъ кустовъ
Нежданый гость. Онъ иногда
Съ отшельникомъ—по вечерамъ—
Сходился въ прежніе года...

---

*) Вздохнулъ задумчиво монахъ...
И четки стиснувши въ рукахъ,

Его задумчивымъ рѣчамъ
Онъ съ дѣтской жадностью внималъ...
Съ тѣхъ поръ онъ выросъ, возмужалъ
И началъ жить... Прошли, какъ сонъ,
За днями дни, за годомъ годъ...
Завяла жизнь... И вспомнилъ онъ
Тѣ встрѣчи, молодость, и вотъ,
Стоитъ онъ съ пасмурнымъ лицомъ
Предъ изумленнымъ старикомъ.

V.

И назвалъ онъ себя... Узналъ
Его пустынникъ; быстро всталъ,
Далъ гостю руку. Та рука
Дрожала... голосъ старика
Погасъ... Но странникъ молодой
Поникъ печально головой,
Пожалъ болѣзненно плечомъ
И тихо вздрогнулъ... и потомъ
Взглянулъ медлительно кругомъ,
И говорили взоры тѣ
О безотрадной пустотѣ
Души, погибшей, какъ и всѣ:
Во всей, какъ водится, красѣ.

VI.

Но понемногу въ разговоръ
Они вступили... Между тѣмъ
Настала ночь. Высокій боръ
И спитъ, и шепчетъ. Чутокъ—нѣмъ
Холодный мракъ... Окружена
Туманомъ дымчатымъ луна.
Старикъ, поникнувъ на ладонь,
Сидѣлъ угрюмый, безъ рѣчей... *)
Лишь иногда сверкалъ огонь
Изъ подъ густыхъ его бровей.
Казалось—онъ негодовалъ...
Онъ такъ презрительно молчалъ,

*) Въ рукописи есть лишній стихъ: Въ его потупленныхъ глазахъ.

И не сходила до конца
Съ его печальнаго лица
Усмѣшка злая...
Говорилъ
Пришлецъ о томъ, какъ онъ любилъ,
И какъ страдалъ, и какъ давно
Ему томиться суждено...
И какъ онъ палъ... Такой разсказъ
Слыхали многіе не разъ—
И сожалѣли... Нѣтъ—едва ль!
Не новость на землѣ печаль.
„Старикъ, и я,—такъ кончилъ онъ
Разсказъ:—ты видишь—побѣжденъ...
Какъ воды малаго ручья,
Изсякла молодость моя...
Меня сгубилъ безплодный жаръ
Упорныхъ, мелочныхъ страстей.
Безпечности—(завидный даръ!)
Не разъ въ тоскѣ души моей
Просилъ я... Но коварный богъ
Пытливый духъ во мнѣ зажогъ,
А силы... силы не далъ онъ.
Твой взоръ я понялъ... я смѣшонъ,
Къ чему волнуюсь я теперь?
За мной на вѣкъ закрыта дверь.
Въ тотъ пестрый, равнодушный міръ
Возврата нѣтъ... Такъ пусть же тамъ
Кипитъ все тотъ же наглый пиръ,
Все тѣмъ же молятся богамъ,
И, кровью праведной хмѣльна,
Неправда царствуетъ одна.
Что̀ мнѣ до нихъ! Большой цѣной
Купилъ я право никогда
Не вспоминать о жизни той.
Но я люблю, любилъ всегда
Ночного неба мирный блескъ
И темныхъ волнъ лѣнивый плескъ.
Люблю я вечеръ золотой,

Лѣсовъ задумчивый покои
И легкій рой румяныхъ тучъ,
Луны стыдливый, первый лучъ,
И первый ропотъ соловья,
И тишину полей... О! я
Готовъ остаться навсегда
Съ тобою здѣсь..."

Старикъ.

„Въ твои года
Любилъ я наканунѣ битвъ
Слова задумчивыхъ молитвъ;
Любилъ разсказы стариковъ
О томъ, какъ били мы враговъ;
Любилъ торжественный покой
Заснувшей рати... За луной
Уходятъ звѣзды... Вотъ востокъ
Алѣетъ... Легкій вѣтерокъ
Играетъ клочьями знаменъ...
Какъ птица спугнутая, сонъ
Слетѣлъ съ полей... Сѣдой туманъ
Клубится тяжко надъ рѣкой.
Грохочетъ глухо барабанъ—
Раздался выстрѣлъ вѣстовой—
Проворно строятся полки,
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки...
И сходятъ медленно съ холмовъ
Ряды волнистые враговъ.
Любилъ я блескъ и стукъ мечей,
И лица гордыя вождей,
И дружный топотъ лошадей,
Когда, волнуясь и гремя,
Сверкала конница въ дыму,
Визжали ядра... Нѣлно! Я
Старикъ. Но, помню, какъ тюрьму,
Я ненавидѣлъ города,
И надышаться въ тѣ года
Не могъ я воздухомъ лѣсовъ,

И былъ я силенъ и суровъ,
И горделивъ и, сколько могъ,
Я сердце вольное берегъ“.

Молодой человѣкъ.

„Дивлюсь я, слушая тебя.
Какъ? Неужели жъ помнишь ты
Тревоги молодости?“

Старикъ.

„Я
Все помню“.

Молодой человѣкъ.

„Дѣтскія мечты?
Восторги пламенные?“

Старикъ.

„Да.
Ребенокъ искренній, тогда
Я былъ глупѣй тебя—глупѣй...
Я не шутилъ душой моей...
И все, надъ чѣмъ смѣешься ты
Такъ величаво, тѣ „мечты“
Въ меня вросли такъ глубоко̀,
Что мнѣ забыть ихъ не легко.
Но ты, безстрастный человѣкъ,
Ты успокоился навѣкъ“.

Молодой человѣкъ.

„Кто? Я спокоенъ? Боже мой!
Я гибну въ медленномъ огнѣ...
Да ты смѣешься надо мной,
Старикъ!“

Старикъ.

„О, нѣтъ! но грустно мнѣ:
Кичливой ревностью горя,
Расправивъ гордо паруса,
Давно ль въ далекія моря

Подъ неродныя небеса
Помчался ты? И что жъ? о, срамъ!
Едва дохнула по волнамъ
Гроза—къ родимымъ берегамъ,
Проворенъ, жалокъ, одинокъ,
Бѣжитъ испуганный челнокъ.
Въ разгарѣ юношескихъ силъ
Ты, какъ старикъ, и вялъ, и хилъ...
Но Боже! развѣ никогда
Не зналъ ты жажду мыслей, дѣлъ,
Тоску глубокаго стыда,
И не рыдалъ, и не блѣднѣлъ?
Любилъ ли ты кого-нибудь?
Иль никогда нѣмая грудь,
Блаженства горькаго полна,
Не трепетала, какъ струна?“

Молодой человѣкъ.

„А ты любилъ?“

И вдругъ старикъ
Умолкъ—и медленно лицомъ
На руки дряхлыя поникъ.
Когда же голову потомъ
Онъ поднялъ—взоръ его потухъ...
Онъ блѣденъ былъ, какъ будто духъ
Тревожный, плачущій, нѣмой
Промчался надъ его душой.

Старикъ.

„Я сознаюсь,—такъ началъ онъ:—
Твой неожиданный приходъ
Меня смутилъ. Я потрясенъ.
Я ждалъ тебя такъ долго... Вотъ
Ты появился наконецъ
Печальнымъ гостемъ предо мной...
Какъ сына слушаетъ отецъ,
Тебя я слушалъ... И тоской
Внезапно сталъ томиться я...

И странно! прежняя моя
Любовь и все, что̀ такъ давно
Въ моей груди схоронено,—
Воскресло вдругъ... Пробуждены
Живые звуки старины,
И тѣни милыя толпой
Несутся тихо надо мной.
Я знаю: стыдно старику
Лелѣять праздную тоску;
И, какъ осенняя гроза,
Безплодна поздняя слеза...
Но близокъ смерти горькій часъ;
Но, можетъ-быть, въ послѣдній разъ
Я съ человѣкомъ говорю,
Послѣднимъ пламенемъ горю...
О, жизнь! О, юность! О, любовь!
Любовь мучительная... Вновь
Хочу—хочу предаться вамъ,
Хотя бъ на мигъ одинъ... а тамъ
Погасну, вспыхнувши едва...

. . . . . .

Ты говоришь: любилъ ли я?
Понятны мнѣ слова твои...
Такъ отвѣчайте жъ за меня,
Вы, ночи дивныя мои!
Не ты ль сіяла надо мной,
Нѣмая, пышная луна,
Когда въ саду, въ тѣни густой
Я ждалъ и думалъ: вотъ она!
И замиралъ, и каждый звукъ *)
Ловилъ, и сердца мѣрный стукъ
Принять, бывало, былъ готовъ
За легкій шумъ ея шаговъ...
И съ той поры такъ много лѣтъ
Прошло; такъ много, много бѣдъ
Я перенесъ... Но до конца,

*) Молчалъ и жадно каждый звукъ

Въ пустынѣ, посреди людей,
Черты любимаго лица
Хранилъ я въ памяти моей..
Я вижу, вижу предъ собой
Тотъ образъ свѣтлый, молодой...
Воспоминаній жадный рой
Тѣснится въ душу... Страстно я
Имъ отдаюсь... въ нихъ адъ и рай...
Но ты послушайся меня:
До старыхъ лѣтъ не доживай.
Забуду ль я тотъ дивный часъ,
Когда внезапно въ первый разъ,
Смущенный, сталъ я передъ ней?
Огнемъ полуденныхъ лучей
Сверкало небо... Подъ окномъ,
Полузакрытая плющомъ,
Сидѣла дѣвушка... Слегка
Пылала смуглая щека,
Касаясь мраморной руки,
И вдоль зардѣвшейся щеки
На пальцы тонкіе волной
Ложился локонъ золотой.
И взоръ задумчивый едва
Блуждалъ... склонялась голова...
Тревожной, страстной тишиной
Дышали томныя черты...
Нѣтъ! ты не видывалъ такой
Неотразимой красоты!

Я съ ней сошелся... Я молчу...
Я не могу, я не хочу
Болтать о томъ, какъ я тогда
Былъ счастливъ... Знай же: никогда,
Пока я не разстался съ ней,
Не вѣдалъ я спокойныхъ дней,
Но страсть узналъ я, злую страсть...
Узналъ томительную власть
Души надменной, молодой

Надъ пылкой преданной душой.
Обнявшись дружно, цѣлый годъ
Стремились жадно мы впередъ,
Какъ облака передъ грозой...
Не признавали мы преградъ—
И даже къ радости былой
Не возвращались мы назадъ...
Нѣтъ! торжествуя безъ конца,
Мы сами жгли любовь и жизнь,
И наши гордыя сердца
Не знали робкихъ укоризнъ...
Но все жъ я былъ ея рабомъ,
Ея щитомъ, ея мечомъ...
Ея рабомъ я былъ! Она
Была свободна, какъ волна.
И мнѣ казалось, что меня
Она не любитъ... О, какъ я
Тогда страдалъ! Но вотъ—идемъ
Мы лѣтнимъ вечеромъ вдвоемъ
Среди темнѣющихъ полей...
Идемъ мы... Клики журавлей
Внезапно падаютъ съ небесъ,
И рдѣетъ, и трепещетъ лѣсъ...
Мнѣ такъ отрадно, такъ легко,
Я счастливъ, счастливъ я вполнѣ...
И такъ блаженно-глубоко
Вздыхаетъ грудь... И нѣтъ во мнѣ
Сомнѣній... Оба мы полны
Такой стыдливой тишины!
И духъ ея былъ смѣлъ и живъ
И безпокойно горделивъ;
Взойдетъ—бывало—въ древній храмъ
И, наклонясь къ нѣмымъ плитамъ,
Такъ страстно плачетъ... а потомъ
Передъ Распятымъ Божествомъ
Надменно встанетъ—и тогда
Ея глаза такимъ огнемъ
Горятъ, какъ будто никогда

Ихъ лучъ, и гордый, и живой,
Не отуманился слезой.
Ахъ! та любовь, и страсть, и жаръ,
И свѣтлой мысли дивный даръ,
И красота, и все, что я
Такъ обожалъ—исчезло все...
Безмолвно приняла земля
Дитя погибшее свое...
И ясенъ былъ спокойный ликъ
Великой матери людей—
И безотвѣтно замеръ крикъ
Души растерзанной моей...
Кругомъ—плѣнительна, пышна,
Сіяла ранняя весна,
Лучомъ играя золотымъ
Надъ прахомъ милымъ и нѣмымъ.
Въ восторгахъ *) пламенной борьбы
Ее засталъ послѣдній часъ...
И безъ рыданій, безъ мольбы
Свободный духъ ея погасъ...
А я! не умеръ я тогда!
Мнѣ были долгіе года
Судьбой лукавой суждены...
Смѣнили тягостные сны
Тотъ первый, незабвенный сонъ...
Какъ и другіе, пощаженъ
Я не былъ... дожилъ до сѣдинъ...
И вотъ живу теперь одинъ...
Молюсь..."

Молодой человѣкъ.

„Какъ ты, любилъ и я...
Но не могу я **) разсказать,
Какъ ты, любовь свою... Меня
Ты не захочешь понимать... ***)

---

*) Въ началѣ.
**) Но я не въ силахъ.
***) Старикъ, не можешь ты понять.

Бывало, въ мирный часъ, когда
Надъ блѣднымъ мѣсяцемъ звѣзда
Заблещетъ въ ясной вышинѣ,
И въ безмятежной тишинѣ
Журчитъ и плещетъ водопадъ,
И тихо спитъ широкій садъ,
И въ наклоненныхъ берегахъ
Дремотно нѣжится рѣка...
Сижу я съ ней... въ моихъ рукахъ
Лежитъ любимая рука—
И легкій трепетъ нашихъ рукъ,
И нѣжной рѣчи слабый звукъ,
Ея довѣрчивый покой,
И долгій взглядъ, и вздохъ нѣмой—
Все говоритъ мнѣ: ты любимъ!
И что жъ! мучительно томимъ
Тоской безумной, я молчу,
Иль головой къ ея плечу
Я наклонюсь... и горячо
На обнаженное плечо,
Неистощимой чередой,
Слеза струится за слезой...
О чемъ, скажи мнѣ, плакалъ я?
Нѣтъ! жизнь отравлена моя!
Едва желанное вино
Къ моимъ губамъ поднесено—
И самъ я, самъ, махнувъ рукой,
Роняю кубокъ дорогой.
Когда жъ насталъ прощальный мигъ,
Я былъ и сумраченъ, и тихъ...
Она рыдала... видитъ Богъ:
Я самъ тогда понять не могъ,
Зачѣмъ я разставался съ ней...
Молчалъ я, въ сердцѣ стыла кровь,
Молчалъ я... но въ душѣ моей
Была не жалость—а любовь.
Старикъ, повѣрь, я бъ не желалъ
Прожить опять подобный часъ,

Я безпощадно разрывалъ
Все, все, что́ связывало насъ...
Ее, себя терзалъ я... Но
Мнѣ было стыдно и смѣшно,
Что столько лѣтъ я жилъ, шутя,
Любилъ забывчивый покой
И забавлялся, какъ дитя,
Своей причудливой мечтой...
Я съ ней разстался навсегда—
Бѣжалъ, не знаю самъ куда...
Слѣды горячихъ, горькихъ слезъ
Я на губахъ моихъ унесъ...
Я помнилъ все: печальный взоръ
И недоконченный укоръ...
Но все жъ на волю, на просторъ,
И содрогаясь, и спѣша,
Рвалась безумная душа.
И для чего? Но я тогда
Не зналъ людей... Такъ иногда
Въ степи широкой скачешь ты,
И топчешь весело цвѣты,
И мчишься съ радостной тоской,
Какъ-будто тамъ, въ дали нѣмой,
Гдѣ, яркимъ пламенемъ горя,
Сверкаетъ пышная заря,
Гдѣ тучки свѣтлыя легли
Легко—на самый край земли,—
Какъ-будто тамъ—найдешь ты все,
Чѣмъ сердце страстное твое
Такъ безотчетно, такъ давно,
Такъ безвозвратно плѣнено...
И ты примчался... Степь кругомъ
Все такъ же спитъ лѣнивымъ сномъ..
Томя нетерпѣливый взглядъ,
Несется тучекъ длинный рядъ
Лепечетъ желтая трава
Все тѣ же смутныя слова...
И та же на-сердцѣ печаль

И такъ же пламенная даль
Куда-то манитъ... и назадъ
Поѣдешь, самъ-себѣ не радъ.
Но ты задумался?“

Старикъ.

„Ты правъ.
Твой безпокойный, странный нравъ
Мнѣ непонятенъ. Создалъ Богъ
Насъ разно... Ты въ любви не могъ
Найти покоя... Но любовь
Не благо высшее людей;
Нетерпѣливо пышетъ кровь
Въ сердцахъ несмыслящихъ дѣтей...
Они лишь для себя живутъ.
Когда жъ минуетъ та пора,
Приличенъ мужу долгій трудъ
На славномъ поприщѣ Добра.
Ты жилъ, скиталецъ молодой;
Ты жилъ; такъ стань же предо-мной—
На сердце руку положи,
И не лукавствуя, скажи:
Какой ты подвигъ совершилъ?
Какому богу ты служилъ?“

Молодой человѣкъ.

„Когда бы кто-нибудь другой
Вопросъ превыспренній такой
Мнѣ предложилъ—ему въ отвѣтъ
Я засмѣялся бы... но нѣтъ!
Передъ тобой раскрыта вся
Душа печальная моя.
Бывало, полный гордыхъ думъ,
Руководимый божествомъ
Какимъ-то, жизни вѣчный шумъ
Внималъ я съ тайнымъ торжествомъ...
Я думалъ: тамъ, въ толпѣ *) людей,

*) Среди.

Я волю дамъ душѣ моей;
Среди друзей, среди враговъ,
Узнàю самъ, кто я таковъ...
И за тобой, о, мой народъ,
Пойду я радостно впередъ—
И загорится въ сердцѣ вновь
Святая, братская любовь.
Но что же! вдругъ увидѣлъ я,
Что въ цѣломъ мірѣ для меня
Нѣтъ мѣста; что я людямъ чуждъ,
Что нѣтъ у насъ ни тѣхъ же нуждъ,
Ни тѣхъ же радостей; что мнѣ
Они то страшны, то вполнѣ
Непостижимы, то смѣшны...
И потрясенъ до глубины
Души, взывалъ я къ нимъ... Но самъ
Не вѣрилъ собственнымъ словамъ.
Я съ ними сблизиться не могъ...
И вновь одинъ, среди тревогъ
Пустыхъ, живу я съ давнихъ поръ...“

Старикъ.

„Ты произнесъ свой приговоръ.
Ты, какъ дитя, самолюбивъ,
Какъ женщина, нетерпѣливъ,
И добродушно лишь собой
Ты занятъ; нѣтъ любви прямой,
И нѣтъ возвышенныхъ страстей
Въ душѣ мечтательной твоей.
Но вспомни: тамъ, въ толпѣ людей,
Встрѣчалъ ты юношей живыхъ,
Неговорливыхъ и простыхъ? *)
Встрѣчалъ ты старцевъ и мужей,
Достойныхъ, опытныхъ вождей?
И, примиренный наконецъ
Съ судьбой, ты видѣлъ въ нихъ залогъ

*) Прекрасныхъ, гордыхъ и святыхъ?

Того, что ревностныхъ сердецъ
Не покидаетъ правый Богъ?“

Молодой человѣкъ.

„Встрѣчалъ я „старцевъ молодыхъ“—
Людей прекрасныхъ, но пустыхъ;
Встрѣчалъ я слабыхъ добряковъ
И вздорныхъ умниковъ—толпой;
Встрѣчалъ любезныхъ остряковъ,
Довольныхъ службой и судьбой,
И государственныхъ людей,
Довольныхъ важностью своей.
А вѣчный рабъ нужды, заботъ,
Спѣшилъ безсмысленный народъ
На шумный, на постыдный *) торгъ...
Мечталъ неопытный въ тиши;
Но глупенькій его восторгъ
Не веселилъ моей души;
Разочарованнаго стонъ
И безполезенъ, и смѣшонъ;
Но вдохновенный взглядъ дѣтей
И ненавистнѣй, и смѣшнѣй.—
И вотъ, сограждане мои!
Старикъ—вотъ юноши твои!
И всѣхъ пугаетъ новизна,
Имъ недоступна красота...
И даже доблестнымъ страшна
Насмѣшка праздная шута.
Нѣтъ! юношей не видѣлъ я...
Нѣтъ! нѣтъ! ты знаешь: жизнь моя
Прошла, какъ безотрадный сонъ...“

Старикъ.

„Когда бы не былъ ты влюбленъ
Въ игру безплодную мечты,
Когда бы въ Бога вѣрилъ ты,

---

*) Позорный.

И страстной, пламенной душой,
Неутомимой до конца,
Искалъ бы, какъ воды живой,
Блаженной близости Творца—
Тогда, быть-можетъ, на тебя
Твою настойчивую страсть,
Твой духъ ревнивый возлюбя,
Сошла бъ таинственная власть.
Внезапнымъ ужасомъ гонимъ
И гнѣвомъ праведнымъ томимъ,
Ты сталъ бы, сумрачный, нѣмой,
Предъ легкомысленной толпой...
И первый крикъ души твоей
Смутилъ бы суетныхъ дѣтей...
Толпа не смѣетъ не признать
Великой силы благодать,
И негодующій пророкъ
Каралъ бы слабость и порокъ,
Гремѣли бъ страстныя слова,
И, какъ изсохшая трава,
Пылали бъ отъ твоихъ рѣчей
Сердца холодныя людей.
Но, малодушный ты! Судьбѣ
Ты покорился безъ стыда...
Такъ что жъ, скажи, могло тебѣ
Дать право гордаго суда
Надъ міромъ?—Нѣтъ! не вѣрю я;
Нѣтъ! оклеветана толпа
Тобой... Но если рѣчь твоя
Не ложь, достойная раба,
Тогда—Господь отцовъ моихъ
Всесильный! посѣти же вновь
Дѣтей забывчивыхъ твоихъ...
Напрасна кроткая любовь,
Такъ посели Ты въ ихъ сердцахъ
И трепетъ, и великій страхъ,
Промчись живительной грозой
Надъ грѣшной, суетной землей!“

Молодой человѣкъ.

„Не поминай Его, старикъ...
Онъ такъ далекъ, Онъ такъ великъ,
А мы такъ малы... Да притомъ
Онъ насъ забылъ давно... О немъ
Твердили міру чудеса—
Теперь безмолвны небеса...
О, если бы пророкъ святой
Сказалъ мнѣ: встань! иди за мной!
Клянусь, пошелъ бы я, томимъ
Великой радостью, за нимъ—
За нимъ на гибель, на позоръ...
И пусть надменный приговоръ
Толпы рабовъ, толпы слѣпой
Гремитъ надъ нимъ и надо мной!
Но гдѣ пророки? О, старикъ!
Тебѣ противенъ слабый крикъ
Души печальной и больной...
Ты презираешь глубоко
Мою тоску... Но, Боже мой!
Ты думаешь, что такъ легко
Съ надеждами разстался я?
Что равнодушно самъ себѣ
Сказалъ я: гибнетъ жизнь моя!
Что грудь усталая—къ борьбѣ
Упрямо, долго не рвалась?
Что за соломинки сто разъ
Я не хватался?.. Ахъ, о чемъ
Хлопочемъ мы? Взгляни кругомъ:
Спокойно, кротко спитъ земля;
Лѣса, широкія поля
Озарены, обагрены
Лучами влажными луны...
И вотъ—мнѣ чудится: ко мнѣ,
Подобно медленной волнѣ,
Торжественно, какъ дальній звонъ
Колоколовъ, со всѣхъ сторонъ *)

*) Съ полей, съ темнѣющихъ холмовъ.

Съ недостижимыхъ облаковъ
И съ горъ, живущихъ сотый вѣкъ,
Несется плавно звучный зовъ:
Смирись, безумный человѣкъ!“ *)

Старикъ.

„И я тотъ голосъ неземной
Не разъ, предъ утренней зарей,
Слыхалъ, и тронутой душой
Стремился трепетно къ Нему,
Къ живому Богу моему.
Но въ тишинѣ другихъ ночей
Звучалъ—бывало—громкій зовъ
Въ груди встревоженной моей...
И тѣхъ простыхъ и гордыхъ словъ
Я не забылъ: „Не унывай,
Трудись и Бога призывай,
И людямъ вѣрь, и вѣрь уму,
Не покоряйся никому,
Живи для всѣхъ и знай: крѣпка
Твоя непраздная рука“.

Молодой человѣкъ.

„А между тѣмъ, не ты ли самъ
Покинулъ „бренный міръ?“

Старикъ.

„Страстямъ
Я предалъ молодость... онѣ
Меня сгубили... но клянусь:
Того, что̀ прежде было мнѣ
Святыней—нѣтъ! я не стыжусь!“

Молодой человѣкъ.

„Ты всѣхъ моложе насъ, старикъ;
Мнѣ не понятенъ твой языкъ“.

Старикъ.

„Такъ будь же про̀клятъ ты навѣкъ,
Больной, безсильный человѣкъ,

*) Смирись, безумецъ!

За то, что нагло, безъ стыда
Ты погубилъ—и навсегда—
Все, чѣмъ жила душа моя
Въ часы мучительной тоски:
Мои надежды, все, что̀ я
Любилъ, какъ любятъ старики!
Зачѣмъ пришелъ ты? Безъ тебя
Надежды робкія тая
Въ груди разбитой, но живой,
Я, грѣшникъ, здѣсь одинъ въ лѣсахъ
Мечталъ о жизни молодой,
О новыхъ сильныхъ племенахъ;
Желалъ блаженныхъ, ясныхъ дней
Землѣ возлюбленной своей;
Дерзалъ молиться въ тихій мигъ
Не за себя, но за другихъ...
Теперь же—страшной темнотой
Весь міръ покрылся; надо мной
Гремитъ уныло близкій громъ...
Одинъ, въ пыли передъ лицомъ
Твоимъ, карающій Творецъ,
Я каюсь, каюсь наконецъ—
Измученъ я... обманутъ я...
Но сжалься, пощади меня!
Мнѣ смерть страшна—я не готовъ
Идти на Твой могучій зовъ...
А жить... нѣтъ! жить еще страшнѣй
Въ такой невыносимой мглѣ—
И мѣста нѣтъ душѣ моей
Ни въ небесахъ, ни на землѣ!“

Молодой человѣкъ.

„Старикъ, ты правъ, но ты жестокъ.
Послушай: каждый твой упрекъ
Неотразимъ... душа моя
Томится гнѣвомъ и тоской,
И замираетъ, какъ змѣя
Подъ торжествующей пятой...

И стыдно мнѣ: мои глаза
Сжигаетъ ѣдкая слеза...
Но все жъ ты правъ: я шутъ, я рабъ,
Я, какъ ребенокъ, вялъ и слабъ;
Мои мечты еще глупѣй
Моихъ младенческихъ затѣй...
И не далась мнѣ тайна словъ
Живыхъ, властительныхъ рѣчей;
Не долетаетъ слабый зовъ
До невнимающихъ ушей...
Вокругъ меня толпа шумитъ,
Толпа не чувствуетъ тоски
И недовѣрчиво глядитъ
На слезы глупыя мои...
Нѣтъ! полно! нѣтъ, передъ тобой
Клянусь я въ этотъ страшный мигъ,
Клянусь я небомъ и землей,
Клянусь позоромъ слезъ моихъ—
Я не снесу моихъ цѣпей.
Родимый край, тебя, друзей,
Безъ сожалѣнья, навсегда
Покину... и пойду тогда—
И безнадеженъ, и суровъ,
Искать невѣдомыхъ боговъ,
Скитаться съ жадностью нѣмой
Среди чужихъ, въ землѣ чужой,
Гдѣ никому не дорогъ я,
Но гдѣ вольна душа моя,
Гдѣ я безтрепетно могу
Отвѣтить вызовомъ врагу—
И наконецъ, на зло судьбѣ,
Погибнуть въ радостной борьбѣ!“

Старикъ.

„Бѣжать ты хочешь? Но куда?
Зачѣмъ? Къ кому?“

Молодой человѣкъ.

„Старикъ, когда

Ты такъ усердно расточалъ
Упреки—помнишь? я молчалъ;
Теперь я спрашиваю васъ,
О, предки наши! что̀ для насъ
Вы̀ сдѣлали? Скажите намъ:
„Вотъ, нашимъ доблестнымъ трудамъ
Благодаря, смотрите—вотъ
Насколько выросъ нашъ народъ...
Вотъ несомнѣнный, яркій слѣдъ
Великихъ, истинныхъ побѣдъ!“
Что жъ? отвѣчайте намъ!.. Увы!
Какъ ваши внуки, на покой
Безсмысленный, спѣшили вы
Съ работы трудной, но пустой...
И мы не лучше васъ—о нѣтъ!
Намъ то̀ же предстоитъ... Смотри:
Надъ дальнимъ лѣсомъ слабый свѣтъ,
Предвѣстникъ утренней зари,
Мерцаетъ... близокъ ясный день—
Рѣдѣетъ сумрачная тѣнь...
Но не дождаться намъ съ тобой
Денницы пышной, золотой—
И въ часъ, когда могучій лучъ
Изъ-за громадныхъ, синихъ тучъ
Блеснетъ надъ радостной землей—
Великій, безконечный крикъ
Побѣды, жизни молодой
Не долетитъ до насъ, старикъ...
Не переживъ унылой тьмы,
Съ тобой въ могилу ляжемъ мы—
Замретъ упорная тоска;
Но будетъ намъ земля тяжка...
Намъ даже слава не далась...
И нашъ потомокъ мимо насъ
Пройдетъ съ поднятой головой,
Неблагодарный и нѣмой“.

Онъ торопливо всталъ... Рукой

Лицо закрылъ старикъ сѣдой,
И, думой тягостной томимъ,
Сидитъ онъ грустно-недвижимъ...
Но гдѣ же странникъ? Онъ исчезъ...
Шумитъ сурово темный лѣсъ,
И тучи ходятъ—и страшна
Пустынной ночи тишина.

20-го августа 1844 г.
С. Парголово.

ПОМѢЩИКЪ.

I.

За чайнымъ столикомъ, весной,
Подъ липками, часу въ девятомъ,
Сидѣлъ помѣщикъ столбовой,
Покрытый стеганымъ халатомъ.
Онъ кушалъ, молча, не спѣша;
Курилъ, поглядывалъ безпечно...
И наслаждалась безконечно
Его дворянская душа.
На головѣ его курчавой
Торчитъ ермолка; песъ легавый,
Угрюмый старецъ, подъ столомъ
Сидитъ и жмурится кругомъ.
Все тихо... Сохнетъ воздухъ... Жгучій
Почуя жаръ, перепела
Кричатъ... ползетъ обозъ скрипучій
По длинной улицѣ села...

II.

Помѣщикъ этотъ благородный,
Степенный, мирный семьянинъ,
Притомъ хозяинъ превосходный,

Былъ настоящій славянинъ.
Онъ съ дѣтства не носилъ подтяжекъ;
Любилъ просторъ, любилъ покой
И лѣнь; но страненъ былъ покрой
Его затѣйливыхъ фуражекъ.
Любилъ онъ жирные блины,
Боялся чорта да жены;
Любилъ онъ, скушавъ пять арбузовъ,
Ругнуть и нѣмцевъ, и французовъ,
Читалъ лишь изрѣдка, съ трудомъ,
Служилъ въ архивѣ казначейства,
И былъ, какъ слѣдуетъ, отцомъ
Необозримаго семейства.

III.

Онъ отдыхалъ. Его жена
Отправилась на богомолье...
Извѣстно, въ наши времена
Супругу безъ жены—раздолье.
И думалъ онъ: „въ деревнѣ рай!
Погода нынче—просто чудо!
А между тѣмъ—зайти не худо
Въ конюшню, да въ сѣнной сарай“.
Помѣщикъ подошелъ къ калиткѣ.
Черезъ дорожку, въ сѣрой свиткѣ,
Въ платочкѣ красномъ на-бочокъ,
Шла дѣвка съ кузовомъ въ лѣсокъ...
Какъ человѣкъ давно женатый,
Слегка прищёлкнувъ языкомъ,
Съ улыбкой мирно-плутоватой,
Онъ погрозилъ ей кулакомъ.

IV.

Потомъ съ задумчивымъ вниманьемъ
Смотрѣлъ, какъ боровъ о заборъ
Съ эгоистическимъ стараньемъ,
Зажмуривъ глазки, спину тёръ...
Потомъ—коротенькія ручки
Сложивъ умильно на брюшкѣ,

Помѣщикъ подошелъ къ рѣкѣ...
На волны сонныя, на тучки,
На небо синее взглянулъ,
Весьма чувствительно вздохнулъ—
И, палку вынувъ изъ забора,
Сталъ въ воду посылать Трезора...
Межъ тѣмъ, съ какимъ-то мужикомъ
Онъ побесѣдовалъ привѣтно
О томъ, что просто съ каждымъ днемъ
Мы развиваемся замѣтно.

V.

Потомъ онъ съ бабой поболталъ...
(До бабъ онъ былъ немножко падокъ),
Зашелъ въ конюшню, посвисталъ
И хлѣбцомъ покормилъ лошадокъ...
Увидѣлъ въ полѣ двухъ коровъ
Чужихъ... разгнѣвался не мало;
Велѣлъ, во что̀ бы то ни стало,
Сыскать ослушныхъ мужиковъ.
Краснорѣчиво, важно, долго
Имъ толковалъ о чувствѣ долга,
Потомъ побилъ ихъ, но слегка...
Легка боярская рука...
Пришелъ въ ужасное волненье,
Клялся, что будущей зимой
Все съ молотка продастъ имѣнье—
И медленно пошелъ домой.

VI.

Въ саду ему попались дѣти,
Кричатъ: „Папа̀! готовъ обѣдъ...“
—„Меня погубятъ дѣти эти,—
Онъ запищалъ:—во цвѣтѣ лѣтъ!
Адамъ Адамычъ! Вамъ не стыдно?
Какъ вы балуете дѣтей!
Помилуйте? Да что̀ вы?“—Сей
Адамъ Адамычъ—очевидно
Былъ иностранный человѣкъ...

Но для того ли цѣлый вѣкъ
Онъ изучалъ Санхоньятона,
Зубрилъ „Республику“ Платона
И тиснулъ длинную статью
О божествахъ самоѳракійскихъ,
Чтобъ жизнь убогую свою
Влачить среди дворянъ россійскихъ?

VII.

Онъ изъ себя былъ худъ и малъ,
Любилъ почтительные жесты
И въ перепискѣ состоялъ
Съ родителемъ своей невѣсты.
Онъ былъ съ чувствительной душой
Рожденъ; и въ старческіе годы,
При зрѣлищѣ красотъ природы,
Вздыхалъ, качая головой.
Но плохо шли его дѣлишки;
Носилъ онъ черныя манишки,
Короткій безобразный фракъ,
Исподтишка курилъ табакъ...
Онъ улыбался принужденно,
Когда начнутъ хвалить дѣтей,
И кашлялъ, кланяясь смиренно,
При видѣ барынь и гостей.

VIII.

Но Богъ съ нимъ! Тихими шагами
Вернулся подъ родимый кровъ
Помѣщикъ... Онъ моргалъ глазами,
Онъ былъ и гнѣвенъ, и суровъ.
Взошелъ онъ въ сѣни молчаливо,
И, лани вспуганной быстрѣй,
Вскочилъ оборванный лакей
Подобострастно-торопливо.
Мной воспѣваемый предметъ
Стремится важно въ кабинетъ.
Мамзель-француженка въ гостиной,
Съ улыбочкой, съ ужимкой чинной,

Предъ нимъ присѣла... Посмотрѣлъ
Онъ на нее лукаво—кошкой...
Подумалъ: „этакой пострѣлъ!“
И деликатно шаркнулъ ножкой.

IX.

И гнѣвъ исчезъ его, какъ паръ,
Какъ пыль, какъ женскія страданья,
Какъ дымъ, какъ юношескій жаръ,
Какъ радость перваго свиданья.
Исчезъ! Смѣнила тишина
Порывы думъ степныхъ и рьяныхъ...
И на щекахъ его румяныхъ
Улыбка прежняя видна.
Я могъ бы, пользуясь свободой
Разсказа, съ моремъ и съ природой
Сравнить героя моего,
Но мнѣ теперь не до того...
Пора впередъ! Читатель милый,
Вашъ незатѣйливый поэтъ
Намѣренъ описать унылый,
Славяно-русскій кабинетъ.

X.

Всѣ стѣны на манеръ бесѣдки
Расписаны. Подъ потолкомъ
Висятъ запачканныя клѣтки:
Одна съ симбирскимъ соловьемъ,
Съ чижами двѣ. Вотъ столъ огромный
На толстыхъ ножкахъ; по стѣнамъ
Изображенья сочныхъ дамъ,
Съ улыбкой сладостной и томной
И съ подписью: La Charité,
La Nuit, le Jour, la Vanité...
На полкѣ чучело кукушки,
На креслахъ шитыя подушки,
Сундукъ окованный въ углѣ,
На зеркалѣ слой липкой пыли,

Тарелка съ дыней на столѣ,
И подъ окошкомъ три бутыли.

XI.

Вотъ кипы пестрыя бумагъ,
Записокъ, счетовъ, приказаній
И рапортовъ... Я самъ не врагъ
Степныхъ присылокъ и посланій.
А вотъ и ширмы... наконецъ,
Вотъ шкапъ просторный, шишковатый...
На немъ безносый, бородатый
Бѣлѣетъ гипсовый мудрецъ.
Увы! безсильно негодуя,
На ликъ задумчивый гляжу я...
Быть-можетъ, этотъ истуканъ—
Эсхилъ, Сократъ, Аристофанъ...
И передъ нимъ уже седьмое
Колѣно тучныхъ добряковъ
Растетъ и множится въ покоѣ
Среди не чуждыхъ имъ клоповъ!

XII.

Помѣщикъ мой достойно, важно,
Глубокомысленно курилъ...
Курилъ... и вдругъ зѣвнулъ протяжно,
Привсталъ и хрипло возопилъ:
„Эй—Васька!.. Васька! Васька! Васька!!!“
Явился Васька.—„Тарантасъ
Вели мнѣ заложить“.—„Сейчасъ“.
„А что? починена коляска?“—
— „Починена-съ“.—„Починена?..
Нѣтъ—лучше тарантасъ“.—Жена,
Подумалъ онъ, вернется къ ночи,
Разсердится... Но нѣту мочи,
Какъ дома скучно. Ѣду—да!
Да, чортъ возьми—да! Но, читатель,
Угодно-ль вамъ узнать, куда
Спѣшить почтенный мой пріятель?

XIII.

Такъ знайте жъ! Отъ его села
Верстахъ въ пятнадцати—не болѣ—
Подъ самымъ городомъ, жила
Помѣщица—въ теплѣ да въ холѣ,—
Вдова. Такихъ немного вдовъ.
Ея супругъ, корнетъ гусарскій,
. . . . . .
Завелъ охоту, рысаковъ,
Друзей, собакъ... Обѣды, балы
Давалъ, выписывалъ журналы...
И разорился бъ наконецъ
Мой тороватый молодецъ,
Да въ цвѣтѣ лѣтъ погибъ на „садкѣ“ *),
Слетѣвъ торжественно съ сѣдла,
И въ изступленномъ безпорядкѣ
Оставилъ всѣ свои дѣла.

XIV.

Съ его-то вдовушкой любезной
Помѣщикъ былъ весьма знакомъ.
Ее сравнилъ острякъ уѣздный
Съ—свѣже-просольнымъ огурцомъ.
Теперь ей—что жъ! о томъ ни слова—
Лѣтъ подъ сорокъ... Но какъ она
Еще свѣжа, полна, пышна
И не по нашему здорова!
Какія плечи! Что за станъ!
А груди—цѣлый океанъ! **)

---

*) Садка—извѣстная забава охотниковъ. Въ чистомъ полѣ сажаютъ волка, лисицу или зайца, пускаютъ собакъ на пари, охотники скачутъ, падаютъ со лошадей и т. д., а по окончаніи садки пируютъ.

**) Мы бы не рѣшились употребить такое смѣлое сравненіе, если бъ не ободрилъ примѣръ г-на Бенедиктова. Кто не помнитъ его превосходныхъ стиховъ:

„...И на этомъ океанѣ
Въ пѣнѣ млечной бѣлизны,
Изъ-подъ дымки, какъ въ туманѣ,
Рисовались двѣ волны“.

Румянецъ яркій, русый волосъ,
Немножко рѣзкій, звонкій голосъ,
Побѣдоносный, свѣтлый взоръ,—
Все въ ней дышало дивной силой...
Такая барыня—не вздоръ,
Въ нашъ вѣкъ болѣзненный и хилый!

XV.

Не вздоръ! И былъ ей свыше данъ
Великій даръ: плѣнять сосѣдей,
Отъ образованныхъ дворянъ
До „степняковъ“ и до „медвѣдей“.
Она была ловка, хитра,
И только съ виду добродушна...
Но восхитительно-радушна
Съ гостями, нынче какъ вчера.
Предъ ней весь домъ дрожалъ. Не мало
Она любила власть. Бывало
Ей покорялся самъ корнетъ...
И дочь ея въ семнадцать лѣтъ
Ходила съ четырьмя косами
И въ панталончикахъ. Не разъ
Своими бѣлыми руками
Она наказывала васъ,

XVI.

О, безотвѣтныя творенья,
Служанки барышень и баръ,
. . . . . .
. . . . . .
О, вы, которымъ два цѣлковыхъ
Дается въ годъ на башмаки,
И вы, небритые полки,
Угрюмыхъ, медленныхъ дворовыхъ!
За то́ на двѣсти верстъ кругомъ
Она гремѣла... Съ ней знакомъ
Былъ губернаторъ... Кавалеры
Ее хвалили за манеры
Столичныя, за голосокъ,

(Она подчасъ пѣвала „Тройку“)
За безпощадный язычокъ
И за прекрасную настойку.

XVII.

Притомъ любезная вдова
Владѣла языкомъ французскимъ,
Хоть иностранныя слова
У ней звучали чѣмъ-то русскимъ.
Во дни рожденій, именинъ,
Къ ней дружно гости наѣзжали,
И заживались, и вкушали
Отъ разныхъ мясъ и разныхъ винъ.
Когда жъ являлась до жаркого
Бутылка теплаго донского—
Всѣ гости, кромѣ дѣвъ и дамъ,
Приподнимались по чинамъ
И кланялись хозяйкѣ,—хоромъ
„Всего... всего“ желали ей...
А дѣти вмѣстѣ съ гувернеромъ
Шли къ ручкѣ маменьки своей.

XVIII.

А по зимамъ она давала
Большіе балы... Господа!
Хотите вы картиной бала
Заняться? Отвѣчаю: да,
За васъ.—Во времена былыя,
Когда среди родныхъ полей
Я цвѣлъ, и нравились моей
Душѣ красавицы степныя,—
Я—каюсь—я скитался самъ
По вечерамъ да по баламъ,
Завитый, въ радужномъ жилетѣ,
И барышень—„имѣлъ въ предметѣ“.
И память вѣрная моя
Рядкомъ проводитъ предо мною
Тѣ дни, когда бывало я
Сіялъ уѣздною звѣздою...

XIX.

Ахъ! этому—давно, давно...
Я былъ тогда влюбленъ и молодъ.
Теперь же... впрочемъ все равно!
Пріятенъ жаръ—полезенъ холодъ.
Итакъ—на балѣ мы.—Паркетъ
Отлично вылощенъ. Рядами
Тѣснятся свѣчи за свѣчами,
Но мутенъ ихъ дрожащій свѣтъ.
Вдоль желтыхъ стѣнъ довольно темныхъ,
Недвижно—въ чепчикахъ огромныхъ—
Усѣлись маменьки. Одна
Любезной важности полна,
Другая—молча дуетъ губы...
Невыносимо душенъ жаръ;
Смычки визжатъ и воютъ трубы,
И пляшетъ двадцать-восемь паръ.

XX.

Какое пестрое собранье
Помѣщичьихъ одеждъ и лицъ!
Но я намѣренъ описанье
Начать—какъ слѣдуетъ—съ дѣвицъ.
Вотъ—чисто-русская красотка:
Одѣта плохо, тяжела
И не ловка, но весела,
Добра, болтлива, какъ трещётка,
И пляшетъ, пляшетъ отъ души.
За ней—„созрѣвшая въ тиши
Деревни“—длинная, худая,
Стоитъ Коринна молодая...
Ея печально-страстный взоръ
То вдругъ погаснетъ, то заблещетъ...
Она вздыхаетъ, скажетъ вздоръ
И вся „глубоко“ затрепещетъ.

XXI.

Не заговаривалъ никто
Съ Коринной... Самъ ея родитель

Боялся дочки... Но за то
Чудакъ застѣнчивый, учитель
Уѣздный, блѣдный человѣкъ—
Ее преслѣдовалъ стихами
И предлагалъ ей со слезами
„Всего себя... на цѣлый вѣкъ“...
Клялся, что любитъ безпорочно.
Но пѣлъ и плакалъ онъ заочно,
И говорилъ ей сей Парисъ
Въ посланьяхъ: „ты“—на дѣлѣ: „вы-съ“.
О жалкій, слабый родъ! О время
Полу-порывовъ, долгихъ думъ
И робкихъ дѣлъ! О, вѣкъ! о, племя,
Безъ вѣры въ собственный свой умъ!

XXII.

О!!!... Но—богиня пѣснопѣній,
О, муза!—публика моя
Терпѣть не можетъ разсужденій...
Къ разсказу возвращаюсь я.
Отдѣльно каждую дѣвицу
Вамъ описать—не моему
Дано перу... а потому,
Вообразите вереницу
Широкихъ лицъ, большихъ носовъ,
Улыбокъ томныхъ, башмаковъ
Козлиныхъ, лентъ и платьевъ бѣлыхъ,
Турбановъ, перьевъ, плечъ дебелыхъ,
Зеленыхъ, сѣрыхъ, карихъ глазъ,
Румяныхъ губъ и... и такъ далѣ;
Заставьте барынь кушать квасъ,—
И знайте: вы на русскомъ балѣ.

XXIII.

Но вотъ среди толпы густой
Мелькаетъ быстро передъ вами
Ребенокъ робкій и нѣмой,
Съ большими, грустными глазами
Ребенокъ!.. Ей пятнадцать лѣтъ.

Но за собой она невольно
Влечетъ васъ... за нее вамъ больно
И страшно... Блѣдный, томный цвѣтъ
Лица,—печальный слѣдъ сомнѣній
Тревожныхъ, раннихъ размышленій,
Тоски, неопытныхъ страстей,
И взглядъ внимательный—все въ ней
Вамъ говоритъ о самовластной
Душѣ... Ребенокъ бѣдный мой!
Ты будешь женщиной несчастной...
Но я не плачу надъ тобой...

XXIV.

О, нѣтъ! пускай твои желанья,
Твои стыдливыя мечты
Въ суровомъ холодѣ страданья
Погибнутъ... не погибнешь ты.
Безъ одобренья, безъ участья,
Среди невѣждъ, осуждена
Ты долго жить... но ты сильна,
А сильному не нужно счастья.
О немъ не думай... но судьбѣ
Не покоряйся; знай: въ борьбѣ
Съ людьми таится наслажденье
Неистощимое—презрѣнье.
Какъ ядъ цѣлительный, оно
И жжетъ, и заживляетъ рану
Души... Но мнѣ пора давно
Вернуться къ моему „роману“.

XXV.

Вотъ передъ вами въ вырѣзномъ
Зеленомъ фракѣ—шутъ нахальный,
Болтунъ и нѣкогда „бель-омъ“,
Стоитъ законодатель бальный.
Онъ ѣздитъ только въ „высшій свѣтъ“.
А вотъ—неистово развязный,
Довольно злой, довольно грязный
Острякъ; вотъ парень среднихъ лѣтъ,

Въ венгеркѣ, въ галстукѣ широкомъ,
Глаза навыкатъ, ходитъ бокомъ,
Хрипитъ и красенъ, какъ піонъ.
Вотъ этотъ черненькій—шпіонъ
И шулеръ—впрочемъ, малый знатный,
Угодникъ дамскій, балагуръ...
А вотъ помѣщикъ благодатный
Изъ непосредственныхъ натуръ.

XXVI.

Вотъ старичокъ благообразный,
Извѣстный взяточникъ, а вотъ
Свѣтило міра, баринъ праздный,
Ораторъ, агрономъ и мотъ,
Чудакъ, для собственной потѣхи
Лѣчившій собственныхъ людей...
Ну—словомъ—множество гостей.
Варенье, черносливъ, орѣхи,
Изюмъ, конфеты, кренделькн
На блюдцахъ носятъ казачки...
И, несмотря на потъ обильный,
Всѣ гости тянутъ чай фамильный.
Крикъ, хохотъ, топотъ, говоръ, звонъ
Стакановъ, рюмокъ, шпоръ и чашекъ...
А сверху, съ хоръ, изъ-за колоннъ
Глазѣютъ кучи замарашекъ.

XXVII.

Объ офицерахъ, господа,
Мы потолкуемъ осторожно...
(Не то разсердятся—бѣда!)
Но перечесть ихъ... Это можно.
Чувствительный артиллеристъ,
Путеецъ маленькій, невзрачный,
И пѣхотинецъ съ виду мрачный,
И пламенный кавалеристъ—
Всѣ тутъ, какъ тутъ... Но вы, кутилы,
Которымъ барышни не милы,
Гроза почтенныхъ становыхъ,

Владѣльцы троекъ удалыхъ,
И покровители цыганокъ—
Васъ не видать на тѣхъ балахъ,
Какъ не видать помадныхъ банокъ
На вашихъ окнахъ и столахъ!

XXVIII.

Превозносимый всѣмъ уѣздомъ
Домъ обольстительной вдовы
Бывалъ обрадованъ пріѣздомъ
Гостей нежданыхъ изъ Москвы.
Чиновникъ, на пути въ отцовскій
Далекій,—незабвенный кровъ—
(Спасаясь зайцемъ отъ долговъ)
Заѣдетъ... умница московскій,
Мясистый, пухлый, съ кадыкомъ,
Длинноволосый, въ кучерскомъ
Кафтанѣ, бредитъ о чертогахъ
Князей старинныхъ, о .....
Отъ шапки—мурмолки своей
Ждетъ избавленья, возрожденья—
Ѣстъ рѣдьку—западныхъ людей
Бранитъ—и пишетъ... донесенья.

XXIX.

Бывало, въ хлѣбосольный домъ
Изъ дальней сѣверной столицы
Примчится борзый левъ, и львомъ
Весьма любуются дѣвицы.
Въ деревнѣ левъ—глядишь—ручной,
Звѣрёкъ предобрый; жмуритъ глазки
И терпѣливо сноситъ ласки
Гостепріимности степной.
Въ деревнѣ—водятся должишки
За нимъ... играетъ онъ въ картишки...
Не платитъ... Но какъ разговоръ
Его любезенъ, живъ, остеръ!
Какъ онъ волочится небрежно!
Какъ онъ насмѣшливо влюбленъ!

И какъ забудетъ безмятежно
Все, чѣмъ на мигъ былъ увлеченъ!

XXX.

Но мой помѣщикъ? Не пора ли
Къ нему вернуться наконецъ?
Пока мы съ вами поболтали,
Читатель,—староста, кузнецъ,
Садовники, покинувъ тачки,
Кондитеръ, ключникъ, повара,
Мальчишки, дѣвки, кучера,
Столяръ, кухарки, даже прачки—
Вся дворня словомъ—цѣлый часъ
Справляла „ветхій тарантасъ“.
И вотъ, надѣвъ армякъ верблюжій,
На козла лѣзетъ кучеръ дюжій;
Фалеторъ сѣлъ; раздался крикъ
Ребятъ; побѣдоносно взвился
Проворный кнутъ—и шестерикъ
Передъ крыльцомъ остановился.

XXXI.

Выходитъ баринъ... цѣлый домъ
За нимъ идетъ, благоговѣя.
Безмолвно, въ шляпахъ съ галуномъ,
Надѣтыхъ криво, два лакея
Ведутъ его... Пріятель нашъ
Дѣтей цѣлуетъ,—на подножку
Заноситъ ногу; понемножку,
Кряхтя, садится въ экипажъ,
И подъ его дворянскимъ тѣломъ,
Довольно плотнымъ и дебелымъ,
Скрипятъ рессоры.—„Взятъ тюфякъ
На всякій случай? Ты, дуракъ,
Смотри подъ горку тише... Что вы
Мнѣ въ ноги положили? Стой!
Гдѣ ларчикъ?“—„Здѣсь“.—„Ну, готовы?
Пошелъ!.. Я къ вечеру домой“.

XXXII.

Уѣхалъ баринъ. Слава Богу!
Какой веселый дружный гамъ,
Какую шумную тревогу
Всѣ подняли! Спѣшитъ Адамъ
Адамычъ въ комнатку... гитару
(Подарокъ будущей жены)
Снимаетъ тихо со стѣны,
Садится, скверную сигару
Съ улыбкой куритъ... и не разъ
Изъ голубыхъ, нѣмецкихъ глазъ
Слеза бѣжитъ... и край любимый
Онъ видитъ снова, край родимый,
Далекій, милый... И, пока
Еще не высохли тѣ слезы,
Въ убитомъ сердцѣ старика
Взыграли радостныя грёзы.

XXXIII.

Помѣщикъ ѣдетъ. Легкій сонъ,
Надежный другъ людей дородныхъ,
Имъ овладѣлъ... Не видитъ онъ
Равнинъ окрестныхъ плодородныхъ.
О, Русь! Люблю твои поля,
Когда подъ яркимъ солнцемъ лѣта
Свѣтла, роскошна, вся согрѣта,
Блеститъ и нѣжится земля...
Люблю бродить въ лугу росистомъ
Весной, когда веселымъ свистомъ
И влажнымъ запахомъ полна
Степей живая тишина...
Но дворянинъ мой хладнокровно
Поля родныя проѣзжалъ;
Онъ межевалъ ихъ полюбовно,
Но безъ любви воспоминалъ

XXXIV.

О нихъ... Привычка! то ли дѣло,
Когда въ деревню какъ-нибудь

Мы попадемъ бывало... Смѣло,
Легко, безпечно дышитъ грудь...
И дорога̀ намъ воля наша,
Природа дивно хороша,
И въ каждомъ юношѣ душа
Кипитъ, какъ праздничная чаша!
Такъ что жъ? Ужели жъ тѣ года
Прошли навѣкъ и безъ слѣда?
Нѣтъ! нѣтъ! Мы сбросимъ наши цѣпи,
Вернемся снова къ вамъ, о, степи!—
И вотъ—за бѣшеныхъ коней
Отдавъ полъ-царства, даже царство—
Летимъ за тридевять полей
Въ сороковое государство!..

XXXV.

Раскинувшись на пуховыхъ
Подушкахъ, спитъ самодовольно
Помѣщикъ. Кучеръ пристяжныхъ
Стегаетъ безпощадно. Больно
Смотрѣть на тощихъ лошадей.
Фалеторъ на кобылѣ тряской,
Весь блѣдный, прыгаетъ. Со связкой
Въ рукахъ, храпитъ себѣ лакей.
Бойка дорога. Всѣ ракиты,
Какъ зимнимъ инеемъ, покрыты
Тончайшей пылью. Жарко. Вдругъ—
(Могу-ль изобразить испугъ
Помѣщика?) на поворотѣ
Ось пополамъ—и тарантасъ
(Прошу довѣриться работѣ
Домашней?..) на бокъ... вотъ-те разъ!

XXXVI.

Поднявшись медленно съ дороги,
Безъ шапки, трепетной рукой
Ощупалъ спину, носъ и ноги
Мой перепуганный герой.
Все цѣло... Кучеръ боязливо

Привсталъ... и никакихъ рѣчей
Не произнесъ... Одинъ лакей
Засуетился торопливо:
То вскочитъ самъ на облучокъ,
То вдругъ возьмется за задокъ,
То шляпу двинетъ на затылокъ...
Но какъ ни ловокъ онъ и пылокъ—
Напрасно все... что̀ дѣлать! Самъ
Помѣщикъ вовсе растерялся,
Не вѣрилъ собственнымъ глазамъ
И какъ ребенокъ улыбался.

XXXVII.

„Ахъ, чортъ возьми! Ну, что тамъ?“—Ось
Сломалась.—Баринъ для порядка
Ее потрогалъ.—„Да; хоть брось.—
Охъ, эта бестія Филатка!“—
(Филаткой звался старый плутъ
Каретникъ.) „До деревни сколько?“
— Да будетъ верстъ пяточекъ.—„Только?
Скачи за кузнецомъ... да кнутъ
Возьми...“ Но взоры въ отдаленье
Вперило хитрое творенье,
Лакей... и вдругъ онъ крикнулъ:—Э!
Къ намъ ѣдетъ барыня...—„Гдѣ? гдѣ?
Какая барыня?“—Полями,
Знать, онѣ взяли... Точно такъ.—
„Не можетъ быть!“—Смотрите сами:
Онѣ-съ...—„Ну, ну, молчи, дуракъ!“

XXXVIII.

Дѣйствительно: въ кибиткѣ длинной,
Подушками, пуховикомъ
Набитой доверху, въ старинной
Измятой шляпкѣ, съ казачкомъ,
Съ собачкой, съ дѣвкой въ казакинѣ
Суконномъ, ѣдетъ на семи
Крестьянскихъ клячахъ „chère amie“.
Своей любезной половинѣ

Пріятель нашъ едва ли радъ...
Онъ бросился впередъ, назадъ...
Имъ овладѣло безпокойство *),
Весьма естественное свойство
Иныхъ мужей, при видѣ женъ...
Кибитка стала... Дыбомъ волосъ
На немъ поднялся... слышитъ онъ
Супруги дребезжащій голосъ:

XXXIX.

„Сергѣй Петровичъ, это вы?“
—Я, матушка.—„Ахъ, мой Спаситель!
Куда жъ вы ѣхали?“—Увы!
Разочарованный сожитель
Молчитъ уныло.—„Вѣрно къ той
Вдовѣ? Ужъ эта мнѣ вострушка!
Да говорите жъ!.. Къ ней, Петрушка?“
Лакей проворно головой
Кивнулъ.—„Ахъ, старый грѣховодникъ!
Вотъ я молилась—васъ угодникъ
И наказалъ... Ну, какъ я зла!
А я вамъ просвиру везла!
Неблагодарный! Отлучиться
Нельзя мнѣ на денекъ, ей-ей...
Подвинься, Аннушка... Садиться
Извольте къ намъ—да поскорѣй“.

XL.

Покорный строгому велѣнью,
Садится мужъ. Въ его груди
Нѣтъ мѣста даже сожалѣнью...
Все замерло. Но впереди
Бѣду предвидитъ онъ. Подруга
Его когда-то молода

---

*) „Имъ овладѣло безпокойство,
Охота къ перемѣнѣ мѣстъ,
Весьма мучительное свойство...“
(Евгеній Онѣгинъ).

Была, но даже въ тѣ года
Не думала, что другъ для друга
Супруги созданы... нѣтъ! мужъ
Устроенъ для жены. Къ тому жъ
Неравный бой недолго длился:
Сергѣй Петровичъ покорился:
Теперь везетъ его домой
Она для грознаго разсчета...
Такъ ястребъ, ловкій и лихой,
Уноситъ селезня съ болота.

XLI.

Вотъ тутъ то я бъ замѣтить могъ,
Какъ все на свѣтѣ ненадежно!
Богъ случая, лукавый богъ,
Играетъ нами... Что возможно
Вчера—сегодня навсегда
Недостижимо... да мы сами
Непостоянны... за мечтами
Гоняемся... Но, господа,
Хоть я воображаю живо,
Какъ вы слѣдите терпѣливо
И добросовѣстно за нимъ,
За бѣднымъ витяземъ моимъ,
Однако—кончить не пора ли?
Боюсь, пріѣлись вамъ стихи...
За чистоту моей морали
Простите мнѣ мои грѣхи.

XLII.

Я правъ. Мои слова—не фраза
Пустая—нѣтъ! Съ *своей* женой—
Замѣтьте—подъ конецъ разсказа
Соединяется герой.
Законъ приличья, въ томъ свидѣтель
Читатель каждый, сей законъ
Священный—строго соблюденъ—
И торжествуетъ добродѣтель.

Но весело сказать себѣ:
Конецъ мучительной гоньбѣ
За риѳмами... придумать строчку
Послѣднюю, поставить точку,
Подняться медленно, легко
Вздохнуть, съ чернилами проститься—
И передъ вами глубоко,
О, мой читатель, поклониться!

АНДРЕИ.

ПОЭМА

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

„Дѣла давно минувшихъ дней.“

1.

„Начало трудно“, слышалъ я не разъ.
Да, для того, кто любитъ объясненья.
Я не таковъ,—и прямо свой разсказъ
Я начинаю—безъ приготовленья...
Рысцой пошелся смирный мой пегасъ.
Друзья, пою простыя приключенья...
Онѣ происходили вдалекѣ,
Въ уѣздномъ, одинокомъ городкѣ.

2.

Подобно всѣмъ уѣзднымъ городамъ,
Онъ правильно расположенъ; недавно
Построенъ; на горѣ соборный храмъ
Стоитъ, неконченный; дома забавно

Свихнулись на бокъ; нѣтъ конца садамъ
Фруктовымъ, огородамъ; страхъ исправно
Содержатся казенныя мѣста—
И площадь главная всегда пуста.

3.

Въ уютномъ, чистомъ домикѣ, въ одной
Изъ улицъ, называемой „Зелёной“,
Жилъ человѣкъ довольно молодой,
Въ отставкѣ, холостякъ, притомъ ученый.
Какъ водится, разумной головой
Онъ слылъ лишь потому, что видъ „мудреный“
Имѣлъ, да трубки не курилъ, молчалъ,
Не выходилъ и въ карты не игралъ,

4.

Но не было таинственности въ немъ.
Всѣ знали его чинъ, его фамилью.
Онъ года три въ Москвѣ служилъ; потомъ,
Наскучивъ должностной и прочей гилью,
Вернулся въ отчій запустѣлый домъ.
Всѣ комнаты наполненныя пылью
Нашелъ (его домашніе давно
Всѣ померли), да старое вино

5.

Въ подвалѣ, да запачканный портретъ,
Да въ кладовой два бабушкиныхъ платья.
На волѣ росъ онъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ:
Пока служилъ онъ—связи да занятья
И вспомнить ему не дали, что нѣтъ
Родной груди, которую въ объятья
Принять бы могъ онъ... Нѣтъ ея нигдѣ...
Но здѣсь, въ родимомъ и пустомъ гнѣздѣ,

6.

Ему сначала было тяжело...
Потомъ онъ полюбилъ уединенье
И думалъ самъ, что счастливъ... Но на зло
Разсудку—часто грустное томленье

Овладѣвало имъ... Его влекло
Куда-то вдаль, пока воображенье
Усталое не сложитъ пестрыхъ крылъ.
И долго послѣ, молчаливъ, унылъ

7.

Сидѣлъ онъ подъ окошкомъ. Впрочемъ, онъ,
Какъ человѣкъ безъ разочарованья,
Не слишкомъ былъ въ отчаянье влюбленъ
И не лелѣялъ своего страданья.
Начнетъ, бывало, думать... что̀ жъ? не стонъ,
Зѣвота выразитъ его мечтанья;
Скучалъ онъ, не какъ байроновъ Корсаръ,
А какъ потомокъ выходцевъ—татаръ.

8.

Скучалъ онъ—да; быть-можетъ, оттого,
Что жить въ деревнѣ скучно; что въ столицахъ
Безъ денегъ жить нельзя; что ничего
Онъ цѣлый день не дѣлалъ; что въ дѣвицахъ
Не находилъ онъ толку... Но всего
Не выскажешь никакъ—пока въ границахъ
Законности, порядка, тишины
Держаться сочинители должны.

9.

Такъ, онъ скучалъ; но молодъ былъ душой,
Неопытенъ, задумчивъ, какъ писатель,
Застѣнчивъ и чувствителенъ—большой
Чудакъ-дикарь и нѣсколько мечтатель.
Онъ занимался нехотя собой,
(Чему вы подивитесь, о, читатель!)
Не важничалъ и не бранилъ людей,
И ничего не презиралъ, ей-ей!

10.

Хотѣлъ любви, не зная самъ зачѣмъ;
Въ немъ силы разгорались молодыя...
Кипѣла кровь... Онъ отъ любви совсѣмъ
Себѣ не ждалъ *спасенья*, какъ иные

Дѣвицы да студенты. Между тѣмъ,
Мгновенья проходили золотыя—
И минуло два года,—двѣ весны...
(Весной всѣ люди чаще влюблены.)

11.

И вотъ, опять настала та пора,
Когда, на солнцѣ весело сверкая,
Капели падаютъ; когда съ утра,
По лужамъ дѣти бѣгаютъ, играя;
Когда коровъ гоняютъ со двора
И травка зеленѣетъ молодая,
И важный грачь гуляетъ по лугамъ,
И подступаетъ рѣчка къ берегамъ.

12.

Прекрасенъ русскій, теплый майскій день...
Все къ жизни возвращается тревожно;
Еще жидка трепещущая тѣнь
Березъ кудрявыхъ; вѣтеръ осторожно
Колышетъ ихъ верхушки; думать—лѣнь,
А съ губъ согнать улыбку невозможно...
И свѣжій, бѣлый ландышъ подъ кустомъ
Стыдливо заслоняется листомъ.

13.

Поѣдешь зеленями на конѣ...
Вздыхаетъ конь и тихо машетъ гривой—
И какъ листокъ, отдавшійся волнѣ,
То медленной, то вдругъ нетерпѣливой,—
Несутся мысли... Въ ясной вышинѣ
Проходятъ тучки чередой лѣнивой...
Съ деревни воробьевъ крикливый рой
Промчится... Заяцъ жмется подъ межой.

14.

И колокольня длинная въ кустахъ
Бѣлѣется... Пріятель нашъ природу
Весьма любилъ, и въ четырехъ стѣнахъ
Не могъ остаться въ ясную погоду...

Надѣлъ картузъ—и съ палкою въ рукахъ
Пѣшкомъ пустился черезъ грязь и воду...
Была въ числѣ всѣхъ улицъ лишь одна
„Дворянская“ когда-то мощена.

15.

Онъ шелъ задумчиво, повѣся носъ.
По лужицамъ ступая деликатно,
Бѣжалъ за нимъ его легавый пёсъ.
Мечтатель шелъ; томительно-пріятно
Въ немъ сердце билось—и себѣ вопросъ
Онъ задавалъ: зачѣмъ такъ непонятно,
Такъ грустно-веселъ онъ? какъ вдругъ одинъ
Знакомецъ, неслужащій дворянинъ,

16.

Нагналъ его. „Андрей Ильичъ! куда-съ?“
— Гуляю такъ; а вы?—„Гуляю тоже.
Вообразите—не узналъ я васъ!
Гляжу, гляжу... да кто жъ это, мой Боже!
Ужъ по собакѣ догадался—да-съ!
А слышали вы—городничій?“—Что же
Съ нимъ сдѣлалось?—„Да съ нимъ-то ничего,
Жену свою прибилъ онъ за того

17.

Гусарчика—вы знаете“...—Я? Нѣтъ!—
„Не знаете? Ну, какъ же вамъ не стыдно?
Такой пріятный въ обществѣ, брюнетъ.
Вотъ онъ понравился—другимъ завидно—
Послали письмецо, да весь секретъ
И разгласили... Кстати, намъ обидно
Съ женой, что не зайдете никогда
Вы къ намъ; а жили, помнится, всегда

18.

Мы съ вашимъ батюшкой въ большомъ ладу“.
— А развѣ есть у васъ жена?—„Прекрасно!
Хорошъ пріятель, признаюсь! Пойду
Всѣмъ разскажу...“—Не гнѣвайтесь напрасно.

(Ну, думалъ онъ:—попался я въ бѣду.)—
„Не гнѣваться? Нѣтъ, я сердитъ ужасно...
И если вы хотите, чтобъ я васъ
Простилъ совсѣмъ, пойдемте къ намъ сейчасъ“.

19.

—Извольте... но нельзя жъ такъ... „Безъ хлопотъ!“
Они пошли подъ-ручку мимо праздныхъ
Мѣщанскихъ бабъ и дѣвокъ, у воротъ
Усѣвшихся на лавкахъ, мимо разныхъ
Заборовъ, кузницъ, домиковъ... И вотъ,
Передъ однимъ изъ самыхъ безобразныхъ
Домовъ остановилися.—„Здѣсь я
Живу“,—сказалъ знакомецъ:—„а судья

20.

Живетъ вонъ тамъ, подальше. Вечеркомъ
Играемъ мы въ картишки: засѣдатель,
Онъ, я да Гуръ Миняичъ, вчетверомъ“.
Они вошли и закричалъ пріятель
Андрея: „Эй! жена! смотри, кто въ домъ
Ко мнѣ зашелъ—твой новый обожатель...
(Не правда что̀ ли?) вотъ, сударь, она,
Авдотья Павловна, моя жена“.

21.

Ея лицо зардѣлось ярко вдругъ
При видѣ незнакомаго... Стыдливо
Она присѣла... Радостный супругъ
Расшаркался... За стулья боязливо
Она взялась... Ея нѣмой испугъ
Смутилъ Андрея. Сѣлъ онъ молчаливо
И внутренно себя бранилъ—и, взоръ
Склонивъ, упрямо началъ разговоръ.

22.

Но вотъ, пока зашла межъ ними рѣчь
О томъ, что людямъ нужно развлеченье
И что здоровье надобно беречь,
Взглянувши на нее, въ одно мгновенье

Замѣтилъ онъ блестящихъ, бѣлыхъ плечъ
Роскошный очеркъ, легкое движенье
Груди, зубовъ-жемчужинъ ровный рядъ
И кроткій, нѣсколько-печальный взглядъ.

23.

Замѣтилъ онъ еще вдоль алыхъ щекъ
Двѣ кудри шелковистыя да руки
Прекрасныя... Звенящій голосокъ
Ея хранилъ плѣнительные звуки
Младенчества—какъ говорятъ—пушокъ.
А за двадцать ей было... Пользу скуки
Кто можетъ отрицать? Она, какъ ледъ,
Отъ порчи сберегаетъ нашъ народъ.

24.

Пока въ невинности души своей
Любуется нашъ юноша стыдливый
Чужой женой, мы поспѣшимъ о ней
Отдать отчетъ подробный, справедливый
Читателямъ. (Ея супругъ, Ѳаддей
Сергѣичъ, былъ разсѣянный, лѣнивый,
Довѣрчивый, прекрасный человѣкъ...
Да кто жъ и золъ въ нашъ равнодушный вѣкъ?)

25.

Она росла печальной сиротой;
Воспитана была на счетъ казенный...
Потомъ попала къ тетушкѣ глухой,
Сносила нравъ ея неугомонный,
Ходила въ лѣтнемъ платьицѣ зимой—
И разливала чай... Но бракъ законный
Освободилъ несчастную: чепецъ
Она сама надѣла наконецъ;

26.

Но барыней не сдѣлалась. Притомъ,
Авдотья Павловна, какъ институтка,
Гостей дичилась, плакала тайкомъ
Надъ пошленькимъ романомъ; часто шутка

Ее пугала... Но въ порядкѣ домъ
Она держала; здраваго разсудка
Въ ней было много; мужа своего
Она любила болѣе всего.

27.

Но, какъ огонь таится подъ золой,
Подъ снѣгомъ лава, подъ листочкомъ розы
Колючій шипъ, подъ бархатной травой
Лукавый змѣй, и подъ улыбкой слезы—
Такъ, можетъ-быть, и въ сердцѣ молодой
Жены таились пагубныя грёзы...
Мы посвящаемъ этотъ оборотъ
Любителямъ классическихъ остротъ.

28.

Но все жъ она любила мужа; да,
Какъ любятъ дѣти:—кротко, безъ волненій,
Безъ ревности, безъ тайнаго стыда,
Безъ тѣхъ безумныхъ, горькихъ сожалѣній
И помысловъ, которымъ иногда
Предаться совѣстно, безъ подозрѣній,
Безо всего, чѣмъ дерзостную власть
Свою не разъ обозначала страсть.

29.

Но не была за то знакома ей
Восторговъ нескончаемыхъ отрада,
Тоска блаженства... правда; но страстей
Бояться должно: самая награда
Не стòитъ жертвы, какъ игра свѣчей...
Свирѣпый, буйный грохотъ водопада
Насъ оглушаетъ... Вообще, всегда
Пріятнѣе стоячая вода.

30.

И если грусть ей въ душу какъ-нибудь
Закрадывалась—это мы бѣдою
Не назовемъ... Вѣдь ей же хуже, будь
Она всегда, всегда своей судьбою

Довольна... Грустно ей, заноетъ грудь
И взоръ заблещетъ томною слезою—
Она къ окошку подойдетъ, слегка
Вздохнетъ да поглядитъ на облака,

31.

На церковь старую, на низкій домъ
Сосѣда, на высокіе заборы,
За фортепьяно сядетъ... Все кругомъ
Какъ будто дремлетъ... Слышны разговоры
Служанокъ; на стѣнѣ подъ потолкомъ
Играетъ солнце; голубыя шторы
Сквозятъ; надувшись весь, ручной
Снѣгирь свиститъ, и пахнетъ резедой

32.

Вся комната... Поетъ она—сперва
Какой-нибудь романсъ сентиментальный,
Звучатъ уныло страстныя слова;
Потомъ она сыграетъ погребальный
Извѣстный маршъ Бетховена... Но два
Часа пробило; ждетъ патріархальный
Обѣдъ ее; супругъ, жену любя,
Кричитъ: „уха простынетъ безъ тебя“.

33.

Такъ жизнь ея текла. Въ чужихъ домахъ
Она бывала рѣдко; со слезами
Ѣзжала въ гости, чувствовала страхъ,
Когда съ высокопарными рѣчами
Уѣздный франтъ въ нафабренныхъ усахъ
Къ ней подходилъ бочкомъ, кося глазами...
Свой домъ она любила, какъ сурокъ
Свою нору—свой „home“, свой уголокъ.

34.

Андрей понравился сосѣдямъ. Онъ
Сидѣлъ у нихъ довольно долго; въ споры
Пускался; словомъ, въ духѣ былъ, уменъ,
Любезенъ, веселъ... И, хотя въ узоры

Канвы совсѣмъ, казалось, погруженъ
Былъ умъ хозяйки,—медленные взоры
Ея большихъ и любопытныхъ глазъ
На немъ остановились,—и не разъ.

35.

Межъ тѣмъ, настала ночь. Пришелъ Андрей
Ильичъ домой въ большомъ недоумѣньи.
Сквозь зубы напѣвалъ онъ: „Соловей
Мой, соловей!“—и цѣлый часъ въ волненьи
Ходилъ одинъ по комнатѣ своей.
Не много было складу въ этомъ пѣньи,
И песъ его, весьма разумный скотъ,
Глядѣлъ на барина разиня ротъ.

36.

Увы! всѣмъ людямъ, видно, суждено
Узнать, какъ говорится, „жизни бремя“.
Мы ничего пока не скажемъ... Но
Посмотримъ, что-то намъ откроетъ время?
Когда на свѣтъ выходитъ листъ—давно
Въ землѣ нагрѣтой созрѣвало сѣмя...
Тоскливая, мечтательная лѣнь
Андреемъ овладѣла въ этотъ день.

37.

Съ начала самаго любовь должна
Расти неслышно—какъ во снѣ глубокомъ
Дитя растетъ... огласка ей вредна:
Какъ юный грибъ, открытый зоркимъ окомъ,
Замретъ, завянетъ, пропадетъ она...
Потомъ,—ее вы можете съ потокомъ
Сравнить—съ огнемъ, и съ лавой, и съ грозой,
И вообще со всякой чепухой.

38.

Но первый страхъ и трепетъ сердца, стукъ
Его внезапный, первое страданье
Отрадно-грустное, какъ первый звукъ
Печальной пѣсни, первое желанье,

Когда въ огнѣ нежданныхъ слезъ и мукъ
Съ испугомъ просыпается сознанье,
И вся душа заражена тоской...
Какъ это все прекрасно, Боже мой!

39.

Андрей къ сосѣдямъ сталъ ходить. Они
Его ласкали; малый былъ онъ смирный,
Имъ по плечу; радушьемъ искони
Славяне славятся; къ ихъ жизни мирной
Привыкъ онъ скоро самъ. Летѣли дни;
Онъ рано приходилъ, глоталъ ихъ жирный
Обѣдъ, пилъ жидкій чай, а вечеркомъ,
Пока супругъ за ломбернымъ столомъ

40.

Сражался, съ ней сидѣлъ онъ по часамъ...
И говорилъ охотно, съ убѣжденьемъ
И даже съ жаромъ. Часто былъ онъ самъ
Проникнутъ добродушнымъ удивленіемъ:
Кто вдругъ освободилъ его? рѣчамъ
Далъ звукъ и силу?—Впрочемъ, „откровеньемъ“
Она не величала тѣхъ рѣчей...
Языкъ новѣйшій незнакомъ былъ ей;

41.

Нѣтъ,—но при немъ овладѣвало вдругъ
Ея душой веселое вниманье...
Андрей сталъ нуженъ ей, какъ добрый другъ,
Какъ братъ... Онъ понималъ ея мечтанье,
Онъ раздѣлять умѣлъ ея досугъ
И вызывать малѣйшее желанье...
Она могла болтать, молчать при немъ...
Имъ было хорошо, тепло вдвоемъ.

42.

И сталъ онъ тихъ и кротокъ, какъ дитя
Въ обновкѣ: наслаждался безъ оглядки;
Андрей себя не вопрошалъ, хотя
Въ немъ изрѣдка пугливыя догадки

Рождались... Онъ душилъ ихъ, жилъ шутя.
Такъ первыя таинственныя взятки,
Съ стыдливостью соединивъ разсчетъ,
Чиновникъ безсознательно беретъ.

43.

Они гуляли много по лугамъ
И въ рощѣ (мужъ, кряхтя, тащился слѣдомъ),
Читали Пушкина по вечерамъ,
Играли въ шахматы передъ обѣдомъ,
Иль, волю давъ лукавымъ языкамъ,
Смѣялись потихоньку надъ сосѣдомъ...
Иль иногда разсказывалъ Андрей
О службѣ занимательной своей.

44.

Тогда, какъ струйки мелкія рѣки
У камышей, на солнцѣ, въ неглубокихъ
Мѣстахъ, иль какъ тѣ свѣтлые кружки
Въ тѣни густыхъ дубовъ и липъ широкихъ,
Когда затихнетъ вѣтеръ, а листки
Едва трепещутъ на сучкахъ высокихъ—
По тонкимъ губкамъ Дуни молодой
Улыбки пробѣгали чередой.

45.

Они смѣялись часто... Но потомъ
Весьма грустить и горевать умѣли
И въ небо возноситься... Подъ окномъ
Они тогда задумчиво сидѣли,
Мечтали, жили, думали вдвоемъ,
И молча содрогались и блѣднѣли—
И тихо воцарялся въ ихъ сердцахъ
Такъ-называемый „священный страхъ“.

46.

Смѣшно глядѣть на круглую луну;
Смѣшно вздыхать—и часто, цѣпенѣя
Отъ холода, ночную тишину
„Пить, жадно пить“—блаженствуя, нѣмѣя...

Зѣвать—и прозаическому сну
Противиться, затѣмъ, что съ Эмпирея
Слетаютъ поэтическіе сны...
Но кто жъ не грѣшенъ съ этой стороны?

47.

Да, много такъ погибло вечеровъ
Для нихъ; но то̀, что̀ въ нихъ тогда звучало,
То былъ любви невольный, первый зовъ...
Но то, что̀ сердце въ небесахъ искало,
Что̀ выразить не находили словъ—
Такъ близко, рядомъ, подъ бокомъ дышало...
Блаженство не въ эѳирѣ... Впрочемъ, кровь
Заговоритъ, когда молчитъ любовь.

48.

Проворно зрѣетъ запрещенный плодъ.
Андрей сталъ грустенъ, молчаливъ и странен
(Влюбленные—весьма смѣшной народъ!),
И смыслъ его рѣчей бывалъ туманенъ...
Извѣстно: труденъ каждый переходъ.
Нашъ бѣдный другъ былъ прямо въ сердце раненъ...
Она съ нимъ часто ссорилась... Она
Была сама смертельно влюблена.

49.

Но мы сказать не смѣемъ сколько дней,
Недѣль, годовъ, десятковъ лѣтъ, волненья
Такія продолжаться въ немъ и въ ней
Могли бы, если бъ случай,—безъ сомнѣнья,
Первѣйшій другъ неопытныхъ людей,—
Не прекратилъ напраснаго томленья...
Однажды мужъ уѣхалъ, а жена
Осталась дома, какъ всегда, одна.

50.

Работу на колѣни уронивъ,
Тихонько на груди скрестивши руки
И голову немножко наклонивъ,
Она сидитъ подъ обаяньемъ скуки.

И взоръ ея спокоенъ и лѣнивъ,
И на губахъ давно затихли звуки...
А сердце—то расширится, то вновь
Задремлетъ... По щекамъ играетъ кровь.

51.

Но мысли не высокой предана
Ея душа; напротивъ, просто „вздоромъ“,
Какъ люди говорятъ, она полна...
Улыбкой грустной, безпокойнымъ взоромъ,
Котораго вчера понять она
Еще не смѣла, длиннымъ разговоромъ
И тѣмъ, что̀ выразить нельзя перомъ...
Знакомый шагъ раздался подъ окномъ.

52.

И вдругъ,—самъ бѣсъ не скажетъ почему—
Ей стало страшно, страшно до рыданій.
Боялася она, что ль, дать ему
Въ ея чертахъ найти слѣды мечтаній
Недавнихъ... Но въ таинственную тьму
Чужой души мы нашихъ изысканій
Не будемъ простирать. Прекрасный полъ,
Источникъ нашихъ благъ и нашихъ золъ,

53.

Не всѣмъ дается въ руки, словно кладъ,
Зарытый хитрой вѣдьмой. Молчаливо
Она вскочила, черезъ сѣни въ садъ
Бѣжитъ... въ ней сердце бьется торопливо...
Но, какъ испуганная лань, назадъ
Приходитъ любопытно, боязливо,
И слушаетъ, и смотритъ, и стрѣлка
Не видитъ—такъ, на цыпочкахъ, слегка,

54.

Она дошла до комнаты своей...
И съ легкой, замирающей улыбкой,
Вся розовая, къ скважинѣ дверей
Нагнула станъ затянутый и гибкой.

Концы ея разсыпанныхъ кудрей
Колышатся плѣнительно на зыбкой
Груди... Подъ черной бровью черный глазъ
Сверкаетъ ярко, какъ живой алмазъ...

55.

Она глядитъ—безмолвно ходитъ онъ.
Какъ виденъ ясно слѣдъ нѣмой заботы
И грусти на его лицѣ!.. Влюбленъ
Андрей. На фортепьянахъ двѣ-три ноты
Небрежно взялъ онъ. Слабый, робкій звонъ
Возникъ и замеръ. Вотъ—ея работы
Разсматривать онъ началъ... Тамъ въ углѣ
Она платокъ забыла на столѣ.

56.

И жадно вдругъ къ нему приникъ Андрей
Губами—крѣпко, крѣпко стиснулъ руки.
Движенья головы его, плечей
Изобличали силу тайной муки...
Дуняша вся затрепетала... Въ ней,
Какъ дружные, торжественные звуки
Среди равнинъ печальныхъ и нагихъ,—
Любовь заговорила въ этотъ мигъ.

57.

Ей все понятно стало. Яркій свѣтъ
Вдругъ озарилъ ея разсудокъ. Страстно
Они другъ друга любятъ... въ этомъ нѣтъ
Теперь уже сомнѣній... Какъ прекрасно
Блаженства ждать и вѣрить съ раннихъ лѣтъ
Въ любовь, и ждать и вѣрить не напрасно,
И тихо, чуть дыша, себѣ сказать:
Я счастливъ—и не знаю что̀ желать!

58.

Какъ весело горѣть такимъ огнемъ!
Но тяжело терять напрасно годы,
Жить завтрашнимъ или вчерашнимъ днемъ,
И счастья ждать, какъ узники—свободы...

Упорно, какъ они, мечтать о немъ
И въ безотвѣтныхъ красотахъ природы
Искать того, чего въ ней нѣтъ: другой
Души, любимой, преданной, родной.

59.

Въ Дуняшѣ кровь вся къ сердцу прилила,
Потомъ къ лицу. Такъ хорошо, такъ больно
Ей стало вдругъ... Бѣдняжка не могла
Вздохнуть, какъ бы хотѣлось ей, довольно
Глубоко... Кое-какъ она дошла
До стула... Слезы сладкія невольно,
Внезапно хлынули ручьемъ изъ глазъ
Ея... Такъ плачутъ въ жизни только разъ!

60.

Она не вспомнила, что никогда
Съ Андреемъ ей не жить, что не свободна
Она, что страсти слушаться—бѣда...
И что такая страсть или безплодна,
Или преступна... Женщина всегда
Въ любви такъ безкорыстно-благородна...
И предаются смѣло, до конца,
Одни простыя женскія сердца.

61.

Дуняша плакала... Но вотъ Андрей,
Услышавъ легкій шумъ ея рыданья,
Дверь отворилъ и съ изумленьемъ къ ней
Приблизился... Вопросы, восклицанья
Его такъ нѣжны были, звукъ рѣчей
Дышалъ такимъ избыткомъ состраданья...
Сквозь слезы, не сказавши ничего,
Дуняша посмотрѣла на него.

62.

Что̀ было въ этомъ взглядѣ, Боже мой!
Глубокая, довѣрчивая нѣжность,
Любовь и благодарность, и покой
Блаженства, преданность и безмятежность,

И кроткій блескъ веселости нѣмой,
Усталость и стыдливая небрежность,
И томный жаръ, пылающій едва...
Досадно—недостаточны слова.

63.

Андрей не понялъ ровно ничего,
Но чувствовалъ, что грудь его готова
Внезапно разорваться—до того
Въ ней сердце вдругъ забилось. Два-три слова
Съ усильемъ произнесъ онъ... На него
Дуняша робко посмотрѣла снова,
Задумалась и, не желая зла,
Ему тихонько руку подала.

64.

Онъ все боялся вѣрить... Но потомъ
Вдругъ поблѣднѣлъ... лицо закрылъ руками
И тихо наклонился весь, въ нѣмомъ
Восторгѣ... Быстро, крупными слезами
Его глаза наполнились... О чемъ
Онъ думалъ—также выразить словами
Нельзя... Намъ хорошо, когда втупикъ
Приходитъ описательный языкъ.

65.

Она молчала... и молчалъ онъ самъ,
О! то, что̀ въ это дивное мгновенье
Ихъ полнымъ, замирающимъ сердцамъ
Одну давало жизнь, одно біенье,—
Любовь едва рѣшается рѣчамъ
Себя довѣрить... Нужно ль объясненье
Того, что̀ несомнѣннѣй и яснѣй
(Смотри Шекспира) солнечныхъ лучей?

66.

Онъ руку милую держалъ въ рукахъ
Похолодѣвшихъ; слабыя колѣни
Дрожа подъ нимъ сгибались... а въ глазахъ,
Полузакрытыхъ, пробѣгали тѣни.

Онъ задыхался... Между тѣмъ, о страхъ!
Ѳаддей (супругъ) входилъ въ пустыя сѣни...
Извѣстно вамъ, читатели-друзья,
Всегда приходятъ вò-время мужья.

67.

„Я голоденъ“, сказалъ онъ важно, вдругъ
Шагнувши въ комнату. Дуняша разомъ
Исчезла; нашъ Андрей, нашъ бѣдный другъ,
(Коварный другъ!) глядѣлъ не то Фоблазомъ,
Не то Маниловымъ; одинъ супругъ
Приличье сохранилъ и даже глазомъ
Не шевельнулъ, не возопилъ „о-го!“
Какъ мужъ,—онъ не замѣтилъ ничего.

68.

Андрей пробормоталъ несвязный вздоръ,
Болѣзненно зѣвнулъ, сталъ какъ-то бокомъ,
Затѣялъ-было странный разговоръ
О Турціи, гонимой злобнымъ рокомъ,—
И наконецъ, поднявши къ небу взоръ,
Ушелъ. Въ недоумѣніи глубокомъ
Воскликнулъ мужъ пріятелю во слѣдъ:
„Куда же вы? Сейчасъ готовъ обѣдъ“.

69.

Андрею не до кушанья. Домой
Онъ прибѣжалъ и кинулся на шею
Сперва къ хозяйкѣ старой и кривой,
Потомъ къ оторопѣлому лакею,
Потомъ къ собакѣ. Съ радостью большой
Онъ далъ бы руку своему злодѣю
Теперь... Онъ былъ любимъ! онъ былъ любимъ!
Кто могъ, о небеса, сравниться съ нимъ?

70.

Андрей блаженствовалъ... Но скоро въ немъ
Другое чувство пробудилось. Странно!
Онъ поглядѣлъ задумчиво кругомъ...
Ему такъ грустно стало, несказанно,

Глубоко-грустно. Вспомнилъ онъ о томъ,
Что̀ въ головѣ его не разъ туманно
Мелькало... Но теперь гроза бѣдой,
Неотразимой, близкой, роковой

71.

Ему представилась. Еще вчера
Не разбиралъ онъ собственныхъ желаній
При ней онъ былъ такъ счастливъ... и съ утра
Тоской нѣмыхъ, несбыточныхъ мечтаній
Томился... Но теперь—прошла пора
Блаженства безотчетнаго, страданій
Ребяческихъ... Не возвратится вновь
Прошедшее... Андрей узналъ любовь!

72.

И все предвидѣлъ онъ: позоръ борьбы,
Позоръ обмана, дни тревогъ и скуки,
Упрямство непреклонное судьбы,
И горькія томленія разлуки,
И страхъ, и все, чѣмъ прокляты рабы...
И то, что̀ хуже—хуже всякой муки:
Живучесть пошлости. Она сильна,
Ей наша жизнь давно покорена.

73.

Онъ не шутя любилъ, не даромъ... Онъ,
Въ нашъ вѣкъ софизмовъ, вѣкъ самолюбивый,
Прямымъ и добрымъ малымъ былъ рожденъ.
Ему дала природа не кичливый,
Но ясный умъ; онъ уважалъ законъ
И собственность чужую... Молчаливый,
Растроганный, онъ медленно лицо
Склонилъ и тихо вышелъ на крыльцо.

74.

На шаткую ступеньку сѣлъ Андрей.
Осенній вечеръ обагрялъ сіяньемъ
Кресты да стѣны бѣлыя церквей.
Болтливымъ, свѣжимъ, долгимъ трепетаньемъ

Въ саду трепещутъ кончики вѣтвей.
Струями разливается съ молчаньемъ
Вечернимъ—слабый запахъ. Кроткій свѣтъ
Румянитъ облака свинцовый цвѣтъ.

75.

Садится солнце. Воздухъ дивно-тихъ
И вздрагиваетъ вѣтеръ, словно сонный.
Окошки темныхъ домиковъ на мигъ
Зардѣлись и погасли. Отягченный
Росой внезапной, стынетъ лугъ. Затихъ
Весь необъятный міръ. И благовонный,
Прозрачный паръ понесся въ вышину...
И небо ждетъ холодную луну.

76.

Вотъ замелькали звѣзды... Боже мой!
Какъ равнодушна, какъ нѣма природа!
Какъ тягостны стремительной, живой
Душѣ—ея законная свобода,
Ея порядокъ, вѣчность и покой!
Но часто, послѣ прожитаго года
Въ томительной, мучительной борьбѣ,
Природа, позавидуешь тебѣ!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1.

Прошло шесть мѣсяцевъ. Зима лихая
Прошла; явилась ясная весна.
Среди полей взыграла голубая,
Веселая, свободная волна.
Уже пробилась почка молодая
И дрогнула нѣмая глубина...
Здоровая земля блеститъ и дышитъ,
И млѣетъ, и зародышами пышетъ.

2.

А нашъ Андрей? Наружной перемѣны
Въ его судьбѣ не замѣчаемъ мы.
Попрежнему, къ сосѣду, послѣ сцены
Съ его женой—въ теченьи всей зимы
Ходилъ онъ... „Тѣ же люди, тѣ же стѣны,
Все то же, стало-быть...“ Вотъ какъ умы
Поверхностные судятъ большей частью...
Но мы глубокомысленны по счастью.

3.

Любовь рождается въ одно мгновенье—
И долго развивается потомъ.
Съ ней борется лукавое сомнѣнье;
Она растетъ и крѣпнетъ—но съ трудомъ...
И лишь тогда послѣднее значенье
Ея вполнѣ мы наконецъ поймемъ,
Когда въ себѣ безжалостно погубимъ
Упрямый эгоизмъ, или разлюбимъ.

4.

Андрей былъ слишкомъ юнъ и простодушенъ...
И разлюбить не думалъ и не могъ.
Онъ чувствовалъ, что миръ его нарушенъ—
И тайный жаръ его томилъ и жёгъ.
Онъ былъ судьбѣ задумчиво-послушенъ,
Къ себѣ же строгъ, неумолимо-строгъ...
Онъ уважалъ то, что̀ любилъ... А нынѣ
Не вѣрятъ люди собственной святынѣ.

5.

Сперва знакомцамъ нашимъ было ново
Ихъ положенье... Но хоть иногда
Признанье было вырваться готово—
Оно не высказалось никогда.
Они какъ будто дали себѣ слово
Прошедшее забыть... и навсегда...
И слово то держали свято, твердо,
И другъ во друга вѣровали гордо.

6.

Но то, надъ чѣмъ не властны мы до гроба:
Улыбка, вздохъ невольный, взоръ нѣмой—
Имъ измѣняли часто... Впрочемъ, оба
Не пользовались слабостью чужой;
И даже подозрительная злоба
Въ ихъ жизни дѣтски-честной и прямой
Не замѣчала пятенъ (чтобы чуда
Въ томъ не нашли—прибавимъ мы: покуда).

7.

Попрежнему, затѣйливо, проворно
Въ бесѣдахъ проходили вечера.
Они смѣялись такъ же непритворно...
Но если мужъ уѣхать со двора
Хотѣлъ—ему противились упорно,
И раньше говорили: „спать пора“.
И рѣже предавались тѣмъ неяснымъ,
Мечтательнымъ порывамъ, столь опаснымъ.

8.

Все такъ... Но каждый принималъ участье
Во всемъ, что̀ думалъ и желалъ другой.
И не совсѣмъ ихъ позабыло счастье:
Такъ иногда надъ тучей грозовой,
Когда шумитъ сердитое ненастье,
Откроется внезапно золотой
Клочокъ небесъ—и лучъ косой, широкій
Сквозь частый дождь освѣтитъ лѣсъ далекій.

9.

Какъ выразить ихъ тайную тревогу,
Когда, на время быстрое пеня,
Они шли тихо, нехотя къ порогу
И разставались до другого дня?
Андрей пускался медленно въ дорогу
И, голову печально наклоня,
Шагалъ, шагалъ такъ мѣрно, такъ уныло...
А сердце въ немъ тогда рвалось и ныло.

10.

Но Боссюэтъ сказалъ: „всему земному
Командуется: маршъ!“ и человѣкъ,
Владыко міра, ничему живому
Сказать не можетъ: стой вотъ здѣсь навѣкъ!
Черезъ равнины къ морю голубому,
Далекому—стремятся воды рѣкъ...
И мчится жизнь, играя на просторѣ,
Въ далекое, таинственное море.

11.

Не только кучерамъ, но всѣмъ извѣстно,
Что подъ гору сдержаться тяжело.
Андрей боролся совѣстливо, честно;
Но время шло, безъ остановки шло...
Великодушье часто несовмѣстно
Съ любовью... Что жъ тутъ дѣлать? И на зло
Отличнѣйшимъ намѣреньямъ, какъ дѣти,
Мы падаемъ въ разставленныя сѣти.

12.

Андрей любилъ, но жертвовать собою
Умѣлъ; отдался весь—и навсегда.
Онъ за нее гордился чистотою
Ея души, не вѣдавшей стыда.
Какъ? Ей склониться молча головою
Предъ кѣмъ-нибудь на свѣтѣ?.. Никогда!
Узнать волненье робости позорной?
Унизиться до радости притворной?

13.

Предать ее на судъ толпы досужной?
Лишиться права презирать судьбу
И сдѣлать изъ жены—рабы наружной,
Нѣмую, добровольную рабу?
О, нѣтъ! Душѣ слабѣющей, недужной,
Но давшей слово выдержать борьбу—
Что надо? Добродѣтель и терпѣнье?
Нѣтъ—гордость и холодное презрѣнье.

14.

А если вамъ даны другія силы,
И сердце ваше, жадное страстей,
Не чувствуетъ того, чѣмъ сердцу милы
Дозволенныя радости людей,—
Живите на свободѣ... до могилы
Не признавайте никакихъ цѣпей...
Могущество спокойнаго сознанья
Васъ не допуститъ даже до страданья.

15.

Андрей героемъ не былъ... и напрасно
Страдать—свободы ради—нашъ чудакъ
Не сталъ бы; но, какъ честный малый, ясно
Онъ понималъ, что невозможно *такъ*
Имъ оставаться; что молчать—опасно;
Что надобно бѣдѣ помочь... Но какъ?
Объ этомъ часто, долго, принужденно
Онъ думалъ и терялся совершенно.

16.

Имъ овладѣло горькое сомнѣнье,
И въ тишинѣ томительной ночей
Безсонныхъ—въ немъ печальное рѣшенье
Созрѣло наконецъ; онъ долженъ съ ней
Разстаться... съ ней... О, новое мученье!
О, скорбь! о, безотрадный мракъ! Андрей
Предался грусти страшной, безнадежной,
Какъ будто передъ смертью неизбѣжной.

17.

Во всемъ признаться... не сказавши слова,
Уѣхать—и въ почтительномъ письмѣ
Растолковать... Но женщина готова
Всегда подозрѣвать обманъ... Въ умѣ
Несчастнаго предположенья снова
Мѣшались, путались... Въ унылой тьмѣ
Бродилъ онъ... Небольшое приключенье
Внезапно разрѣшило затрудненье.

18.

Въ Саратовѣ, спокойно, беззаботно,
Помѣщикъ одинокій, безъ дѣтей—
Андрея дядя—здравствовалъ; но, плотно
Покушавши копченыхъ карасей,
Скончался. Смерть мы всѣ клянемъ охотно,
А смерти былъ обязанъ нашъ Андрей
Имѣньемъ округленнымъ и доходнымъ,
Да, сверхъ того, предлогомъ превосходнымъ

19.

Къ отъѣзду... Пять-шесть дней въ тоскѣ понятной
Провелъ онъ... Вотъ однажды, за столомъ,
Съ безпечностью совсѣмъ невѣроятной,
Играя лихорадочно ножомъ,
Онъ къ новости довольно непріятной
Сосѣдей приготовилъ... а потомъ
Отрывисто, ни на кого не глядя,
Сказалъ: „Я долженъ ѣхать Умеръ дядя“.

20.

Супругъ отвѣтствовалъ однимъ мычаньемъ
(Онъ кушалъ жирный блинъ); его жена
На гостя съ изумленнымъ восклицаньемъ
Глядитъ... Она взволнованна, блѣдна...
Внезапно пораженное страданьемъ
Въ ней сердце дрогнуло... Но вотъ она
Опомнилась... и, медленно краснѣя,
Съ испугомъ, молча, слушаетъ Андрея.

21.

„Вашъ дядюшка скончался?“—Да-съ.—„Я съ дѣтства
Его зналъ... я знаю цѣлый свѣтъ.
Позвольте... Вы теперь насчетъ наслѣдства?“
—Да-съ.—„Ну, ступайте съ Богомъ—мой совѣтъ.
Жаль, жаль лишиться вашего сосѣдства...
Но, дѣлать нѣчего. Надолго?“—Нѣтъ...
О, нѣтъ... я не надолго... нѣтъ... И трепетъ
Остановилъ его смущенный лепетъ.

22.

Дуняша смотритъ на него... Разлуку
Онъ имъ пророчитъ... но на сколько дней?
Зачѣмъ онъ ѣдетъ? Радость или муку
Что̀, что̀ скрываетъ онъ? Зачѣмъ онъ съ ней
Такъ холоденъ? Зачѣмъ внезапно руку
По мрачному лицу провелъ Андрей?
Зачѣмъ ея пытающаго взора
Онъ избѣгалъ, какъ бы страшась укора?

23.

Она разгнѣвалась. Передъ слезами
Всегда сердиты женщины. Слегка
Кусая губы, ласково глазами
Прищурилась она... да бѣдняка
Насмѣшками, намеками, словцами
Терзала цѣлый Божій день—пока
Онъ изъ терпѣнья вышелъ не на шутку...
Дуняшѣ стало легче—на минутку.

24.

Но вечеромъ, когда то раздраженье
Смѣнила постепенно тишина—
Нѣмую грусть, унылое смущенье,
Усталый взглядъ Андрея вдругъ она
Замѣтила... Невольно сожалѣнье
Въ ея душѣ проснулось, и, полна
Раскаянья, Дуняша молчаливо
По комнатѣ прошлась, и боязливо

25.

Къ нему подсѣла. Взоръ ея привѣтно
Сіялъ; лицо дышало добротой.
„Андрей, зачѣмъ вы ѣдете?“—Замѣтно
Дрожалъ неровный голосъ. Головой
Поникъ онъ безнадежно, безотвѣтно,
Хотѣлъ заговорить, махнулъ рукой,
Взглянулъ украдкой на нее, блѣднѣя...
И поняла Дуняша взглядъ Андрея.

26.

Она сидѣла молча, замирая,
Съ закрытыми глазами. Передъ ней
Вся будущность угрюмая, пустая,
Мгновенно развернулась... И, со всей
Собравшись силой, медленно вставая,
Она сказала шопотомъ: „Андрей,
Я понимаю васъ... Вы не лукавы...
Я благодарна вамъ... Вы правы... правы!“

27.

Его рука, дрожа, сыскала руку
Дуняши... Разставаясь навсегда
Въ послѣдній разъ, на горькую разлуку
Пожалъ онъ руку милую тогда.
Не передавъ измѣнчивому звуку
Своей тоски—но страха, но стыда
Не чувствуя—проворными шагами
Онъ вышелъ—и залился вдругъ слезами.

28.

О, чувство долга! Сколько наслажденій
(Духовныхъ, разумѣется) тобой
Дается намъ въ замѣну треволненій
Ничтожной, пошлой радости земной!
Но, по причинѣ разныхъ затрудненій,
По слабости, все мѣшкалъ нашъ герой,
Пока насталъ, къ тоскѣ дворянъ уѣзда
Бобковскаго, печальный день отъѣзда.

29.

Андрей съ утра въ унылую тревогу
Весь погрузился; дѣдовскій рыдванъ
Кряхтя придвинулъ къ самому порогу,
Набилъ и заперъ толстый чемоданъ;
Все бормоталъ: „тѣмъ лучше, слава Богу“—
И сапоги запихивалъ въ карманъ...
Людей томитъ и мучитъ разставанье,
Какъ никогда не радуетъ свиданье.

30.

Потомъ онъ началъ ящики пустые
Съ великимъ шумомъ выдвигать; въ одномъ
Изъ нихъ нашелъ онъ ленточки,—нѣмые
Свидѣтели прошедшаго... Потомъ
Онъ вышелъ въ садъ, и листики сырые
Надъ нимъ шумѣли грустно. Старый домъ
Какъ-будто тоже горевалъ, забвенье
Предчувствуя да скорое паденье.

31.

Съ тяжелымъ сердцемъ къ доброму сосѣду
Андрей поплелся; но не тотчасъ онъ
Къ нему пришелъ и не попалъ къ обѣду.
Уже гудѣлъ вечерній, тяжкій звонъ.
„А! здравствуйте! Вы ѣдете?“—Я ѣду.
„Когда же?“—Завтра до зари.—„Резонъ;
Лошадкамъ легче; легче, воля ваша“...
Андрей съ нимъ согласился. Гдѣ Дуняша?

32.

Она сидѣла въ уголку. Смущенье
Изобличали взоры. Въ темнотѣ
Она казалась блѣдной. Утомленье
Ея печальной, тихой красотѣ
Такое придавало выраженье,
Такъ трогательны были взоры тѣ,
Смягченные недавними слезами,
Что бѣдный нашъ Андрей всплеснулъ руками.

33.

Съ ней говорилъ онъ, какъ обыкновенно
Передъ отъѣздомъ говорятъ: о томъ,
Что̀ никого на свѣтѣ совершенно
Занять не въ состояніи; при чемъ
Они смѣялись рѣдко, принужденно,
И странно, долго хмурились потомъ...
Ѳаддей зѣвалъ до слезъ весьма протяжно
И, кончивъ, охорашивался важно.

34.

Былъ у Дуняши садикъ, по старинной
Привычкѣ русской. Садикомъ у насъ
Въ уѣздахъ щеголяютъ. Изъ гостиной
Вели двѣ-три ступеньки на террасъ.
Кончался садъ довольно темный, длинной
Аллеей... Вечеромъ, и въ жаркій часъ,
И даже ночью, по песку дорожки
Бродили часто маленькія ножки.

35.

Въ тотъ вечеръ, надъ землей, до влаги жадной,
Веселая, весенняя гроза
Промчалась шумно... Легкій сонъ отрадной
Волной струится мягко на глаза
Всему, что̀ дышитъ, и въ тѣни прохладной
На каждомъ новомъ листикѣ слеза
Прозрачная дрожитъ, блеститъ лукаво,
И небо затихаетъ величаво...

36.

Во слѣдъ другимъ, отсталая, лѣниво
Несется туча, легкая какъ дымъ.
Кой-гдѣ вдали возникнетъ торопливо
Неясный шумъ—и, воздухомъ ночнымъ
Охваченный, исчезнетъ боязливо.
Отъ сада вѣетъ запахомъ сырымъ...
И на ступенькахъ рѣдкія, большія
Еще пестрѣютъ капли дождевыя.

37.

И на террасъ они пошли всѣ трое...
Вотъ, помолчавши нѣсколько, супругъ
Имъ объявилъ, что время не такое,
Чтобы гулять, и возвратился вдругъ
Въ гостиную. Но небо голубое
Имъ улыбалось ласково. Самъ-другъ
Они присѣли на скамейкѣ, рядомъ,
Межъ свѣтлымъ домикомъ и темнымъ садомъ.

38.

Все такъ очаровательно: молчанье
Кругомъ, какъ-будто чутко надъ землей
Поникла ночь и слушаетъ... Мерцанье
Далекой, робкой звѣздочки... покой
Нѣмѣющаго воздуха... желанье
Въ сердцахъ ихъ, полныхъ горестью, тоской,
Любовь все загоралась самовластно...
А вотъ луна блеснула сладострастно...

39.

И, словно пробужденныя стыдливымъ,
Медлительнымъ и вкрадчивымъ лучомъ,
Заговорили говоромъ сонливымъ
Верхушки липъ, облитыя дождемъ.
Внезапно, по дорожкамъ молчаливымъ,
Въ кустахъ и на пескѣ передъ крыльцомъ,
Взыграли тѣни слабыя... Волненье
Скрывая, смотрятъ оба въ отдаленье.

40.

О, ночь! о, мракъ! о, тайное свиданье!
Ступаешь робко; трепетной ногой...
Изъ-за стѣны лукавое призванье,
Какъ легкій звонъ, несется за тобой...
Неровное, горячее дыханье
Въ тѣни пахучей, дремлющей, сырой,
Тебѣ въ лицо повѣетъ торопливо...
Но вдаль они глядѣли молчаливо.

41.

Сердца рвались; но ни глаза, ни руки
Встрѣчаться не дерзали... При лунѣ,
Испуганные близостью разлуки,
Они сидятъ въ унылой тишинѣ.
Лишь изрѣдка порывистыя муки
Ихъ потрясали смутно, какъ во снѣ..
„Такъ завтра? Точно?“—Завтра.—Понемножку
Дуняша встала, подошла къ окошку,

42.

Глядитъ: передъ огромнымъ самоваромъ
Супругъ усѣлся; медленно къ губамъ
Подноситъ чашку, благовоннымъ паромъ
Облитую, пыхтитъ, кряхтитъ, а самъ
Поглядываетъ исподлобья. „Даромъ
Простудишься, Дуняша... Полно вамъ
Ребячиться“, сказалъ онъ равнодушно...
Дуняша засмѣялась—и послушно

43.

Вошла да сѣла молча.—„На прощанье,
Андрей Ильичъ, откушайте чайку.
Позвольте небольшое замѣчанье...
(Андрей межъ тѣмъ прижался къ уголку)
Вашъ родственникъ оставилъ завѣщанье?“
—Оставилъ.—„Онъ... въ какомъ служилъ полку?“
—Въ измайловскомъ.—„Я думалъ, въ кирасирскомъ.
И жизнь окончилъ въ чинѣ бригадирскомъ!“

44.

—Да, кажется...—„Скажите! Впрочемъ, что же
Вамъ горевать? Покойникъ былъ и глухъ,
И старъ, и слѣпъ... Тѣмъ лучше для него же.
Хотите чашечку?“—Я больше двухъ
Не пью.—„Да́; какъ подумаешь, мой Боже,
Что наша жизнь? Пухъ, совершенный пухъ;
Дрянь, просто дрянь... Что дѣлать! участь наша...
Эхъ!.. Спой намъ лучше пѣсенку, Дуняша.

45.

„Ну, не ломайся... вѣдь, я знаю, рада
Ты пѣть съ утра до вечера“.—Сперва
Ей овладѣла страшная досада...
Но вдругъ пришли на память ей слова
Старинныя... Не поднимая взгляда,
Аккордъ она взяла... и голова
Ея склонилась, какъ осенній колосъ,
И зазвучалъ печально-страстный голосъ:

„Отрава горькая слезы
Послѣдней—жжетъ мои рѣсницы...
Такъ послѣ бѣшеной грозы
Трепещутъ робкія зарницы.

„Тяжелымъ, безотраднымъ сномъ
Заснула страсть... утихли битвы...
Но въ сердцѣ сдавленномъ моемъ
Покоя нѣтъ—и нѣтъ молитвы.

„А ты, кому въ разлучный мигъ
Я молча сжать не смѣю руки,
Къ кому прощальныхъ словъ моихъ
Стремятся трепетные звуки...

„Молю тебя—въ душѣ твоей
Не сохраняй воспоминанья,
Не замѣчай слезы моей,—
И позабудь мои страданья!“

46.

Она съ трудомъ проговорила строки
Послѣднія... потупилась... У ней
Внезапно, ярко запылали щеки...
Ей стало страшно смѣлости своей...
Къ Андрею наклонился мужъ: „Уроки
Она, сударь, у всѣхъ учителей
Въ Москвѣ брала... Ну, Дунюшка, другую...
Веселенькую, знаешь, удалую!“

47.

Она сидитъ, задумчиво впадая
Въ упорную, нѣмую тишину.
Часы пробили медленно. Зѣвая,
Ѳаддей глядитъ умильно на жену...
„Что жъ? Пой же... Нѣтъ? Какъ хочешь...“ и вставая,
„Пора“ прибавилъ онъ: „меня ко сну
Немного клонитъ. Поздно. Ну, прощайте,
Андрей Ильичъ, и насъ не забывайте“.

48.

Кому не жаль дѣйствительныхъ бореній
Души нехитрой, любящей, прямой?
Дуняша не была въ числѣ твореній,
Теперь нерѣдкихъ на Руси святой—
Охотницъ до „вопросовъ“ и до преній,
Голодныхъ сердцемъ, пылкихъ головой,
Натянутыхъ, болѣзненно-болтливыхъ
И сверхъестественно-самолюбивыхъ...

49.

О, нѣтъ! она страдала. Разставанье
Настало. Тяжело въ послѣдній разъ
Смотрѣть въ лицо любимое... Прощанье
Въ передней, да заботливый наказъ
Себя беречь—обычное желанье—
Все сказано,—всему конецъ... Изъ глазъ
Дуняши слезы хлынули... но тупо
Взглянулъ Андрей—и вышелъ какъ-то глупо.

50.

А на зарѣ, при воплѣ двухъ старушекъ,
Сосѣдокъ, тронулся рыдванъ. Андрей
Въ немъ возсѣдалъ среди шести подушекъ.
Ну, съ Богомъ! Вотъ застава. Передъ ней
Ряды полуразрушенныхъ избушекъ;
За ней дорога. Кучеръ лошадей
Постегивалъ и горевалъ, что грязно,
И напѣвалъ задумчиво-несвязно.

. . . . . .

51.

Три года протекло, три длинныхъ года.
Андрей нигдѣ не свилъ себѣ гнѣзда.
Онъ видѣлъ много разнаго народа
И посѣтилъ чужіе города.
Его не слишкомъ тѣшила свобода,
И вспоминалъ онъ родину, когда

Среди толпы веселой, какъ изгнанникъ,
Бродилъ онъ, добровольный, грустный странникъ.

52.

Онъ испыталъ тревожныя напасти
И радости скитальца; но въ чужой
Землѣ жилъ одиноко; старой страсти
Не замѣнилъ онъ прихотью другой.
Онъ не забылъ... забыть не въ нашей власти!
Въ его душѣ печальной, но живой,
Исполненной неяснаго стремленья,
Толпами проходили впечатлѣнья...

53.

Однажды, предъ каминомъ, на диванѣ
Андрей сидѣлъ и думалъ о быломъ.
(Онъ жилъ тогда въ Италіи, въ Миланѣ.)
Андрей на чай въ одинъ „пріятный“ домъ
Былъ позванъ и скучалъ уже заранѣ...
Его хозяйка въ комнату съ письмомъ
Вошла... „Рука Дуняши!“ закричалъ онъ—
И вотъ что, содрогаясь, прочиталъ онъ:

„Признайтесь... Вы письма не ждали
Такъ поздно и въ такую даль?
Вамъ прежнихъ радостей не жаль...
Быть-можетъ, новыя печали
Смѣнили прежнюю печаль.
Иль вамъ наскучили страданья,
И вы живете, не спѣша,
И жаждетъ вѣчнаго молчанья
Изнеможенная душа?..
Не возмутили бъ эти строки
Покоя вашего... меня
Простите вы... мы такъ далеки...
Съ того мучительнаго дня—
Вы помните—прошло такъ много,
Такъ много времени, что насъ...
Что мы... что я не знаю васъ...

Меня вы не судите строго—
Во имя прошлаго, Андрей!
Подумайте: среди людей
Живете вы... а я, мой Боже!
Все тамъ же—и кругомъ все то же...
Что̀? грустно вамъ? или смѣшно?
Иль совершенно все равно?

Андрей, послушайте: когда-то
Мы жили долго вмѣстѣ... Свято
Я полюбила васъ... ко мнѣ
Вы привязались добровольно...
Потомъ... но мнѣ сознаться больно,
Ка̀къ мы страдали въ тишинѣ.
Съ тѣхъ поръ, Андрей, со дня прощаній,
Хотите знать, какъ я живу?
Какъ нѣкогда, въ часы свиданій,
Я васъ опять къ себѣ зову...
Вотъ—вы со мной сидите рядомъ,
Не поднимая головы—
И на меня глядите вы
Тѣмъ ласковымъ и добрымъ взглядомъ...

Когда разстались вы со мной,
Я не винила васъ. Одной
Заботой—точно, непритворно
Вы были заняты. Тогда
Меня щадили вы... Ну—да!
Я благодарна вамъ, безспорно.
Я вѣрю—грустно было вамъ;
Не притворялись вы лукаво;
Вы въ цѣлый годъ успѣли къ намъ
Привыкнуть; жертва ваша, право,
Достойна громкой похвалы...
Да́; безъ сомнѣнья: люди злы—
Всѣ малодушны, всѣ коварны
И до конца неблагодарны...
Вамъ должно было ѣхать... я

Согласна... но какъ вы спѣшили!
Нѣтъ, нѣтъ, меня вы не любили!
Нѣтъ, не любили вы меня!
Ахъ, если надо мной жестоко
Не насмѣялись вы сперва...
Андрей, я чувствую, глубоко
Васъ оскорбятъ мои слова;
Но я живу въ такой пустынѣ...
Но я ношу такой вѣнецъ—
Въ моей любви, въ моей святынѣ
Я сомнѣваюсь наконецъ...
Я гибну!.. Крикъ тоски мятежной
Сорвался съ губъ моихъ... Андрей,
Печаль разлуки безнадежной
Сильнѣе гордости моей...
Я васъ люблю... тебя люблю я...
Ты знаешь это... ты... Повѣрь,
Навѣкъ, мучительно тоскуя,
Съ тобой простилась я теперь.

Я плачу. Да; ты благороденъ,
Андрей, ты силенъ и свободенъ;
Ты позабыть себя готовъ.
Изъ видовъ низкихъ и корыстныхъ
Ты не наложишь ненавистныхъ,
Хоть позолоченныхъ оковъ.
О, да! Когда передъ томленьемъ
Разлуки, въ робкой тишинѣ,
Съ нѣмымъ и страшнымъ упоеньемъ
Тебѣ ввѣрялась я вполнѣ,
Я поняла твое молчанье...
Я покорилась... Отъ тебя
Я приняла тогда страданье,
Какъ даръ, безропотно, любя...
Я не могла тебѣ не вѣрить—
Тебѣ не вѣрить, Боже мой!
Когда я вся жила тобой...
Но не хочу я лицемѣрить:

Потомъ—казалось мнѣ, что ты...

Пустыя женскія мечты!
Мнѣ совѣстно... но въ извиненье,
Андрей, ты пріймешь положенье
Мое... Подумай: на кого
Меня ты здѣсь оставилъ? скука,
Тоска... не знаешь ничего...
Наѣдутъ гости—что́ за мука!
Сосѣдки-сплетницы; сосѣдъ
Молчитъ, сопитъ во весь обѣдъ,
Глотаетъ, давится насильно,
Да къ ручкѣ подойдетъ умильно.
Съ утра ждешь вечера, свѣчей...
Занятій нѣту... нѣтъ дѣтей...
Книгъ нѣту... душно, страшно-душно...
Попросишь мужа—равнодушно
Проговоритъ онъ: „Погоди,
Зайдетъ разносчикъ“... Впереди
Все то же, то же до могилы...
О, Господи, пошли мнѣ силы!!!
. . . . . .
Но прежде—прежде жизнь моя
Была спокойна... Помню я
Себя веселой, безмятежной,
Передъ домашнимъ очагомъ...
Какой любовью кроткой, нѣжной,
Тогда дышало все кругомъ!
Какъ были хлопоты, заботы
Хозяйки, легкія работы
Въ то время сердцу моему,
Сама не знаю почему,
Невыразимо-сладки, милы!..
Но мнѣ прошедшаго не жаль—
Тогда ребяческія силы
Щадила строгая печаль...

О, мнѣ конечно въ наказанье

За гордость послано страданье...
Иль и за то, что въ самый часъ,
Когда я васъ узнала—васъ—
Я позабылась малодушно,
Дала вамъ право надъ собой,
И безъ борьбы передъ судьбой
Склонила голову послушно!..
Тогда я сердца своего
Не понимала... Для чего
Никто съ суровостью мужчины
Меня не спасъ... Я до кончины
Жила бы въ „мирной тишинѣ,
Не зная помысловъ опасныхъ“...

Я плачу... плачу... Стыдно мнѣ
Гѣхъ горькихъ слезъ—и слезъ напрасныхъ!
Кому я жалуюсь? Зачѣмъ,
Зачѣмъ я плачу? Передъ кѣмъ?
Кто можетъ выслушать упреки
Мои?.. Быть-можетъ, эти строки,
Слѣды горячихъ слезъ моихъ,
Друзьямъ покажетъ онъ лукаво,
На толки праздные чужихъ
Людей предастъ меня?.. Но, право,
Съ ума схожу я...
Вотъ, Андрей
(Теперь мы съ вами хладнокровно
Поговоримъ), какъ безусловно
Я вѣрю вамъ. Души моей
Я не скрываю передъ вами.
Конечно, знаете вы сами,
Что́ значитъ женская печаль...
Я вспомнила, въ какую даль
Васъ унесло... Мнѣ стало грустно...
И то, что̀ высказать изустно
Я не посмѣла бы... Меня
Поймете вы! Что́ дѣлать, я
Не слишкомъ счастлива. Но годы

Пройдутъ—состарѣюсь... и той
Любви блаженной, той свободы
Мнѣ не захочется самой.

Я перечла свое маранье...
Андрей, не вздумайте въ моемъ
Письмѣ постыдное желанье
Найти... Но, Боже мой! о чемъ
Могла я къ вамъ писать?.. Мнѣ больно,
Я плачу, жалуюсь невольно...
Но легче мнѣ теперь, яснѣй...
И сердце послѣ долгой битвы
Желаетъ отдыха, молитвы,
И бьется медленнѣй, вольнѣй...

Андрей, прощайте. Дайте руку
Не на свиданье—на разлуку.
Судьба!.. Но если въ тишинѣ
Та дружба старая, случайно,
Еще живетъ... и если тайно
Хоть изрѣдка... вамъ обо мнѣ,
О сторонѣ родной, далекой,
Приходятъ мысли... Знайте: тамъ
Есть сердце, полное глубокой
Печалью, преданное вамъ.
Среди волненій жизни новой,
Объ участи моей суровой
Вы позабудете... Но васъ
Я буду помнить—вѣчно... вѣчно...
И въ каждый свѣтлый, тихій часъ,
Благодарить васъ безконечно.
Прощайте, добрый, старый другъ...
Какое горькое мгновенье!
Мучительно разстаться вдругъ,
Но страшно долгое томленье...
Отъ полноты души моей
На жизнь обильную, святую...
И даже—на любовь иную
Благословляю васъ, Андрей!“

54.

Онъ жадно пробѣжалъ письмо глазами...
Исписанный листокъ въ его рукахъ
Дрожалъ... Онъ вышелъ тихими шагами,
Съ улыбкой невеселой на губахъ...
Но здѣсь, читатель, мы простимся съ вами,
Съ Андреемъ и съ Дуняшей. Право, страхъ
Подумать—какъ давно, съ какимъ терпѣньемъ,
Вы насъ дарите вашимъ снисхожденьемъ.

55.

Что̀ сдѣлалось съ героями моими?..
Я видѣлъ ихъ... Тому не такъ давно;
Но то, надъ чѣмъ я даже плакалъ съ ними,
Теперь мнѣ даже нѣсколько смѣшно...
Смѣяться надъ страданьями чужими
Весьма предосудительно, грѣшно...
Но если насъ не станетъ мучить совѣсть,
Когда-нибудь мы кончимъ эту повѣсть.

1845.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

МЕЛКІЯ ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Вечеръ.

ДУМА.

Въ отлогихъ берегахъ рѣки дремали волны;
Прощальный блескъ зари на небѣ догоралъ;
Сквозь дымчатый туманъ вдали скользили челны—
И грустныхъ думъ, и странныхъ мыслей полный,
На берегу безмолвный я стоялъ.

—

Маститый царь лѣсовъ, кудрявой головою
Склонился старый дубъ надъ сонной гладью водъ;
Насталъ тотъ дивный часъ молчанья и покою,
Сліянья ночи съ днемъ и свѣта съ темнотою,
Когда такъ ясенъ неба сводъ.

—

Все тихо: звука нѣтъ! все тихо: нѣтъ движенья!
Вездѣ глубокій сонъ—на небѣ, на землѣ;
Лишь по рѣкѣ порой минутное волненье:
То вѣтра вздохъ; листа неслышное паденье;
Вездѣ покой—но не въ моей душѣ.

—

Да, понялъ я, что въ этотъ часъ священный
Природа намъ даетъ таинственный урокъ—
И голосъ я внималъ въ душѣ моей смущенной,
Тотъ голосъ внутренній, святой и неизмѣнный,
Грядущаго таинственный пророкъ.

—

Кругомъ (какъ я мечталъ) все тихо, какъ въ могилѣ;
На все живущее недвижность налегла,
Заснула жизнь; природы дремлютъ силы—
И мысли чудныя и странныя будила
Въ душѣ моей той ночи тишина.

—

Что если этотъ сонъ—одно предвозвѣщанье
Того, что ждетъ и насъ, того, что будетъ намъ!
Здѣсь свѣта съ тьмой—тамъ радостей, страданій
Съ забвеніемъ и смертію сліянье:
Здѣсь ночь и мракъ—а тамъ? что будетъ тамъ?

—

Въ моей душѣ тревожное волненье:
Напрасно вопрошалъ природу взоромъ я;
Она молчитъ въ глубокомъ усыпленьѣ,—
И грустно стало мнѣ, что ни одно творенье
Не въ силахъ знать о тайнахъ бытія.

Къ Венерѣ Медицейской.

Богиня красоты, любви и наслажденья!
Давно минувшихъ дней, другого поколѣнья
Плѣнительный завѣтъ!
Эллады пламенной любимое созданье,
Какою нѣгою, какимъ очарованьемъ
Твой свѣтлый миѳъ одѣтъ.

—

Не наше чадо ты! Нѣтъ, пылкимъ дѣтямъ Юга,
Однимъ, дано испить любовнаго недуга
Палящее вино!
Созданьемъ выразить душѣ родное чувство
Въ прекрасной полнотѣ изящнаго искусства
Судьбою имъ дано!

—

Но намъ ихъ бурный жаръ и чуждъ, и непонятенъ;
Языкъ любви, страстей намъ болѣе не внятенъ;
Душой увяли мы.
Они жъ, безпечные, три цѣли знали въ жизни:
Плѣнялись славою, на смерть шли за отчизну,
Все забывали для любви.

—

Въ роскошной Греціи, оливами покрытой,
Гдѣ небо такъ свѣтло, тамъ только, Афродита,
Явиться ты могла,

Гдѣ такъ роскошно Киприъ покоится на волнахъ,
И гдѣ такимъ огнемъ гречанокъ стройныхъ полны
Восточные глаза!

—

Какъ я люблю тотъ вымыселъ прекрасный!
Былъ день; земля ждала чего-то; сладострастно
Къ равнинѣ водяной
Припалъ зефиръ: въ тотъ мигъ таинственный и нѣжный
Родилась Красота изъ пѣны бѣлоснѣжной—
И стала надъ волной!

—

И говорятъ, тогда, въ томительномъ желаньи,
Къ тебѣ, какъ-будто бы ища твоихъ лобзаній,
Нагнулся неба сводъ;
Зефиръ тебя ласкалъ эфирными крылами,
Къ твоимъ ногамъ, почтительно, грядами
Стремилась бездна водъ!

—

Тебя пріялъ Олимпъ! Плѣненный грекъ тобою,
И неба и земли назвалъ тебя душою,
Богиня красоты *)!
Прекрасенъ былъ твой храмъ—въ долинѣ сокровенной,
Вѣтвями тополя и мирты осѣненный—
Въ сіяніи луны.

—

Когда хоръ жрицъ твоихъ (межъ тѣмъ, какъ ѳиміама
Благоуханный дымъ подъ бѣлый куполъ храма
Торжественно летѣлъ,
Межъ тѣмъ, какъ тайныя свершались возліянья)
На языкѣ родномъ, роскошномъ какъ лобзанье,
Восторга гимны пѣлъ!

—

Уже давно во прахъ твои упали храмы;
Умолкли хоры дѣвъ; дымъ легкій ѳиміама
Развѣяла гроза.
Сынъ знойной Азіи, рукою дерзновенной,

---

*) Alma mundi Venus...

Разбилъ твой нѣжный ликъ, и грекъ изнеможенный
Не защитилъ тебя!

—

Но снова подъ рѣзцомъ возникла ты, богиня!
Когда въ послѣдній разъ, какъ будто бы святыни,
Трепещущимъ рѣзцомъ
Коснулся Пракситель до своего созданья,
Проснулся жизни духъ въ безчувственномъ ваяньи:
Сталъ мраморъ божествомъ!

—

И снова мы къ тебѣ стекаемся толпами;
Молчаніе храня, съ поднятыми очами,
Любуемся тобой;
Ты снова царствуешь! Сыновъ страны далекой—
Ты покорила ихъ пластической, высокой
Своей безсмертной красотой!

Старый помѣщикъ.

1.

Вотъ и насталъ послѣдній часъ...
Племянникъ, слушай старика.
Тебя я бранивалъ не разъ
И за глазами, и въ глаза:
Я былъ брюзгливъ—да какъ же быть!
Не научился я любить...
Ты дядю стараго прости,
Казну, добро себѣ возьми,
А какъ уложишь на покой,
Не плачь; ступай, махни рукой!

2.

И я былъ молодъ, ѣлъ и пилъ,
И красныхъ дѣвушекъ ласкалъ,
И зайцевъ сотнями травилъ,
Съ друзьями бурно пировалъ...
Бывало, въ городъ ѣду я,

Купцы бѣгутъ встрѣчать меня...
Я первымъ славился бойцомъ,
И богачомъ, и молодцомъ.
Богатство все перевелось—
Да что!.. любить не довелось!

3.

И самъ не знаю отъ чего:
Не то, чтобъ занятъ былъ другимъ—
Иль время скоро такъ прошло...
Но только не былъ я любимъ
И не любилъ; зато тоска
Грызетъ и давитъ старика.
И въ страшный часъ, послѣдній часъ,
Ты видишь—слезы льютъ изъ глазъ:
Мнѣ эти слезы жгутъ лицо,
И стыдно мнѣ, и тяжело...

4.

Ахъ, Ваня, Ваня! что мнѣ въ томъ,
Что я деньжонокъ накопилъ,
Что церковь выстроилъ и домъ:
Я не любимъ, я не любилъ!
Что въ деньгахъ мнѣ? Возьмите все
Добро послѣднее мое—
Да лишь бы смерть подождала
И насладиться мнѣ дала...
Ахъ, дайте страсть узнать и жизнь—
И я умру безъ укоризнъ!

5.

Я грѣшникъ, Ваня. Мнѣ бы слѣдъ
Теперь подумать и о томъ,
Какъ Богу въ жизни дать отвѣтъ,
Послать бы надо за попомъ...
Но все мерещится,—вотъ, вотъ
Ко мнѣ красавица идетъ...
Я слышу робкій шумъ шаговъ
И страстный лепетъ милыхъ словъ,

И въ головѣ моей сѣдой
Нѣтъ мѣста мысли неземной.

6.

Я худо вижу... Смерть близка...
Ну, жизнь безплодная, прощай!
Охъ, Ваня! страшная тоска...
Родимый, руку мнѣ подай...
Смотри же, дѣтямъ разскажи,
Что дѣдъ ихъ умеръ отъ тоски,
Что онъ терзался и рыдалъ,
Что тяжело онъ умиралъ—
Какъ-будто грѣшный человѣкъ,
Хоть онъ и честно прожилъ вѣкъ.

Баллада.

Передъ воеводой, молча, онъ стоитъ;
Голову потупилъ—сумрачно глядитъ;
Съ плечъ могучихъ сняли бархатный кафтанъ;
Кровь струится тихо изъ широкихъ ранъ.
Скованъ по ногамъ онъ, скованъ по рукамъ:
Знать ему не рыскать ночью по лѣсамъ!
Думаетъ онъ думу—дышитъ тяжело:
Плохо!.. видно, время доброе прошло.
„Что̀, попался, парень? Долго жъ ты гулялъ!
Долго мнѣ въ тенета волкъ не забѣгалъ!
Что̀ же пріумолкъ ты? Слышалъ я не разъ—
Пѣсенки ты мастеръ пѣть въ веселый часъ;
Ты на ладъ сегодня врядь ли попадешь...
Завтра мы услышимъ, какъ ты запоешь“.
Взговорилъ онъ мрачно: „Не услышишь, нѣтъ!
Завтра пѣть не буду—завтра мнѣ не слѣдъ;
Завтра умирать мнѣ смертію лихой;
Самъ ты запоешь, чай, съ радости такой!..
Мы пѣвали пѣсни, какъ изъ лѣса̀ шли—
Какъ купцовъ съ товаромъ мы въ оврагъ вели...
Ты бы насъ тутъ послушалъ—ладно пѣли мы:

Да не долго пѣсней тѣшились купцы...
Да еще пѣвалъ я—въ домикѣ твоемъ;
Запивалъ я пѣсни—все твоимъ виномъ;
Заѣдалъ я чарку—хозяйской ѣдой;
Цѣловался сладко—да съ твоей женой".

Похищеніе.

Конь мой ржетъ и бьетъ копытомъ...
Мнѣ напомнилъ онъ о ней...
О блаженствѣ позабытомъ
Быстрыхъ, пламенныхъ очей.
Ахъ, пора, пора былая!..
Мнѣ не спится... ночь глухая...
Душно мнѣ—и вскрикнулъ я:
„Эй! сѣдлайте мнѣ коня!
Спите сами, если спится,
А мнѣ дома не сидится".

Стали тучи надъ луною,
Дремлютъ блѣдныя поля;
Скачетъ, скачетъ предо мною
Тѣнь огромная моя.
Лѣсъ какъ-будто сномъ забылся—
Хоть бы листъ зашевелился...
Я на гриву лёгъ лицомъ,
Осѣнилъ себя крестомъ,
Тихомолкомъ попѣваю
Да былое вспоминаю.

Вотъ и домикъ—стукъ въ окошко...
—Ты ли, милый?—„Встань, душа,
Поболтай со мной немножко,
Какъ въ бывалые года.
Если жъ хочешь, молви слово:
Дома комната готова;
Ночь туманна и темна—

Лошадь добрая сильна;
Посмѣемся и поплачемъ—
Хоть поплачемъ, да ускачемъ!“

Дверь скрипнула, „Милый, милый,
Наконецъ вернулся ты!
Иль узналъ, что разлучили
Насъ съ тобою клеветы?
Я невинна...“—Ахъ, не знаю!
За тобой я пріѣзжаю;
Ты виновна или нѣтъ—
Безъ тебя мнѣ тошенъ свѣтъ...
И забыть тебя старался,
Думалъ, думалъ—да примчался.

Какъ она была прекрасна!..
Мы пустились въ дальній путь...
Какъ она склонялась страстно
Головой ко мнѣ на грудь!
Я берегъ ее такъ нѣжно—
Сердце билось такъ мятежно...
Все такъ тихо, чудно спитъ—
Лошадь весело бѣжитъ;
И, какъ вѣтра слабый ропотъ,
Милыхъ словъ я слышу шопотъ:

„Безъ тебя меня родные
Выдать замужъ собрались.
Я рыдала... Братья злые
Погубить меня клялись.
Какъ тебя я дожидалась!
Жениха какъ я боялась!
Вдругъ привстанетъ да зѣвнетъ,
Бѣлымъ усомъ поведетъ,
Щеки толстыя надуетъ,
Подойдетъ да поцѣлуетъ...“

Я дыханьемъ грѣлъ ей руки,
Цѣловалъ ее въ глаза:

„Позабудь былыя муки
И былого жениха!
Разочтутся съ нимъ родные...
А усы его сѣдые
Срѣжу шашкою кривой
Вмѣстѣ съ глупой головой!
Сторожъ, сторожъ, отворяй-ка!
Къ вамъ пріѣхала хозяйка“.

Замѣтила ли ты?

Замѣтила ли ты, о, другъ мой молчаливый,
О, мой забытый другъ, о, другъ моей весны,
Что въ каждомъ днѣ есть мигъ глубокой, боязливой,
Почти внезапной тишины?

И въ этой тишинѣ есть что-то неземное,
Невыразимое... душа молчитъ и ждетъ:
Какъ будто въ этотъ мигъ все страстное, живое
О смерти вспомнитъ и замретъ.

О, если въ этотъ мигъ невольною тоскою
Стѣснится грудь твоя и выступитъ слеза...
Подумай, что стою я вновь передъ тобою,
Что я гляжу тебѣ въ глаза.

Любовь погибшую ты вспомни безъ печали;
Прошедшему, мой другъ, предаться не стыдись...
Мы въ жизни хоть на мигъ другъ другу руки дали,
Мы хоть на мигъ съ тобой сошлись.

Конецъ жизни.

Ночью зимней—въ темный лѣсъ
(Повѣсть времени бывалаго)
Въѣхалъ старый человѣкъ
Онъ безъ-малаго
Прожилъ вѣкъ.

Подъ повозкой снѣгъ скрипитъ,
Сосны медленно качаются,
Шагомъ лошади везутъ
И шатаются:
Нуженъ кнутъ.
Сорокъ лѣтъ въ селѣ своемъ
Не былъ онъ, вездѣ все маялся—

. . . . . .

И раскаялся...
Знать, пора!
Пожилъ: полно, наконецъ...
Что? Отрадно жизнь кончается?
Онъ въ свою нору теперь
Забивается,
Словно звѣрь.
И домой не на житье
Онъ пріѣдетъ—гость непрошенный...
И исчезнетъ, старый плутъ,
Словно камень, почью брошенный,
Въ темный прудъ.

Нева.

Нѣтъ, никогда передо мной,
Ни въ часъ полудня, въ лѣтній зной,
Ни въ тихій часъ передъ зарею,
Не водворялся надъ Невою
Такой торжественный покой.
Глубокимъ пламенемъ заката
Земля и небо—все объято...
И, неподвижный, я стоялъ,
И все забылъ—и по простору
Невы великой—волю далъ
Блуждать задумчивому взору.
И я глядѣлъ: неслась рѣка,
Покрыта вся румянымъ блескомъ,
И кораблямъ, съ небрежнымъ плескомъ,
Лобзала темные бока.

И много ихъ... Но всѣ прижались
Другъ къ другу тѣсною толпой,
Какъ будто ввѣкъ они не знались
Ни съ темнымъ моремъ, ни съ грозой.
И флаговъ мягкіе извивы
Такъ слабо вѣтеръ шевелилъ,
Какъ будто тоже позабылъ
Свои безумные порывы...
А недалеко отъ стѣны,
Въ водѣ спокойно отражаясь,
Стоялъ, дремотно колыхаясь,
Корабль далекой стороны.
И возлѣ мачты, подъ палаткой,
Морякъ лежалъ и отдыхалъ;
Кругомъ стыдливо замиралъ
Вечернiй лучъ и вскользь, украдкой,
Лицо не русское ласкалъ.
Откуда ты? въ нашъ край туманный
Зачѣмъ приплылъ? на много ль дней?
Зачѣмъ глядишь съ улыбкой странной
На небо родины моей?
О чемъ ты думаешь? Быть-можетъ,
Тебя минувшее тревожитъ:
Ты вспомнилъ прежнюю любовь,
Разлу́чный часъ и взглядъ печальный—
И на губахъ, какъ будто вновь,
Зажегся поцѣлуй прощальный;
Теперь, быть-можетъ, у окна
Она сидитъ... и не страдаетъ;
Но, какъ свѣча отъ вѣтра, таетъ
И разгорается она...
Иль, руки страстно прижимая
Къ своей измученной груди,
Она глядитъ полуживая
На письма грустныя твои.
Но нѣтъ... свои воспоминанья
Я на чужого перенесъ.
Не зналъ онъ смутнаго страданья,

Не проливалъ напрасныхъ слезъ,
Не разставался, не сходился,
Не воскресалъ, не умиралъ...
Нѣтъ, беззаботно онъ влюбился
И безотчетно цѣловалъ.
И тамъ, въ странѣ его счастливой,
Въ странѣ широкихъ, синихъ водъ,
Гдѣ подъ бѣлѣющей оливой
Алоэсъ огненный цвѣтетъ,
Въ странѣ лучей и красокъ яркихъ,
Въ странѣ томительныхъ ночей,
Объятій трепетныхъ и жаркихъ
И торжествующихъ страстей—
Его безпечно ожидая,
Она за пряжею сидитъ...
Да утромъ, косу заплетая,
Поетъ и ходитъ, и, вздыхая,
На море синее глядитъ.

* * *

Когда съ тобой разстался я—
Я не хочу таить,
Что я тогда любилъ тебя,
Какъ только могъ любить.

Но нашей встрѣчѣ я не радъ.
Упорно я молчу—
И твой глубокій, грустный взглядъ
Понять я не хочу.

И все толкуешь ты со мной
О милой сторонѣ.
Но то блаженство, Боже мой,
Теперь такъ чуждо мнѣ!

Повѣрь: съ тѣхъ поръ я много жилъ
И много перенесъ...
И много радостей забылъ,
И много глупыхъ слезъ.

Человѣкъ, какихъ много.

Онъ выросъ въ домѣ старой тетки
Безъ всякихъ бѣдъ,
Боялся смерти да чахотки
Въ пятнадцать лѣтъ.

Въ семнадцать былъ онъ малымъ плотнымъ—
И по часамъ
Сталъ предаваться безотчетнымъ
„Мечтамъ и снамъ“.

Онъ слезы лилъ; добросердечно
Бранилъ толпу—
И проклиналъ безчеловѣчно
Свою судьбу.

Потомъ—съ душой своей прекрасной
Не совладѣвъ,
Онъ сталъ любить любовью страстной
Всѣхъ блѣдныхъ дѣвъ.

Являлся горестнымъ страдальцемъ,
Писалъ стишки...
И не дерзалъ коснуться пальцемъ
Ея руки.

Потомъ—любовь смѣнивъ на дружбу,
Онъ вдругъ умолкъ...
И присмирѣвъ—вступилъ на службу
Въ пѣхотный полкъ.

Потомъ женился на сосѣдкѣ,
Надѣлъ халатъ
И уподобился насѣдкѣ—
Развелъ цыплятъ.

И долго жилъ темно и скупо—
Слылъ добрякомъ...

. . . . . .
. . . . . .

Толпа.

Среди людей, мнѣ близкихъ... и чужихъ,
Скитаюсь я—безъ цѣли, безъ желанья.
Мнѣ иногда смѣшны забавы ихъ,
Мнѣ самому смѣшнѣй мои страданья.
Страданій тѣхъ толпа не признаетъ.
Толпа—могучая—и ѣстъ и пьетъ исправно;
И что̀ въ душѣ задумчивой живетъ—
Болѣзнію считаетъ своенравной.
И права ты, толпа! Ты велика,
Ты широка, ты глубока, какъ море...
Въ твоихъ волнахъ все тонетъ: и тоска
Нелѣпая, и истинное горе.
И ты сильна . . . . . .
. . . . . .
Передъ тобой я преклониться могъ;
Но полюбить тебя мнѣ невозможно.
Я ни одной тебѣ не дамъ слезы,
Не отъ тебя я ожидаю счастья...
Но ты растешь, какъ море въ часъ грозы,
Безъ моего ненужнаго участья.
Гордись, толпа! ликуй, толпа моя!
Лишь для тебя такъ ярко блещетъ небо...
Но все жъ я радъ, что независимъ я,
Что не служу тебѣ я ради хлѣба!..
И я молчу о томъ, что̀ я люблю.
Молчу о томъ, что̀ страстно ненавижу,
Я похвалой толпы не удивлю,
Насмѣшками толпы я не обижу...
А тосковать, мечтать съ самимъ собой,
Бесѣдовать съ прекрасными друзьями—
Съ такой смѣшной, ребяческой мечтой
Разстался я, какъ съ дѣтскими слезами...
А потому... мнѣ жить не суждено,
И я тяну съ усмѣшкой торопливой,
Холодной злости, злости молчаливой,
Хоть горькое, но пьяное вино.

Когда давно забытое названье.

Когда давно забытое названье
Расшевелитъ во мнѣ, внезапно, вновь,
Уже давно затихшее страданье,
Давнымъ-давно погибшую любовь,—

Мнѣ стыдно, что такъ медленно живу я,
Что этотъ хламъ хранитъ душа моя,
Что ни слезы, ни даже поцѣлуя—
Что ничего не забываю я.

Мнѣ стыдно, да; а тамъ мнѣ грустно станетъ,
И неужель подумать я могу,
Что жизнь меня теперь ужъ не обманетъ,
Что до конца я сердце сберегу?

Что въ правѣ я отринуть горделиво
Всѣ прежнія, далекія мечты,
Все, что въ душѣ цвѣтетъ такъ боязливо,
Какъ первые, весенніе цвѣты?

И грустно мнѣ, что то воспоминанье
Я былъ готовъ презрѣть и осмѣять...
Я повторю знакомое названье—
Въ былое весь я погруженъ опять.

Весенній вечеръ.

Гуляютъ тучи золотыя
Надъ отдыхающей землей;
Поля просторныя, нѣмыя
Блестятъ, облитыя росой;
Ручей журчитъ во мглѣ долины—
Вдали гремитъ весенній громъ,
Лѣнивый вѣтръ въ листахъ осины
Трепещетъ пойманнымъ крыломъ.

Молчитъ и млѣетъ лѣсъ высокій,
Зеленый, темный лѣсъ молчитъ.

Лишь иногда въ тѣни глубокой
Безсонный листъ прошелеститъ.
Звѣзда дрожитъ въ огняхъ заката,
Любви прекрасная звѣзда,
А на душѣ легко и свято,
Легко, какъ въ дѣтскіе года.

Цвѣтокъ.

Тебѣ случалось—въ рощѣ темной,
Въ травѣ весенней, молодой,
Найти цвѣтокъ простой и скромный?
(Ты былъ одинъ—въ странѣ чужой).

Онъ ждетъ тебя—въ травѣ росистой
Онъ одиноко расцвѣталъ...
И для тебя свой запахъ чистый,
Свой первый запахъ сберегалъ.

И ты срываешь стебель гибкій,
Въ петлицу бережной рукой
Вдѣваешь, съ медленной улыбкой,
Цвѣтокъ, погубленный тобой.

И вотъ, идешь дорогой пыльной;
Кругомъ—все поле сожжено,
Струится съ неба жаръ обильный,
А твой цвѣтокъ завялъ давно.

Онъ выросталъ въ тѣни спокойной,
Питался утреннимъ дождемъ
И былъ заѣденъ пылью знойной,
Спаленъ полуденнымъ лучомъ.

Такъ что жъ? напрасно сожалѣнье!
Знать онъ былъ созданъ для того,
Чтобы побыть одно мгновенье
Въ сосѣдствѣ сердца твоего.

Для недолгаго свиданья.

Для недолгаго свиданья,
Передъ утромъ, при лунѣ,
Для безмолвнаго лобзанья
Ты придти велѣла мнѣ...

У стѣны твоей высокой,
Подъ завѣшеннымъ окномъ,
Я стою въ тѣни широкой,
Весь окутанный плащомъ...

Звѣзды блещутъ... страстью дивной
Дышитъ голосъ соловья...
Выйдь... о, выйдь, на звукъ призывный,
Появись, звѣзда моя!

Сколько бъ мы потомъ ни жили—
Я хочу, чтобъ мы съ тобой
До могилы не забыли
Этой ночи огневой...

И легко и торопливо,
Словно призракъ, чуть дыша,
Озираясь боязливо,
Ты сойдешь ко мнѣ, душа!

Безконечно торжествуя,
Устремлюсь я на крыльцо,
На колѣни упаду я,
Посмотрю тебѣ въ лицо.

И затихнетъ робкій трепетъ,
И пройдетъ послѣдній страхъ...
И замретъ твой дѣтскій лепетъ
На предавшихся губахъ...

Иль ты спишь, раскинувъ руки,
И не помнишь обо мнѣ—
И напрасно льются звуки
Въ благовонной тишинѣ?..

Осень.

Какъ грустный взглядъ люблю я осень.
Въ туманный, тихій день хожу
Я часто въ лѣсъ и тамъ сижу—
На небо бѣлое гляжу
Да на верхушки темныхъ сосенъ.
Люблю, кусая кислый листъ,
Съ улыбкой развалясь лѣнивой,
Мечтой заняться прихотливой
Да слушать дятловъ тонкій свистъ.
Трава завяла вся; холодный,
Спокойный блескъ разлитъ по ней.
И грусти тихой и свободной
Я предаюсь душою всей...
Чего не вспомню я? Какія
Меня мечты не посѣтятъ?
А сосны гнутся, какъ живыя,
И такъ задумчиво шумятъ...
И, словно стадо птицъ огромныхъ,
Внезапно вѣтеръ налетитъ,
И въ сучьяхъ спутанныхъ и темныхъ
Нетерпѣливо прошумитъ.

Гроза промчалась.

Гроза промчалась низко надъ землею...
Я вышелъ въ садъ. Затихло все кругомъ;
Вершины липъ облиты мягкой мглою,
Обагрены живительнымъ дождемъ,
А влажный вѣтръ на листья тихо дышитъ...
Въ тѣни густой летаетъ тяжкій жукъ;
И, какъ лицо заснувшихъ томно пышетъ,
Пахучимъ паромъ пышетъ темный лугъ.
Какая ночь! Большія, золотыя
Зажглися звѣзды; воздухъ свѣжъ и чистъ;
Стекаютъ съ вѣтокъ капли дождевыя,
Какъ будто тихо плачетъ каждый листъ.

Зарница вспыхнетъ... Поздній и далекій
Промчится громъ—и слабо прогремитъ...
Какъ сталь блеститъ, темнѣя, прудъ широкій,
А вотъ и домъ передо мной стоитъ.
И при лунѣ таинственныя тѣни
На немъ лежатъ недвижно... вотъ и дверь;
Вотъ и крыльцо—знакомыя ступени...
А ты... гдѣ ты? что дѣлаешь теперь?
Упрямые, разгнѣванные боги,
Не правда ли, смягчились? и среди
Семьи твоей забыла ты тревоги,
Спокойная на любящей груди?
Иль и теперь горитъ душа больная?
Иль отдохнуть ты не могла нигдѣ?
И все живешь, всѣмъ сердцемъ изнывая,
Въ давно пустомъ и брошенномъ гнѣздѣ?

Ѳедя.

Молча въѣзжаетъ, да ночью морозной,
Парень въ село на лошадкѣ усталой.
Тучи сѣдыя столпилися грозно,
Звѣздочки нѣтъ ни великой, ни малой.

Онъ у забора встрѣчаетъ старуху:
„Бабушка, здравствуй!“—А, Ѳедя! Откуда?
Гдѣ пропадалъ ты? Ни слуху, ни духу!
„Гдѣ я бывалъ—не увидишь отсюда!

Живы ли братья? Родная жива ли?
Наша изба все цѣла, не сгорѣла?
Правда ль, Параша, въ Москвѣ мнѣ сказали
Наши ребята, постомъ овдовѣла?“

—Домъ вашъ какъ былъ, словно полная чаша.
Братья всѣ живы, родная здорова,
Умеръ сосѣдъ, овдовѣла Параша,
Да черезъ мѣсяцъ пошла за другого.

Вѣтеръ подулъ... Засвисталъ онъ легонько,
На небо глянулъ и шапку надвинулъ,
Молча рукой онъ махнулъ и тихонько
Лошадь назадъ повернулъ, да и сгинулъ.

Къ А. С.

Я васъ зналъ... тому давно.
Мнѣ, право, стыдно и грѣшно,
Что я тогда васъ не замѣтилъ...
Вы только-что вступили въ свѣтъ—
Вамъ было восемнадцать лѣтъ...
На балѣ гдѣ-то я васъ встрѣтилъ.

И кто-то къ вамъ меня подвелъ.
Я съ вами нѣхотя пошелъ,
Я полонъ былъ тревоги страстной...
Тогда—тогда я былъ влюбленъ;
Но та любовь прошла, какъ сонъ
И безотрадный, и напрасный.

Другую женщину я ждалъ,
Я даже вамъ не отвѣчалъ;
Но я замѣтилъ ваши руки...
Замѣтилъ милый вашъ нарядъ,
И вашъ прекрасный, умный взглядъ,
И рѣчи дѣвственные звуки.

Но все, что̀ въ сердцѣ молодомъ
Дремало легкимъ, чуткимъ сномъ
Передъ внезапнымъ пробужденьемъ—
Осталось тайной для меня...
Хоть, помню, васъ покинулъ я
Съ какимъ-то смутнымъ сожалѣньемъ.

А случай вновь не сблизилъ насъ...
И вдругъ теперь я встрѣтилъ васъ.
Вы измѣнились, какъ Татьяна;
Я не слыхалъ такихъ рѣчей,
Я не видалъ такихъ плечей,
Такого царственнаго стана...

На вашихъ мраморныхъ чертахъ,
На несмѣющихся губахъ—
Печать могучаго сознанья...
Сіяя страшной красотой,
Вы предстоите предо мной
Богиней гордаго страданья.

И я молю васъ въ тишинѣ:
Всю вашу жизнь раскройте мнѣ...
Но взгляда вашего я трушу...
Нѣтъ, нѣтъ! я старъ; нѣтъ, я вамъ чуждъ,
Давно въ борьбѣ страстей и нуждъ
Я истощилъ и жизнь, и душу.

Въ ночь лѣтнюю, когда...

Въ ночь лѣтнюю, когда, тревожной грусти полный,
Отъ милаго лица волосъ густыя волны,
Заботливой рукой,
Я отводилъ—и ты, мой другъ, съ улыбкой томной
Къ окошку прислонясь, глядѣла въ садъ огромный,
И темный, и нѣмой...
Въ окно раскрытое, спокойными струями
Вливался свѣжій мракъ и замиралъ надъ нами,
И пѣсни соловья
Гремѣли жалобно въ тѣни густой, душистой,
И вѣтеръ лепеталъ надъ рѣчкой серебристой.
Покоились поля.
Ночному холоду предавъ и грудь и руки,
Ты долго слушала рыдающіе звуки—
И ты сказала мнѣ,
Къ таинственнымъ звѣздамъ поднявши взоръ унылый:
„Не быть намъ никогда съ тобой, о, другъ мой милый,
Блаженными вполнѣ!“
Я отвѣчать хотѣлъ, но, странно замирая,
Погасла рѣчь моя... Томительно нѣмая
Настала тишина...

Въ большихъ твоихъ глазахъ слеза затрепетала,
А голову твою печально лобызала
Холодная луна.

Къ ***.

Черезъ поля къ холмамъ тѣнистымъ
Промчался ливень... Небо вдругъ
Свѣтлѣетъ... Блескомъ водянистымъ
Блеститъ зеленый, ровный лугъ.
Гроза прошла... Какъ небо ясно!
Какъ воздухъ звученъ и душистъ!
Какъ отдыхаетъ сладострастно
На каждой вѣткѣ каждый листъ!
Оглашено раздольнымъ звономъ
Раздолье мирное полей...
Пойдемъ гулять въ лѣсу зеленомъ,
Пойдемъ, сестра души моей.
Пойдемъ, о ты, мой другъ единый,
Любовь послѣдняя моя,
Пойдемъ излучистой долиной
Въ нѣмыя, свѣтлыя поля.
И тамъ, гдѣ жатва золотая
Легла волнистой полосой,
Когда заря взойдетъ, пылая,
Надъ успокоенной землей—
Позволь сидѣть мнѣ молчаливо
У ногъ возлюбленныхъ твоихъ...
Позволь рукѣ твоей стыдливо
Коснуться робкихъ губъ моихъ.

Откуда вѣетъ тишиной.

Откуда вѣетъ тишиной?
Откуда мчится зовъ?
Что дышитъ на меня весной
И запахомъ луговъ?
Чего тебѣ, душа моя,
Внезапно стало жаль—

Скажи: какую вспомнилъ я
Любимую печаль?
Но все былое, Боже мой,
Такъ бѣдно, такъ темно...
И то, надъ чѣмъ я плакалъ,—мной
Осмѣяно давно.
Невѣжда самъ, среди другихъ
Забывчивыхъ невѣждъ,
Любуюсь гибелью своихъ
Восторженныхъ надеждъ.
Но все же тихъ и тронутъ я—
Съ души сбѣжала тѣнь,
Какъ будто тоже для меня
Насталъ волшебный день,
Когда на деревѣ нагомъ
И сочень и душистъ,
Согрѣтый ласковымъ лучомъ,
Растетъ весенній листъ...
Какъ будто сердцемъ я воскресъ
И волю далъ слезамъ,
И, задыхаясь, въ темный лѣсъ
Бѣгу по вечерамъ...
Какъ будто я люблю, любимъ,
Какъ будто ночь близка...
И тополь подъ окномъ однимъ
Киваетъ мнѣ слегка...

Призваніе.

(Изъ неизданной поэмы.)

Не считай часовъ разлуки,
Не сиди, сложивши руки,
Подъ рѣшетчатымъ окномъ...
О, мой другъ! о другъ мой нѣжный!
Не слѣди съ тоской мятежной
За медлительнымъ лучомъ...

Не скучай... Тревожный, длинный
День пройдетъ... Съ улыбкой чинной

Принимай твоихъ гостей...
Не чуждайся разговора—
Не роняй внезапно взора
И внезапно не блѣднѣй...

Но когда съ холмовъ душистыхъ
По краямъ полей росистыхъ
Побѣжитъ живая тѣнь...
И, сходя съ вершинъ Урала,
Какъ дворецъ Сарданапала,
Загорится пышный день...

Изъ-подъ тучи длинной, темной
Тихо выйдетъ мѣсяцъ томный
За возлюбленной звѣздой,
И, предчувствуя награду—
Замирая—къ водопаду
Прибѣгу я за тобой!

Тамъ изъ чаши крутобокой
Бьетъ вода волной широкой
На размытыя плиты...
Надъ волной нетерпѣливой,
Прихотливой, говорливой
Наклоняются цвѣты...

Тамъ насъ манитъ дубъ кудрявый,
Старецъ пышный, величавый,
Тѣнью пасмурной своей...
И сокроетъ онъ счастливыхъ
Отъ боговъ—боговъ ревнивыхъ—
Отъ завистливыхъ людей!

Слышны клики... надъ водами
Машутъ лебеди крылами...
Колыхается рѣка...
О, прійди же! Звѣзды блещутъ,
Листья медленно трепещутъ
И находятъ облака.

. . . . . .
. . . . . .*)
О, прійди!.. Быстрѣе птицы—
Отъ заката до денницы
По широкимъ небесамъ
Пронесется ночь нѣмая...
Но пока волна, сверкая,
Улыбается звѣздамъ

И далекія вершины
Дремлютъ—темныя долины
Дышатъ влажной тишиной—
О, прійди! Во мглѣ спокойной
Тѣнью бѣлой, легкой, стройной
Появись передо мной!

И когда съ тревожной силой
Брошусь я навстрѣчу милой
И замрутъ слова мои...
Губъ моихъ не лобызая—
Пусть лежатъ на нихъ, пылая.
Губы блѣдныя твои!

В. Н. Б.

Когда въ весенній день, о, ангелъ мой послушный,
Съ прогулки возвратясь, ко мнѣ подходишь ты—
И туку протянувъ, съ улыбкой простодушной,
Мнѣ подаешь мои любимые цвѣты;
Съ цвѣтами той руки тогда не разлучая,
Я радостно прижмусь губами къ нимъ и къ ней...
И проникаюсь весь, безпечно отдыхая,
И запахомъ цвѣтовъ, и близостью твоей.

Гляжу на тонкій станъ, на дѣвственныя плечи,
Любуюсь тишиной большихъ и свѣтлыхъ глазъ

*) Точки въ „От. З.“ 1844 г., а въ „Ист. В.“, № 6, 1885 г., 12 ряд. точекъ.

И слушаю твои младенческія рѣчи,
Какъ слушалъ нѣкогда я нянюшки разсказъ.

Гляжу тебѣ въ лицо съ отрадой сердцу новой—
И наглядѣться я тобою не могу...
И только для тебя въ душѣ моей суровой
И нѣжность, и любовь я свято берегу.

Варіаціи.

I.

Когда такъ радостно, такъ нѣжно
Глядѣла ты въ глаза мои,
И лобызалъ я безмятежно
Рѣсницы длинныя твои;

Когда, бывало, ты стыдливо
Задремлешь на груди моей,
И я любуюсь боязливо
Красой задумчивой твоей;

Когда луна надъ пышнымъ садомъ
Взойдетъ, и мы съ тобой сидимъ
Передъ окномъ безпечно рядомъ,
Дыша дыханіемъ однимъ;

Когда, въ унылый мигъ разлуки,
Я весь такъ грустно замиралъ
И, молча, трепетныя руки
Къ губамъ и сердцу прижималъ,

Скажи мнѣ: могъ ли я предвидѣть,
Что намъ обоимъ суждено
И разойтись и ненавидѣть
Любовь, погибшую давно?

II.

Ахъ, давно ли гулялъ я съ тобой!
Такъ отрадно шумѣли лѣса!
И глядѣлъ я съ любовью нѣмой
Все въ твои голубые глаза.

И душа ликовала моя...
Разгоралась потухшая кровь,
И цвѣла—расцвѣтала земля,
И цвѣла—расцвѣтала любовь.

День весенній, плѣнительный день!
Такъ привѣтно журчали ручьи,
А въ лѣсу, въ полусвѣтлую тѣнь,
Такъ свѣтло западали лучи!

Какъ роскошно струилась рѣка!
Какъ легко трепетали листы!
Какъ блаженно неслись облака!
Какъ свѣтло улыбалася ты!

Какъ я все, все другое забылъ!
Какъ я былъ и задумчивъ и тихъ!
Какъ таинственно тронутъ я былъ!
Какъ я слезъ не стыдился моихъ!

А теперь этотъ день намъ смѣшонъ,
И порывы любовной тоски
Намъ смѣшны, какъ несбывшійся сонъ,
Какъ пустые, плохіе стишки.

III.

въ дорогѣ.

Утро туманное, утро сѣдое,
Нивы печальныя, снѣгомъ покрытыя.
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытыя.

Вспомнишь обильныя страстныя рѣчи,
Взгляды, такъ жадно, такъ робко ловимые,
Первыя встрѣчи, послѣднія встрѣчи,
Тихаго голоса звуки любимые.

Вспомнишь разлуку съ улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное далёкое,
Слушая ропотъ колесъ непрестанный,
Глядя задумчиво въ небо широкое.

Брожу надъ озеромъ.

Брожу надъ озеромъ... Туманны
Вершины круглыя холмовъ,
Темнѣетъ лѣсъ, и звучно-странны
Ночные клики рыбаковъ.

Полна прозрачной, ровной тѣнью
Небесъ нѣмая глубина...
И дышитъ холодомъ и лѣнью
Полузаснувшая волна.

Настала ночь; за яркимъ, знойнымъ,
О, сердце! за тревожнымъ днемъ,—
Когда же ты заснешь спокойнымъ,
Пожалуй, хоть послѣднимъ сномъ?

* * *

Къ чему твержу я стихъ унылый,
Зачѣмъ, въ полночной тишинѣ,
Тотъ голосъ страстный, голосъ милый,
Летитъ и просится ко мнѣ?

Зачѣмъ?.. Огонь нѣмыхъ страданій
Въ ея душѣ зажегъ не я...
Въ ея груди, въ тоскѣ рыданій
Тотъ стонъ звучалъ не для меня.

Такъ для чего же такъ безумно
Душа бѣжитъ къ ея ногамъ,
Какъ волны моря мчатся шумно
Къ недостижимымъ берегамъ?

Деревня.

Люблю я вечеромъ къ деревнѣ подъѣзжать,
Надъ старой церковью глазами провожать
Воронъ играющую стаю;
Среди большихъ полей, заповѣдныхъ луговъ,
На тихихъ берегахъ заливовъ и прудовъ,
Люблю прислушиваться къ лаю

Собакъ недремлющихъ, мычанью тяжкихъ стадъ;
Люблю заброшенный и запустѣлый садъ
И липъ незыблемыя тѣни.
Не дрогнетъ воздуха стеклянная волна;
Стоишь и слушаешь—и грудь упоена
Блаженствомъ безмятежной лѣни...

Задумчиво глядишь на лица мужиковъ—
И понимаешь ихъ; предаться самъ готовъ
Ихъ бѣдному, простому быту...
Идетъ къ колодезю старуха за водой;
Высокій шестъ скрипитъ и гнется; чередой
Подходятъ лошади къ корыту...

Вотъ пѣсню затянулъ проѣзжій... Грустный звукъ!
Но лихо вскрикнулъ онъ—и только слышенъ стукъ
Колесъ его телѣги тряской;
Выходитъ дѣвушка на низкое крыльцо—
И на зарю глядитъ... и круглое лицо
Зардѣлось алой, яркой краской.

Качаясь медленно, съ пригорка, за селомъ,
Огромные возы спускаются гуськомъ
Съ пахучей данью пышной нивы;
За конопляникомъ, зеленымъ и густымъ,
Бѣгутъ, одѣтые туманомъ голубымъ,
Степей широкіе разливы.

Та степь—конца ей нѣтъ... раскинулась, лежитъ...
Струистый вѣтерокъ бѣжитъ—не пробѣжитъ...
Земля томится, небо млѣетъ...
И лѣса длиннаго подернутся бока
Багрянцемъ золотымъ, и рощетъ онъ слегка,
И утихаетъ, и синѣетъ...

На охотѣ—лѣтомъ.

Жарко, мучительно жарко... Но лѣсъ недалеко зеленый...
Съ пыльныхъ, безводныхъ полей дружно туда мы спѣшимъ!

Входимъ... въ усталую грудь душистая льется прохлада
Стынетъ на жаркомъ лицѣ ѣдкая влага труда.
Ласково приняли насъ изумрудныя, свѣжія тѣни;
Тихо взыграли кругомъ, тихо на мягкой травѣ;
Шепчутъ привѣтныя рѣчи прозрачные, легкіе листья...
Иволга звонко кричитъ, словно дивится гостямъ.
Какъ отрадно въ лѣсу! И солнца смягченная сила
Здѣсь не пышетъ огнемъ, блескомъ играетъ живымъ.
Бархатный манитъ насъ мохъ, руками Дріадъ округленный...
Зову противиться въ насъ нѣтъ ни желанья, ни силъ.
Всѣ раскинулись члены; стихаютъ горячія волны
Крови; машетъ на насъ темными маками сонъ.
Изъ-подъ тяжелыхъ рѣсницъ взоръ наблюдаетъ недолго
Мелкихъ букашекъ и мухъ, ихъ суетливую жизнь.
Вотъ онъ закрылся... Сосѣдъ уже спитъ... съ довѣрчивымъ вздохомъ
Самъ засыпаешь... и ты, вѣчная матерь, земля,
Кротко баюкаешь ты, лелѣешь усталаго сына...
Новыхъ исполненный силъ, грудь онъ покинетъ твою.

Безлунная ночь.

О, ночь безлунная, ночь теплая, нѣмая!
Ты нѣжишься, ты млѣешь, изнывая,
Какъ отъ любовныхъ ласкъ усталая жена...
Иль, можетъ-быть, невѣдѣньемъ полна,
Мечтательнымъ невѣдѣньемъ желаній—
Стыдливая, ты ждешь таинственныхъ лобзаній?
Скажи мнѣ, ночь, въ кого ты влюблена?
Но ты молчишь на мой вопросъ нескромный...
И на тебѣ покровъ густѣетъ темный.

Я заражонъ тобой... вдыхаю влажный паръ...
И чувствую, въ груди тревожный вспыхнулъ жаръ...
Мнѣ слышится твой безконечный ропотъ,
Твой лепетъ вкрадчивый, твой непонятный шопотъ—
И тѣнь пахучая колеблется кругомъ.

Лицо горитъ невѣдомымъ огнемъ,
Расширенная грудь дрожитъ воспоминаньемъ,
Томится горестью, блаженствомъ и желаньемъ,
И воздухъ ласковый, чуть дремлющій, ночной,
Какъ будто самъ дрожитъ и пышетъ надо мной.

ДѢДЪ.

Вчера, въ лѣсу, пришлося мнѣ
Увидѣть призракъ дѣда...
Сидѣлъ онъ на лихомъ конѣ
И восклицалъ: побѣда!

И радостно глядѣлъ чудакъ
Изъ-подъ мохнатой шапки...
А въ торокахъ висѣлъ русакъ
И грустно свѣсилъ лапки.

И рогъ стремяннаго звучалъ
Такъ страстно, такъ уныло...
Любимый барскій песъ, Нахалъ,
Поднявъ стерляжье рыло,

Махалъ тихохонько хвостомъ...
Суровый доѣзжачій
Смирялъ угрозой да бичомъ
Шумливый лай собачій.

Кругомъ—сосѣди степняки,
Одѣтые забавно,
Толпились молча, бѣдняки!
И радовался явно

Мой дѣдъ, степной Сарданапалъ,
Такому многолюдью...
И какъ-то весело дышалъ
Своей широкой грудью.

Онъ за трубу *) держалъ лису,
Показывалъ сосѣду...

*) Трубой называется хвостъ у лисицы.

Вчера, передъ зарей, въ лѣсу,
Я подивился дѣду.

Гроза.

Уже давно вдали толпились тучи
Тяжелыя—росли, темнѣли грозно...
Вотъ сорвалась и двинулась громада.
Шумя, плыветъ и солнце закрываетъ
Передовое облако; внезапный
Туманъ разлился въ воздухѣ; кружатся
Сухіе листья... птицы притаились...
Изъ-подъ воротъ выглядываютъ люди,
Спускаютъ окна; запираютъ двери...
Большія капли падаютъ... и вдругъ
Помчалась пыль столбами по дорогамъ;
Поднялся вихрь и по стѣнамъ и крышамъ
Ударилъ злобно; хлынули потоки
Дождя... запрыгалъ угловатый градъ...
Крутятся, бьются, мечутся деревья,
Смѣшались тучи... молнья!.. ждешь удара...
Загрохоталъ и прокатился громомъ.
Сильнѣе дождь... Широкими струями,
Волнуясь, льетъ и хлещетъ онъ—и вѣтеръ
Съ воды срываетъ брызги... вновь ударъ!
Черезъ село растрепанный, безъ шапки
Мужикъ за стадомъ въ поле проскакалъ,
А вслѣдъ ему другой кричитъ и машетъ...
Смятенье!... Но зато когда прошла
Гроза, какъ улыбается природа!
Какъ ласково свѣтлѣютъ небеса!
Пушистыя, разсѣянныя тучки
Летятъ; жужжатъ ручьи; болтаютъ листья...
Убита пыль; обмылася трава;
Скрипятъ ворота; слышны восклицанья
Веселыя; шумя, слетаетъ голубь
На влажную, блестящую дорогу...
Въ ракитахъ раскричались воробьи;

Смѣются босоногіе мальчишки;
Запахли хлѣбомъ желтые скирды..
И бѣглымъ золотомъ сверкаетъ солнце
По молодымъ осинамъ и березамъ.

Другая ночь.

Ужъ поздно... Конь усталый мой
Храпитъ и просится домой...
Холмы пологіе кругомъ—
Степные виды! За холмомъ
Печально свѣтится пожаръ—
Овинъ горитъ. На небѣ паръ;
На небѣ мѣсяцъ золотой
Блеститъ холодной красотой,
И подъ лучомъ его нѣмымъ
Туманъ волнуется какъ дымъ,
Большія тѣни, тамъ и сямъ,
Лежатъ недвижно по полямъ,
И различаетъ глазъ едва
Лѣсовъ высокихъ острова.
Кой-гдѣ, по берегамъ рѣки,
Въ кустахъ мерцаютъ огоньки;
Внезапный крикъ перепеловъ
Гремитъ одинъ среди луговъ,
И синяя, ночная мгла
Какъ будто нехотя тепла.

Кроткіе льются лучи.

Кроткіе льются лучи съ небесъ на согрѣтую землю;
Стелется тихо по ней, теплый скользитъ вѣтерокъ.
Но давно подъ травой изсякли болтливыя воды
Въ тучныхъ лугахъ; и сама вся пожелтѣла трава.
Сумракъ душистый лѣсовъ, отрадныя, пышныя тѣни,
Гдѣ вы? гдѣ ты, лазурь яркихъ и темныхъ небесъ?
Осень настала давно; ея прощальныя ласки
Часто милѣе душѣ первыхъ улыбокъ весны.

Бурые сучья раскинула липа; береза
Вся золотая стоитъ; тополь одинъ еще свѣжъ,
Также дрожитъ и шумитъ и тихо блеститъ, серебристый;
Но побагровѣлъ давно дуба могучаго листъ.
Яркія краски вездѣ смѣнили привѣтную зелень:
Издали пышутъ съ рябинъ красные гроздья плодовъ,
Дивно рдѣетъ заря причудливымъ, долгимъ пожаромъ...
Смотришь и вѣришь едва жадно-вереннымъ очамъ.
Но природа во всемъ, какъ ясный и строгій художникъ,
Чувство мѣры хранитъ, стройной вѣрна простотѣ.
Молча, гляжу я кругомъ, вниманья печальнаго полный..
Въ тронутомъ сердцѣ звучитъ грустное слово: прости!

Передъ охотой.

Утро! вотъ утро! едва надъ холмами
Красное солнце взыграетъ лучами,
Холодъ осенняго, свѣтлаго дня,
Холодъ веселый разбудитъ меня.
Выйду я... небо смѣется мнѣ въ очи;
Съ сердца сбѣгаютъ лобзанія ночи...
Блестки крутятся на солнцѣ; морозъ
Выбѣлилъ хрупкіе сучья березъ...
Свѣтлое небо, здоровье да воля—
Здравствуй, раздолье широкаго поля!
Вновь не дождаться подобнаго дня...
Дайте ружье мнѣ! сѣдлайте коня!
Вотъ онъ... по членамъ его благороднымъ
Вѣтеръ промчался дыханьемъ холоднымъ,
Ржетъ онъ и шею сгибаетъ дугой...
Доски хрустятъ подъ упругой ногой;
Гуси проходятъ съ испугомъ и крикомъ;
Прыгаетъ песъ мой въ восторгѣ великомъ,
Ясно звучитъ его радостный лай...
Ну же, скорѣй мнѣ коня подавай!

Первый снѣгъ.

Здравствуйте, легкія звѣзды пушистаго, перваго снѣга!
Быстро на темной землѣ таете вы чередой.
Но проворно летятъ за вами другія снѣжинки,
Словно пчелы весной, воздухъ недвижный пестря.
Скоро наступитъ зима;—подъ тонкимъ и звучнымъ
желѣзомъ
Рѣзвыхъ саней завизжитъ холодомъ стиснутый ледъ.
Ярко морозъ затрещитъ; румяныя щеки красавицъ
Вспыхнутъ; иней слегка длинныхъ коснется рѣсницъ.
Такъ! пора мнѣ съ тобою разстаться, степная деревня!
Крышъ не увижу твоихъ, мягкимъ одѣтыхъ ковромъ,
Струекъ волнистаго дыма на небѣ холодномъ и синемъ,
Бѣлыхъ холмовъ и полей, грозныхъ и темныхъ
лѣсовъ.
Падай обильнѣе снѣгъ! Зоветъ меня городъ далекій;
Хочется встрѣтить опять старыхъ враговъ и друзей.

Одинъ, опять одинъ я.

Одинъ, опять одинъ я. Разошлась
Толпа гостей, скучая.—Вотъ и полночь.
За тучами, клубясь, несутся тучи,
И тяжело на землю налегли
Угрюмо неподвижные туманы.
Не спится мнѣ, не спится... Нѣтъ! во мнѣ
Тревожныя, напрасныя желанья,
Неуловимо быстрыя мечты
И призраки несбыточнаго счастья
Смѣняются проворно... Но тоска
На самомъ днѣ встревоженнаго сердца,
Какъ спящая, холодная змѣя,
Покоится. Мнѣ тяжело. Напрасно
Хочу я разсмѣяться, позабыться,
Заснуть по крайней мѣрѣ: духъ угрюмый
Не спитъ, не дремлетъ... странныя картины
Являются задумчивому взору.
То чудится мнѣ мертвое лицо,—

Лицо мнѣ незнакомое, нѣмое,
Все блѣдное, съ закрытыми глазами,
И будто ждетъ отвѣта... То во тьмѣ
Мелькаетъ образъ дѣвушки, давно
Мной позабытый... Опустивъ глаза
И наклонивъ печальную головку,
Она проходитъ мимо... слабый вздохъ
Едва замѣтно грудь приподнимаетъ...
То видится мнѣ садъ—обширный садъ...
Подъ липой одинокой, обнаженной
Сижу я, жду кого-то... вѣтеръ гонитъ
По желтому песку сухіе листья...
И робкими, послушными роями
Они бѣгутъ все дальше, дальше, мимо...
То вижу я себя на лавкѣ длинной,
Среди моихъ товарищей... Учитель—
Краснорѣчивый, страстный, молодой—
Намъ говоритъ о Богѣ... Молчаливо
Трепещутъ наши души... легкимъ жаромъ
Пылаютъ наши лица: гордой силой
Исполненъ каждый юноша... Потомъ,
Лѣтъ черезъ пять, въ томъ городѣ далекомъ,
Наставника я встрѣтилъ... Поклонились
Другъ другу мы неловко, торопливо,
И тотчасъ разошлись. Но я замѣтить
Успѣлъ его смиренную походку,
И робкій взглядъ, и старческую блѣдность.
То, наконецъ, я вижу домъ огромный,
Заброшенный, пустой,—мое гнѣздо,
Гдѣ выросъ я, гдѣ я мечталъ, бывало,
О будущемъ, куда я не вернусь...
И вотъ я вспомнилъ: я стоялъ однажды
Среди высокихъ горъ, въ долинѣ тѣсной...
Кругомъ ни травки... Камни все да камни,
Да желтый, мелкій мохъ. У ногъ моихъ
Бѣжалъ ручей, проворный, неглубокій,
И подъ скалой, въ разсѣлинѣ, внезапно
Онъ исчезалъ съ какимъ-то глупымъ шумомъ...

Вотъ жизнь моя! подумалъ я тогда.

. . . . . .

Но гости тѣ... Кому изъ нихъ могу я
Завидовать?—Гдѣ тотъ, который смѣло
И безъ обмана скажетъ мнѣ: „я жилъ!“
Одинъ изъ нихъ, добрякъ здоровый, глупъ,
И знаетъ самъ, что глупъ... ему неловко;
Другой сегодня счастливъ: онъ влюбленъ
И свѣтелъ, тихъ и важенъ, какъ ребенокъ,
Одѣтый по-воскресному... Другой
Остритъ или болѣзненно скучаетъ...
А тотъ себѣ придумалъ самъ работу,
Ненужную, безплодную,—хлопочетъ
И радъ, что „подвигается впередъ“...
Тотъ—юноша восторженный, а тотъ—
Чувствителенъ, но мелокъ и ничтоженъ...

. . . . . .

Мнѣ весело... Но ты, межъ тѣмъ, о ночь!
Не медли—проходи скорѣй и снова
Меня предай заботамъ милой жизни.

Крокетъ въ Виндзорѣ.

Сидитъ королева въ Виндзорскомъ бору...
Придворныя дамы играютъ
Въ вошедшую въ моду недавно игру;
Ту кро́кетъ игру называютъ.
Катаютъ шары и въ отмѣченный кругъ
Ихъ гонятъ такъ ловко и смѣло...
Глядитъ королева, смѣется... и вдругъ
Умолкла... лицо поблѣднѣло.

Ей чудится: вмѣсто точеныхъ шаровъ,
Гонимыхъ лопаткой проворной—
Катаются цѣлыя сотни головъ,
Обрызганныхъ кровію черной...
То головы женщинъ, дѣвицъ и дѣтей...
На лицахъ слѣды истязаній,

И звѣрскихъ обидъ, и звѣриныхъ когтей—
Весь ужасъ предсмертныхъ страданій.

И вотъ—королевина младшая дочь—
Прелестная дѣва—катаетъ
Одну изъ головъ—и все далѣе, прочь,
И къ царскимъ ногамъ подгоняетъ,
Головка ребенка въ пушистыхъ кудряхъ—
И ротикъ лепечетъ укоры...
И вскрикнула тутъ королева—и страхъ
Безумный застлалъ ея взоры.

„Мой докторъ! на помощь! скорѣй!“ И ему
Она повѣряетъ видѣнье.
Но онъ ей въ отвѣтъ: „Не дивлюсь ничему;
Газетъ васъ разстроило чтенье.
Толкуетъ намъ „Times“, какъ болгарскій народъ
Сталъ жертвой турецкаго гнѣва...
Вотъ капли... примите... все это пройдетъ!“
И въ замокъ идетъ королева.

Вернулась домой и въ раздумьи стоитъ...
Склонились тяжелыя вѣжды...
О, ужасъ! кровавой струею залитъ
Весь край королевской одежды!
„Велю это смыть! Я хочу позабыть!
На помощь, британскія рѣки!“
—Нѣтъ, ваше величество! Вамъ ужъ не смыть
Той крови невинной вовѣки!

Милый другъ.

Милый другъ, когда я буду
Умирать—вотъ мой приказъ:
Всѣхъ моихъ писаній груду
Истреби ты въ тотъ же часъ!
Окружи меня цвѣтами,
Солнце въ комнату впусти—
За раскрытыми дверями

Музыкантовъ помѣсти.
Запрети имъ плачъ печальный!
Пусть, какъ будто въ часъ пировъ,
Рѣзко взвизгнетъ вальсъ нахальный
Подъ ударами смычковъ!
Слухомъ гаснущимъ внимая
Замираніямъ струны,
Самъ замру я, засыпая...
И предсмертной тишины
Не смутивъ напраснымъ стономъ,
Перейду я въ міръ иной,
Убаюканъ легкимъ звономъ
Легкой радости земной!

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ПЕРЕВОДЫ.

Тьма.

Изъ Байрона.

Я видѣлъ сонъ... не все въ немъ было сномъ.
Погасло солнце свѣтлое—и звѣзды
Скитался безъ цѣли, безъ лучей,
Въ пространствѣ вѣчномъ: льдистая земля
Носилась слѣпо въ воздухѣ безлунномъ.
Часъ утра наставалъ и проходилъ—
Но дня не приводилъ онъ за собою...
И люди въ ужасѣ бѣды великой
Забыли страсти прежнія... Сердца
Въ одну себялюбивую молитву
О свѣтѣ робко сжались—и застыли.
Передъ огнями жилъ народъ; престолы,
Дворцы царей вѣнча́нныхъ, шалаши,
Жилища всѣхъ, имѣющихъ жилища—
Въ костры слагались... города горѣли...
И люди сбирался толпами
Вокругъ домовъ пылающихъ—затѣмъ,
Чтобы хоть разъ взглянуть въ лицо другъ другу.
Счастливы были жители тѣхъ странъ,
Гдѣ факелы вулкановъ пламенѣли...
Весь міръ одной надеждой робкой жилъ...

Зажгли лѣса; но съ каждымъ часомъ гасъ
И падалъ обгорѣлый лѣсъ; деревья
Внезапно съ грознымъ трескомъ обрушались...
И лица—при неровномъ трепетаньи
Послѣднихъ, замирающихъ огней—
Казались не земными... Кто лежалъ,
Закрывъ глаза, да плакалъ; кто сидѣлъ,
Руками подпираясь—улыбался,
Другіе хлопотливо суетились
Вокругъ костровъ—и въ ужасѣ безумномъ
Глядѣли смутно на глухое небо,
Земли погибшей саванъ... а потомъ
Съ проклятьями бросались въ прахъ и выли,
Зубами скрежетали. Птицы съ крикомъ
Носились низко надъ землей, махали
Непужными крылами... Даже звѣри
Сбѣгались робкими стадами... Змѣи
Ползли, вились среди толпы,—шипѣли
Безвредныя... ихъ убивали люди
На пищу... Снова вспыхнула война,
Погасшая на время... Кровью куплень
Кусокъ былъ каждый; всякій въ сторонѣ
Сидѣлъ угрюмо, насыщаясь въ мракѣ.
Любви не стало; вся земля полна
Была одной лишь мыслью: смерти—смерти,
Безславной, неизбѣжной... Страшный голодъ
Терзалъ людей... и быстро гибли люди...
Но не было могилы ни костямъ,
Ни тѣлу... пожиралъ скелетъ скелета...
И даже псы хозяевъ раздирали.
Одинъ лишь песъ остался трупу вѣренъ.
Звѣрей, людей голодныхъ отгонялъ,
Пока другіе трупы привлекали
Ихъ зубы жадные... но пищи самъ
Не принималъ. Съ унылымъ долгимъ стономъ
И быстрымъ, грустнымъ крикомъ, все лизалъ
Онъ руку, безотвѣтную на ласку,
И умеръ наконецъ... Такъ постепенно

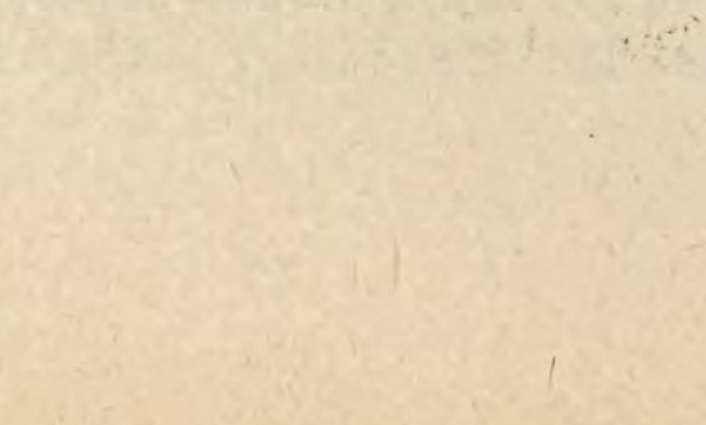
Всѣхъ голодъ истребилъ; лишь двое гражданъ
Столицы пышной—нѣкогда враговъ—
Въ живыхъ осталось... Встрѣтились они
У гаснувшихъ остатковъ алтаря,
Гдѣ много было собрано вещей
Святыхъ . . . . . .
Холодными костлявыми руками
Дрожа, вскопали золу... огонёкъ
Подъ слабымъ дыханьемъ вспыхнулъ слабо,
Какъ бы въ насмѣшку имъ: когда же стало
Свѣтлѣе, оба подняли глаза,
Взглянули, вскрикнули, и тутъ же вмѣстѣ
Отъ ужаса взаимнаго, внезапно,
Упали мертвыми . . . . . .
. . . . . И міръ былъ пустъ,
Тотъ многолюдный міръ, могучій міръ
Былъ мертвой массой, безъ травы, деревьевъ,
Безъ жизни, времени, людей, движенья...
То хаосъ смерти былъ. Озера, рѣки
И море—все затихло. Ничего
Не шевелилось въ безднѣ молчаливой.
Безлюдные лежали корабли
И гнили на недвижной, сонной влагѣ...
Безъ шуму, по частямъ валились мачты,
И падая, волны не возмущали...
Моря давно не вѣдали приливовъ...
Погибла ихъ владычица—луна;
Завяли вѣтры въ воздухѣ нѣмомъ...
Исчезли тучи... Тьмѣ не нужно было
Ихъ помощи... она была повсюду.

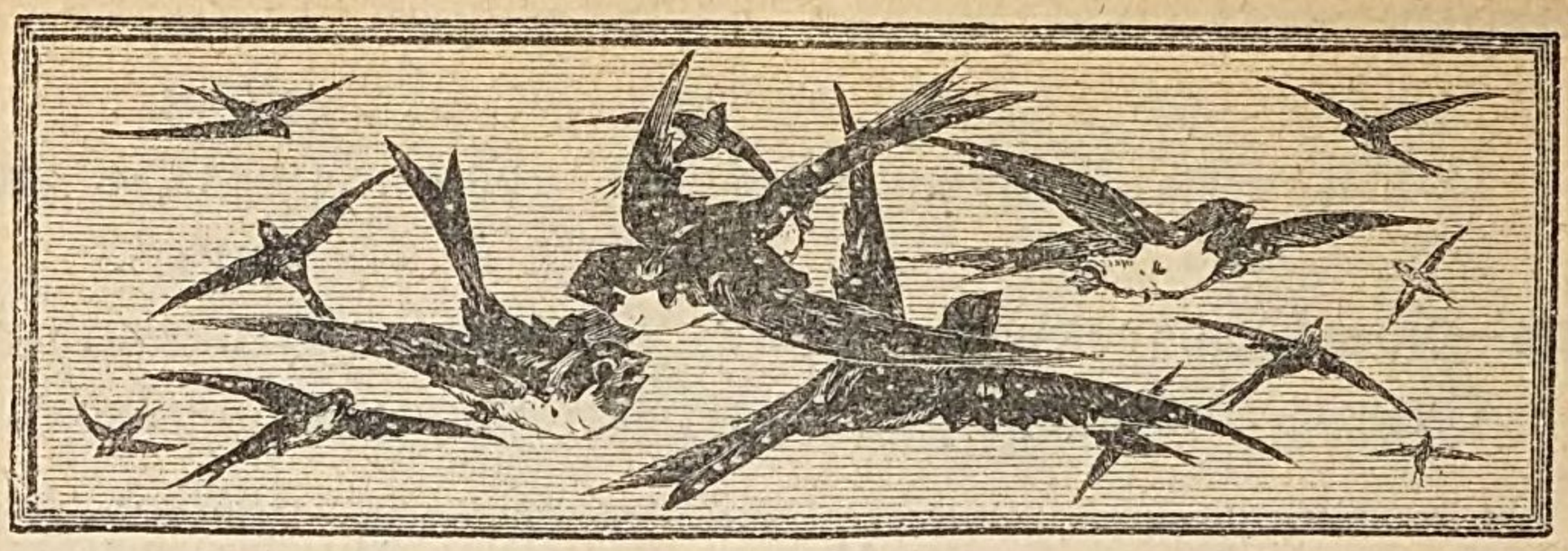
Римская элегія.

Гете, XII.

Слышишь? веселые клики съ фламинской дороги несутся:
Идутъ съ работы домой въ дальнюю землю жнецы.
Кончили жатву для римлянъ они; не свиваетъ
Самъ надменный Квиритъ доброй Церерѣ вѣнка.
Праздниковъ болѣе нѣтъ во славу великой богини,
Давшей народу взамѣнъ жолудя—хлѣбъ золотой.
Мы же съ тобою вдвоемъ отпразднуемъ радостный праздникъ.
Другъ для друга теперь двое мы цѣлый народъ.
Такъ—ты слыхала не разъ о тайныхъ пирахъ Элевзиса:
Скоро въ отчизну съ собой ихъ побѣдитель занесъ.
Греки ввели тотъ обрядъ: и греки, все греки взывали
Даже въ римскихъ стѣнахъ: „къ ночи спѣшите святой!“
Прочь убѣгалъ оглашенный; сгоралъ ученикъ ожиданьемъ.
Юношу бѣлый хитонъ—знакъ чистоты—покрывалъ.
Робко въ таинственный кругъ онъ входилъ: стояли рядами
Образы дивные; самъ—словно бродилъ онъ во снѣ.
Змѣи вились по землѣ; несли цвѣтущія дѣвы
Ларчикъ закрытый; на немъ пышно качался вѣнокъ

Спѣлыхъ колосьевъ; жрецы торжественно двигались —
пѣли...
Свѣта — съ тревожной тоской, трепетно ждалъ уче-
никъ.
Вотъ—послѣ долгихъ и тяжкихъ искусовъ, ему открывали
Смыслъ освященныхъ круговъ, дивныхъ обрядовъ и
лицъ...
Тайну—но тайну какую? Не ту ли, что тѣсныхъ объятій
Сильнаго смертнаго ты, матерь Церера, сама
Разъ пожелала, когда свое безсмертное тѣло
Все Язіону царю ласково все предала.
Какъ осчастливленъ былъ Критъ! И брачное ложе богини
Такъ и вскипѣло зерномъ, тучной покрылось травой.
Вся жъ остальная зачахла земля... забыла богиня
Въ часъ упоительныхъ нѣгъ—свой благодѣтельный
долгъ.
Такъ съ изумленьемъ нѣмымъ разсказу внималъ посвя-
щенный;
Милой кивалъ онъ своей... Другъ, о пойми же меня!
Тотъ развѣсистый миртъ осѣняетъ уютное мѣсто...
Наше блаженство землѣ тяжкой бѣдой не грозитъ.





Послѣдняя сцена первой части „Фауста“ Гете.

ТЮРЬМА.

Фаустъ

(съ связкой ключей и лампадой передъ небольшой желѣзной дверью).

Я чувствую тревожное волненье...
Всей скорбію земной душа моя полна;
Вотъ здѣсь—въ тюрьмѣ... И что же? Заблужденье
Простосердечное—вотъ вся ея вина.
Ты мѣшкаешь? Ты медлишь къ ней идти?
Иль увидать ее боишься ты?
Рѣшайся же... ей смерть грозитъ... Скорѣй!

(Онъ схватывается за замокъ. Въ тюрьмѣ раздается пѣсенка.) *)

Фаустъ, отпирая.

Она не чувствуетъ, что близокъ милый къ ней
И слышитъ шумъ соломы, звукъ цѣпей.

(Онъ входитъ.)

---

*) Старинную нѣмецкую пѣсенку, которую Гёте вложилъ въ уста Маргариты, я не рѣшился перевести, потому что, по-моему, въ переводѣ она теряетъ свой характеръ, и является какимъ-то фантастически лирическимъ изліяніемъ. Впрочемъ — переводъ г-мъ Губеръ этой пѣсни—довольно вѣренъ. Т.

Маргарита, прячась на постели.

Они пришли... Смерть! смерть! О, Боже мой!

Фаустъ тихо.

Ст! тише! Я пришелъ тебя спасти.

Маргарита, валяясь у ногъ его.

О, если ты не звѣрь, такъ сжалься надо мной!

Фаустъ.

Тс! Крикомъ сторожей разбудишь ты!

(Онъ берется за ея цѣпи.)

Маргарита на колѣняхъ.

Кто далъ тебѣ право, палачъ, приходить
Такъ рано за мною?
О, сжалься! дай мнѣ сегодня пожить—
Возьми меня завтра по-утру... съ зарею...

(Она встаетъ.)

Я такъ еще молода, молода—
И вотъ уже я умереть должна...
Была, говорятъ, не совсѣмъ я дурна—
Меня ты сгубила, моя красота!
Былъ близокъ другъ... но теперь онъ далекъ—
Цвѣты всѣ завяли... разорванъ вѣнокъ.
Не трогай меня! Не берись за меня!
О, сжалься! чѣмъ я тебя оскорбила?
Неужто тебя я напрасно молила?
Я въ первый разъ въ жизни вижу тебя.

Фаустъ.

Снесу ли я эти муки?

Маргарита.

Смотри—тебѣ вся отдаюся я въ руки...
Позволь мнѣ ребенка сперва покормить:
Мы цѣлую ночь съ нимъ не спали;
Я все его грѣла... Они его взяли,
Они хотѣли меня огорчить—
И что же? Теперь говорятъ на меня,

Что будто его убила я.
Не быть мнѣ веселой! не вѣдать мнѣ радостной доли!
И вотъ—они пѣсни поютъ про меня... Не грѣшно ли!
Старинная сказка такъ кончается—
Но развѣ ко мнѣ она примѣняется?

Фаустъ, бросаясь къ ея ногамъ.

Твой другъ у ногъ твоихъ; твой другъ тебя спасетъ...
Онъ изъ тюрьмы тебя съ собой возьметъ.

Маргарита, бросаясь тоже на колѣни.

О, станемъ молиться святымъ съ тобой!
Подъ этимъ сводомъ, подъ этой плитой
Весь адъ кипитъ...
Лукавый гремитъ,
И злится, и роетъ,
И воетъ...

Фаустъ громко.

Гретхенъ! Гретхенъ!

Маргарита, прислушиваясь.

Это былъ его голосъ...

(Она вскакиваетъ; цѣпи съ нея спадаютъ.)

Гдѣ онъ? Гдѣ онъ? Его слышала я...
Свободна я! Кто удержитъ меня?
Въ объятья его побѣгу я—
На грудь его упаду я!
Онъ сказалъ: „Гретхенъ!“ въ дверяхъ онъ стоялъ...
Вдругъ среди водъ и адскаго плеска,
Злобнаго хохота, грознаго треска,
Любящій голосъ его прозвучалъ.

Фаустъ.

Я здѣсь!

Маргарита.

Ты здѣсь... О, повтори мнѣ эти звуки...

(Обнимая его.)

Онъ... это онъ... куда дѣвались муки
И ужасы цѣпей? тюрьмы?

Ты здѣсь! Пришелъ меня спасать?
Я спасена!
Я вижу улицу опять,
Гдѣ въ первый разъ сошлися мы,
И садъ, и домъ,
Гдѣ съ Марѳой мы тебя, бывало, ждемъ.

Фаустъ.

Пойдемъ, мой другъ, пойдемъ.

Маргарита, ласкаясь къ нему.

Побудь еще немного,
Такъ хорошо мнѣ тамъ, гдѣ ты бываешь...

Фаустъ.

Спѣши же, ради Бога—
Ты насъ погубишь... ты меня терзаешь.

Маргарита.

Что жъ это? Ты меня не лобызаешь?
Мой другъ, давно ль со мной ты разлучился—
И цѣловать ужъ разучился?
Что̀ мнѣ такъ страшно на груди твоей,
Когда—бывало—отъ твоихъ рѣчей,
Отъ взгляда твоего—все небо разверзалось...
И ты меня такъ обнималъ, что я
Чуть-чуть не задыхалась!..
Цѣлуй же меня—
Не то я поцѣлую тебя!

(Она его обнимаетъ.)

О, горе! какъ губы твои холодны, безотвѣтны...
Что же сдѣлалось съ твоей любовью?
Кто лишилъ меня твоей любви?

(Она отъ него отворачивается.)

Фаустъ.

Мой ангелъ, ободрись, не унывай напрасно;
Тебя ласкать я буду страстно—
Попрежнему... пойдемъ, прошу тебя, пойдемъ.

Маргарита оборачивается опять къ нему.
Да ты ль это? Да точно ль это ты?

Фаустъ.

Я! я! пойдемъ!

Маргарита.

Съ меня ты цѣпи снялъ,
Меня опять въ свои объятья взялъ...
О, какъ же ты меня не избѣгаешь?
И знаешь ли ты, другъ, кого спасаешь?

Фаустъ.

Скорѣй... уже рѣдѣетъ мракъ ночной...

Маргарита.

Я мать свою убила,
Ребенка утопила.
Вѣдь онъ былъ твой... да—твой и мой.
Твой... это ты... все вѣрить не могу я...
Дай руку мнѣ—нѣтъ, точно, нѣтъ—не сплю я..,
Ахъ, эта милая рука!.. скорѣй
Утри ее... она сыра—на ней
Я вижу кровь, смотри—пятно какое!
Спрячь эту шпагу... О! что сдѣлалъ ты?

Фаустъ.

Оставь прошедшее въ покоѣ—
Меня погубишь ты.

Маргарита.

Нѣтъ... нѣтъ... ты долженъ остаться, мой милый...
Хочу описать тебѣ наши могилы.
Объ нихъ ты завтра, до ранней зари,
Мой другъ, позаботься, смотри.
Родную на первомъ схоронишь ты мѣстѣ...
И брата съ ней вмѣстѣ...
Меня въ сторонѣ—
Но не слишкомъ далеко—
И буду лежать одиноко.
Малютку на грудь ты положишь ко мнѣ.

Когда я къ тебѣ прислонялась, бывало,
Какое блаженство меня проникало...
Теперь—не могу я предаться вполнѣ;
Какъ-будто должна я себя принуждать,
Какъ-будто не хочешь меня ты ласкать...
И это ты?.. и такъ привѣтно ты глядишь...

Фаустъ.

Сама жъ ты говоришь,
Что это я... пойдемъ, мой другъ, пойдемъ...

Маргарита.

Куда?

Фаустъ.

На волю...

Маргарита.

Въ гробъ? Пойдемъ—
И если смерть за дверью ждетъ—пойдемъ
Отсюда... и въ могилу—на покой...
Ни шагу дальше—
Но ты уходишь, Генрихъ...
О, если бъ я могла идти съ тобой!

Фаустъ.

Ты можешь... Посмотри: раскрыта дверь.

Маргарита.

Я не хочу уйти... Чего мнѣ ждать теперь?
Какія радости теперь насъ ожидаютъ?..
Бѣжать... къ чему? Они меня поймаютъ...
А милостыней жить такъ тяжело,
Особенно, когда на совѣсти легло...
Такъ тяжело въ чужой землѣ скитаться!
И не могу жъ я вѣчно укрываться.

Фаустъ.

Съ тобой останусь я.

Маргарита.

Скорѣй, скорѣй,

Спаси свое дитя.
Скорѣй, ступай
Вверхъ по ручью
Все по дорожкѣ
И прямо въ лѣсъ...
Налѣво, ужъ доска лежитъ—
Въ пруду...
Хватай его, хватай—
Оно подняться хочетъ...
Оно еще бьется—
Спаси, спаси!

Фаустъ.

Опомнись, Гретхенъ,
Лишь шагъ одинъ—свободна ты!

Маргарита.

Какъ мнѣ бъ эту гору скорѣе пройти!..
Тамъ мать на камнѣ сидитъ одна—
Холодная дрожь по мнѣ пробѣгаетъ...
Тамъ мать на камнѣ сидитъ одна—
И все головою киваетъ.
Киваетъ, качаетъ—устала она...
Она такъ долго спала, спала;
Она пробудиться никакъ не могла...
Никто не мѣшалъ намъ съ тобой цѣловаться—
Такого блаженства теперь не дождаться!

Фаустъ.

Напрасны мольбы... рѣшился я!
Унесу я тебя!

Маргарита.

Оставь меня—нѣтъ! Не позволю я! Нѣтъ!
Не берись за меня ты со всей твоей силой...
Въ угоду тебѣ я все дѣлала, милый...

Фаустъ.

Да вотъ ужъ и день... загорается свѣтъ...

Маргарита.

Свѣтаетъ... послѣдній день насталъ,
День свадьбы нашей... о, да!
Не сказывай ты никому, что бывалъ
У Гретхенъ... не то—бѣда!
Что жъ дѣлать!.. Судьба!..
Мой другъ, я увижу тебя...
Тогда мы съ тобою не станемъ плясать...
Толпа тѣснится... толпы не слыхать...
Всѣ лица безмолвны,
Всѣ улицы полны—
Набатъ звучитъ... махнулъ судья.
Какъ вяжутъ они, какъ хватаютъ меня.
И вотъ уже къ плахѣ привязана я...
Топоръ размахнулся...
Затылокъ у каждаго вдругъ содрогнулся—
Безмолвно весь міръ лежитъ, какъ могила.

Фаустъ.

Зачѣмъ я родился!

Мефистофель, показываясь въ дверяхъ.

Ко мнѣ! не то вы пропали—
О чемъ вы такъ долго болтали?..
Наши кони храпятъ—
Чуютъ утро—домой хотятъ.

Маргарита.

Что тамъ изъ земли поднялось? Взгляни—
Вотъ этотъ... вотъ... прогони ты его, прогони—
Зашелъ онъ въ святое мѣсто, зашелъ;
За мной онъ пришелъ.

Фаустъ.

Ты будешь жива—я клянусь!

Маргарита.

О, Божій судъ! я тебѣ предаюсь!

Мефистофель.

Скорѣй... обоихъ васъ брошу я.

Маргарита.

Отецъ—я твоя! Спаси меня!
Небесныя силы, меня окружите!
Вы, ангелы! меня защитите!
Генрихъ—ты страшенъ мнѣ.

Мефистофель.

Она осуждена!

Голосъ съ вышины.

Она спасена!

Мефистофель.

Ко мнѣ!

(Исчезаетъ съ Фаустомъ.)

Голосъ изнутри, замирая.

Генрихъ... Генрихъ...

Не ждете ль вы?

(Изъ А. Мюссе.)

Не ждете ль вы, что назову я,
Кого люблю?
Нѣтъ!—такъ легко не выдаю я
Любовь свою.

Но я скажу вамъ (я смѣлѣе
Среди друзей),
Что спѣлый колосъ не свѣтлѣе
Ея кудрей.

Живу ея покорный волѣ
И для неё
Я жизнь и, если нужно болѣ,
Отдамъ я все!

---

*) А вотъ и самый подлинникъ для сличенія:

Si vous croyez que je vais dire
Qui j'ose aimer,
Je ne saurais pour un empire
Vous la nommer.

Nous allons chanter à la ronde,
Si vous voulez,
Que je l'adore, et qu'elle est blonde
Comme les blés.

Je fais ce que sa fantaisie
Veut m'ordonner,
Et je puis, s'il lui faut ma vie,
La lui donner.

Du mal qu'une-amour ignorée
Nous fait souffrir,
J'en porte l'ame dechirée
Jusqu'à mourir.

Любви отверженной мученья
До траты силъ,
До горькихъ слезъ, изнеможенья
Переносилъ.

И, въ сердцѣ сдавленномъ скрывая
Любовь свою,
Погибну я, не называя,
Кого люблю. *).

---

*) Mais j'aime trop pour que je die
Qui j'ose aimer,
Et je veux mourir pour ma mie
Sans la nommer.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ЭПИГРАММЫ, ПИСЬМА, НЕОКОНЧЕННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Эпиграммы.

I.

Дружинину.

Дружининъ корчитъ европейца...
Какъ ошибается бѣднякъ!
Онъ трупъ россійскаго гвардейца,
Одѣтый въ англійскій пиджакъ.

II.

Кетчеру.

Вотъ еще свѣтило міра!
Кетчеръ, другъ шипучихъ винъ;
Переперъ онъ намъ Шекспира
На языкъ родныхъ осинъ.

III.

Никитенко.

Исполненный ненужныхъ словъ
И мыслей, ставшихъ общимъ мѣстомъ,
Онъ краснорѣчья прѣснымъ тѣстомъ
Всю землю вымазать готовъ...

IV.

Кудрявцеву.

Онъ хлыщъ, но какъ онъ тихъ и скроменъ,
Высокъ и въ то же время томенъ,
Какъ старой дѣвы билье-ду;
Но, возвышаясь постепенно,
Давно сталъ скученъ несравненно
Педантъ, вареный на меду.

V.

Достоевскому.

Рыцарь горестной фигуры!
Достоевскій, юный пыщъ;

На посу литературы
Ты вскочилъ, какъ яркій прыщъ.
Хоть ты новый литераторъ,
Но въ восторгъ ужъ всѣхъ повергъ:
Тебя хвалитъ императоръ,
Уважаетъ Лейхтенбергъ.

Изъ писемъ къ Е. Я. Колбасину *).

Виши, 30 мая 1859 г.

Мой юный другъ, Колбасинъ Елисей,
Не далѣе какъ въ середу, намѣренъ
Я городъ сей покинуть.—Потому
Прошу васъ изъ роскошной вашей дачи
Перенестись въ извѣстный градъ Парижъ
Въ четвергъ въ одиннадцать часовъ утра,
Въ „Hôtel Byron“, на улицѣ Лаффитъ.
Вы тамъ меня найдете.—Съ удовольствьемъ
Въ свои объятся заключу я васъ.
Но, можетъ-быть, меня не будетъ тамъ...
(Дѣла меня задержатъ)—вы тогда
Ни подлецомъ, ни гнусною свиньею,
Ни легкомысленнымъ обманщикомъ меня
Не называйте... но великодушно
Простите друга вашего—и снова
Въ „Hôtel Byron“ вернитеся въ субботу.
Коль и тогда меня вы не найдете,
То также не ругайтесь надо мною,
А прямо отправляйтесь въ Божій храмъ
И панихиду отслужите.—Я
Въ живыхъ тогда не буду.

*) Ел. Яков. Колбасинъ — сотрудникъ „Современника“ и авторъ книги „Литературные дѣятели прежняго времени“ (СПБ. 1859 г.).

Куртавнель, 8 іюля 1859 г.

Многострадальный Колбасинъ, и въ то же время счастливецъ!
Благополучно въ деревню третьягодня я пріѣхалъ
(Имя ей: Куртавнель); лежитъ она въ области „Бріѣ“,
Близко отъ городишка Розѐ, красотъ въ ней немного;
И чтобы слово сдержать, пишу къ вамъ это посланье.
Я, по милости водъ, мной вкушенныхъ обильно, доселѣ
Свѣжъ и здоровъ, что будетъ далѣе—мнѣ неизвѣстно.
Но вотъ горестный фактъ: не раньше 30 іюля
Буду я деньги имѣть... Какъ быть?—Я долженъ вамъ 300!
Знаю, что нужны вамъ деньги... А потому припадаю
Прямо къ стопамъ Шеншина и взываю къ нему съ умиленьемъ:
„Дайте Колбасину злато и все считайте за мною!
Буду я вѣкъ благодаренъ“.—А вы, птенецъ благородный,
Мнѣ напишите два слова о томъ, что творите вы, также подробно
О грозившемъ недугѣ повѣдайте: также ль жестоко
Онъ васъ грызетъ—или началъ слабѣть предъ искусствомъ
Ловкихъ врачей и адскаго камня? Все мнѣ скажите.
Кланяйтесь всѣмъ и себя берегите. Мизантропіи
Не предавайтесь; не будьте и злымъ самоѣдомъ,
Ниже скептикомъ мрачнымъ... Лучше надѣньте подрясникъ!
Впрочемъ, будьте здоровы; я крѣпко жму вамъ десницу.

Куртавнель, 15 іюля 1859 г.

О, юный Колбасинъ!
Горестью сердце исполнилось вашего друга,
Узнавши
Силу недуга, томящаго васъ. Не огорчайтесь
Слишкомъ и безпрекословно лѣчитесь.
А въ понедѣльникъ увижу васъ въ Аніерѣ—
И возвращу вамъ мой долгъ. Но братъ вашъ суровый

Взвелъ на меня клевету: я не только не думалъ
Васъ обвинять
Въ лишнихъ издержкахъ; я всюду трубилъ о вашемъ
богатствѣ:
Анна Семеновна *) твердо увѣрена мною,
Что вы ворочаете огромныя груды червонцевъ,
Спите на діамантахъ (о, неудобное ложе!)...
А потому
Вы клеветѣ сей не вѣрьте и ждите меня въ понедѣльникъ.

Это письмо написано мною
Въ фетовскомъ стилѣ, его же размѣромъ
Пребезобразный размѣръ! а впрочемъ, я пребываю
Искренно преданный вамъ
Тургеневъ Иванъ, сынъ Сергѣя.

Куртавнель, 3 авг. 1859 г.

1.
Милый Колбасинъ!
Вы меня ждали—
(Я полагаю),
Но, къ сожалѣнью
Я васъ надулъ!

2.
Злая холера
Гнусную трусость
Мнѣ по привычкѣ
Въ сердце вдохнула—
Я убѣжалъ!

3.
День лишь единый
Былъ я въ Парижѣ,
Дочь подхвативши,
Прямо далъ тягу
Я въ Куртавнель.

*) Родственница Тургенева.

4.

Здѣсь я пробуду
Двѣ-три недѣли;
Передъ отъѣздомъ
Въ росскія страны
Буду у васъ.

5.

Вы мнѣ скажите:
Что вы? Здоровы ль?
Чище ли снѣга
На Эльборусѣ
Нынѣ вашъ зубъ?

6.

Видѣли праздникъ? *)
Съ русскимъ акцентомъ,
Голосомъ хриплымъ
Вы не кричали:
„Фифъ лампереръ?“

7.

Нѣтъ! я увѣренъ:
Въ знойномъ Аньерѣ
Съ гордымъ величьемъ
Вы просидѣли
Эти два дня.

8.

Кланяюсь низко
Жителямъ дома—
Номеръ четвертый;
Вамъ же я руку
Дружески жму.

---

*) 15 (3) августа праздновался въ Парижѣ день Наполеоновъ I и III.

Изъ писемъ Тургенева къ Фету *).

Письмо изъ Парижа отъ 31 марта 1864 г.

Покинувъ градъ Петровъ, я въ Баденъ поспѣшилъ
И съ удовольствіемъ тамъ десять дней прожилъ.
На брата посмотрѣть заѣхалъ я во Дрезденъ
(Какъ у Веригиной на насъ съ привѣтомъ лѣзъ Денъ,—
Вы не забыли, чай? Но въ сторону его!).
Я въ Баденѣ, мой другъ, не дѣлалъ ничего,
И то же самое я сдѣлаю въ Парижѣ,
И чувствую, что такъ къ природѣ люди ближе,
И что не нуженъ намъ ни Кантъ, ни Геродотъ,
Чтобъ знать, что устрицы кладутъ не въ носъ, а въ ротъ.
Недѣльки черезъ двѣ лечу я снова въ Баденъ,
Тамъ травка зеленѣй и воздухъ тамъ прохладенъ,
И шепчутъ горъ верхи: „гдѣ Фетъ? гдѣ тотъ поэтъ,
Чей стихъ свѣжѣй икры и сладостнѣй конфетъ?
Достойно насъ воспѣть одинъ онъ въ состояньи“...
Но пребываетъ онъ въ далекомъ разстояньи.

Соборное Посланіе

двумъ **) обитателямъ Степановки отъ смиреннаго Іоанна. 1864 годъ.

Любезнѣйшій Фетъ!

На ваше риѳмованное
И милѣйшее письмо
Отвѣчать стихами
Я не берусь;
Развѣ тѣмъ размѣромъ,
Который съ легкой руки
Гёте и Гейне

---

*) Аѳ. Аѳ. Шеншину.

**) А. А. Шеншину и В. П. Боткину. Страница письма раздѣлена посерединѣ графою: налѣво—письмо къ первому—написано приведенными стихами, направо, ко второму, прозой; затѣмъ, со словъ: „и всѣ наши просьбы“, графа исчезаетъ и письмо относится уже къ обоимъ вмѣстѣ.

Привился у насъ и сугубо
Процвѣлъ подъ перстами
Поэта, носящаго имя
Фетъ!
Размѣръ этотъ легокъ,
Но и коваренъ:
Какъ разъ по горло
Провалишься въ прозу,
Въ самую скучную прозу;
И сиди въ ней,
Какъ грузныя сани,
Въ весенней зажорѣ!
Ну-съ, какъ-то васъ боги
Хранятъ
На лонѣ обширной
Тарелки,
Посрединѣ которой
Грибомъ крутобокимъ
Степановки милой
Засѣла усадьба?
Надѣюсь, отлично;
Теперь же явился
Къ вамъ оный премудрый
Странникъ и зритель,
Зовомый Васильемъ
Петровичемъ Боткинымъ.
Онъ въ ваши предѣлы
Стремился, какъ рьяный
Конь.
И всѣ наши просьбы,
Наши жаркія убѣжденья
Презрѣлъ; такъ ужасно
Ему захотѣлось
Поѣсть вашихъ пулярокъ
Съ рисомъ и трюфелями,
Которыя запиваются
Шампанскимъ,
Здѣсь, увы! неизвѣстнымъ.

Признаться, не прочь бы
И я побывать тамъ,
Но очень это ужъ далеко.
А я здѣсь остался,
Въ цвѣтущемъ эдемѣ
Баденъ-Бадена,
Въ которомъ, однако,
Вотъ уже болѣе мѣсяца
Царствуетъ противнѣйшій
Холодъ и вѣтеръ;
Льютъ дожди
Съ утра до вечера,
И вообще всякая гадость
И пакость
Совершается на небѣ.
Что-то у васъ?
Но, несмотря на все это,
Я процвѣтаю здоровьемъ;
Только ноги пухнутъ.
. . . . . .
Ноетъ правый вертлюгъ
Отъ ревматизма;
Затылокъ трещитъ
Отъ геморроя,
И глаза плохо видятъ;
Я-жъ, не унывая,
Пью какую-то мерзкую
Воду.
Засимъ прощайте,
Земляннику ѣшьте,
Тетеревовъ лупите
И меня поминайте.

Письмо изъ Карлсруэ отъ 18-го февраля 1869 г.

Въ отвѣтъ на возгласъ соловьиный
(Онъ устарѣлъ, но голосистъ)
Шлетъ щуръ сѣдой съ полей чужбины
Хоть хриплый, но привѣтный свистъ.
Эхъ! плохи стали птицы обѣ
И ужъ не поюнѣть имъ вновь!
Но движется у каждой въ зобѣ
Все то же сердце, та же кровь...
И знай: едва весна вернется
И заиграетъ жизнь въ лѣсахъ—
Щуръ отряхнется, встрепенется
И въ гости къ соловью махъ-махъ!

Изъ Спасскаго, 8-го іюля 1870 г.

Фетъ, ну, что вашъ Шопенгауэръ?
Пріѣзжайте посмотрѣть,
Какъ умѣетъ русскій Bauer
Кушать, пить, плясать и пѣть!
Въ будущее воскресенье,
Въ Спасскомъ всѣмъ на удивленье
Будетъ заданъ дивный пиръ.
Потѣшайся Мценскій міръ!

Изъ Парижа, 26-го февр. 1872 г., И. С. Тургеневъ писалъ:

„Прочтя ваше изумительное изреченіе, что „я (И. С. Т.) консерваторъ, а вы (А. А. Ф.) радикалъ“, —я воспылалъ лирическимъ пѳосомъ и грянулъ слѣдующими стихами:

Рѣшено! Ура! Вивать!
Я—Шешковскій, Фетъ—Маратъ!
Я—презрѣнный волтерьянецъ...
Фетъ—возвышенный спартанецъ!
Я—буржуй и доктринеръ...
Фетъ—ре-во-лю-ці-о-неръ!
Въ немъ вся ярость нигилиста
И вся прелесть юмориста!

Графиня Донато.

Начало поэмы.

I.

Былъ свѣтлый, лѣтній день, когда съ охоты знойной
Въ свой замокъ, вдоль рѣки широкой и спокойной,
Графиня ѣхала. Сверкалъ зеленый лугъ
Заманчиво... но ей все надоѣло вдругъ—
Все: рѣзкій звукъ роговъ въ излучинахъ долины,
И сокола полетъ, и цапли жалкій стонъ,
Стальныхъ бубенчиковъ нетерпѣливый звонъ,
И лѣсомъ вѣковымъ покрытыя вершины,
И солнца смѣлый блескъ, и шелестъ вѣтерка...
Могучій сѣрый конь походкой горделивой
Подъ нею выступалъ, подбрасывая гривой,
И умной головой помахивалъ слегка.
Графиня ѣхала, не поднимая взора,
Подъ золотомъ парчи не шевельнется шпора,
Скатилась на сѣдло усталая рука.

II.

Читатель! мы теперь въ Италіи съ тобой,
Въ то время славное, когда владыки Рима
Готовили вѣнецъ творцу Ерусалима,
Вѣнецъ, похищенный завистливой судьбой.
Когда, въ виду дворцовъ высокихъ и надменныхъ,
Въ виду озеръ и рѣкъ прозрачно-голубыхъ,
Подъ безконечный плескъ фонтановъ отдаленныхъ,
Въ садахъ таинственныхъ, и темныхъ, и нѣмыхъ,
Гуляли женщины веселыми роями
И тихо слушали, склонившись головами,
Разсказы о дѣлахъ и чудесахъ былыхъ...
Когда замолкли вдругъ военныя тревоги—
И міра древняго плѣнительные боги
Являлись радостно на вдохновенный зовъ
Влюбленныхъ юношей и пламенныхъ пѣвцовъ.

III.

Графиня ѣхала... Вдали, полузакрытый
Густою зеленью и солнечнымъ лучомъ,
Какъ будто золотомъ расплавленнымъ облитый,
Встаетъ ея дворецъ. За ней на ворономъ
Тяжеломъ жеребцѣ—покрытаго плащомъ,
Мужчину видимъ мы. Чета собакъ проворныхъ
Тѣснится къ лошади. Среди рабовъ покорныхъ
Идетъ сокольничій, суровый и сѣдой;
Но птицы рѣзвыя напрасно бьютъ крылами...
Красивый, стройный пажъ поспѣшными шагами
Бѣжитъ у стремени графини молодой.
Подъ шапкой бархатной, надвинутой на брови,
Его глаза блестятъ; колышутся слегка
На шеѣ локоны; румянцемъ юной крови
На солнцѣ весело горитъ его щека.

IV.

Графиня ѣхала... А въ замкѣ подъ окномъ
Стоялъ ея супругъ и, прислонясь лицомъ
Къ холодному стеклу, глядѣлъ на лугъ широкій.
И былъ то человѣкъ упорный и глубокій:
Слывя задумчивымъ, все наблюдалъ кругомъ,
Не требуя любви, ни отъ кого совѣта
И помощи не ждалъ, чуждался лишнихъ словъ;
Но свѣтлый взоръ его, исполненный привѣта,
Умѣлъ обманывать, умѣлъ ласкать враговъ.
И былъ онъ окруженъ послушными слугами,—
Друзей удерживалъ обильными дарами,
И гнѣвнаго лица его не зналъ никто.
Донато не спѣшилъ и въ мести... Но зато
Во тьмѣ его души созрѣвшія рѣшенья
Напрасно никогда не ждали исполненья...

Филиппо Стродзи.

Въ отчизнѣ Данта, древней, знаменитой,
Въ тотъ самый вѣкъ, когда монахъ нѣмецкій
Противу папы смѣло возставалъ—
Жилъ честный гражданинъ, Филиппо Стродзи.
Онъ былъ богатъ и знатенъ; торговалъ
Со всей Европой, засѣдалъ въ судахъ
И велъ за дѣло правое войну
Съ сосѣдями: не разъ ему ввѣряла
Свою судьбу Тосканская столица.
И былъ онъ справедливъ, и простъ, и кротокъ;
Не соблазнялъ, но покорялъ умомъ
Противниковъ... и зависти враждебной,
Тревожной злобы, низкаго коварства—
Не вѣдалъ прямодушный человѣкъ.
Въ немъ древній римлянинъ воскресъ. Во всѣхъ
Его дѣлахъ, и въ поступи, во взорахъ,
Въ обдуманной медлительности рѣчи
Дышало благородное сознанье—
Сознанье государственнаго мужа.
Не позволялъ онъ называть себя
Почетными названьями. Льстецамъ
Онъ говорилъ: „Меня зовутъ Филиппомъ—
Я сынъ купца“. Любовью безпредѣльной
Любилъ онъ родину, любилъ свободу,
И, вѣрный строгой мудрости Зенона,
Ни смерти не боялся, ни безумно
Не радовался жизни; но безчестно,
Но въ рабствѣ жить не могъ и не хотѣлъ.
И вотъ, когда семейство Медичисовъ,
Людей честолюбивыхъ, пышныхъ, умныхъ,
Уже давно любимое народомъ
(Со времени великаго Козьмы),
Достигло власти наконецъ; когда

Самъ императоръ—Пятый Карлъ—родную
Дочь отдалъ Александру Медичису,—
И сильный силой царственнаго тестя
Законы нагло началъ попирать
Безумный Александръ—возсталъ Филиппъ
И съ жалобой не дерзкой, но достойной
Свободнаго народа, къ вѣнценосцу
Прибѣгъ. Но Карлъ остался непреклоннымъ—
Цари другъ другу всѣ сродни. Тогда
Филиппо Стродзи, видя, что народъ
Молчитъ и терпитъ—и страшась привычки
Разврата рабства—худшаго разврата,
Рукою Лоренцина—погубилъ
Надменнаго владыку. Но минула
Та славная, великая пора,
Когда цвѣли свободные народы
Въ Италіи, божественной странѣ,
И не пугались мысли безначалья,
Какъ дѣти малолѣтнія... Напрасно
Освободилъ Филиппъ родную землю—
Явился новый, грозный притѣснитель,
Другой Козьма. Филиппъ собралъ дружину,
Друзей нашелъ—и преданныхъ и смѣлыхъ—
Но полководцемъ не былъ онъ искуснымъ...
Надѣялся на правоту, на доблесть
И вѣрилъ обѣщаньямъ и словамъ
Не какъ ребенокъ легковѣрный—нѣтъ!
Какъ человѣкъ, быть-можетъ, слишкомъ честный...
Его разбили, взяли въ плѣнъ. Октавій
Разбилъ же Брута нѣкогда. Какъ муху
Паукъ—медлительно терзалъ Филиппа
Лукавый побѣдитель. Вотъ однажды
Сидѣлъ несчастный послѣ тяжкой пытки
Передъ окномъ и радовался втайнѣ:
Онъ выдержалъ неслыханныя муки
И никого не выдалъ палачамъ.
Сквозь черную рѣшетку падалъ ровный,
Широкій лучъ на блѣдное лицо,

На рубище кровавое, на раны
Страдальца. Слышался вдали безпечный,
Веселый говоръ празднаго народа...
Въ окошко мухи быстро залетали,
И съ вышины томительно далекой —
Прозрачной, свѣтлой вѣяло весной.
Съ усильемъ поднялъ голову Филиппо:
И вспомнилъ онъ любимую жену,
Дѣтей-сиротокъ, собственное дѣтство...
И молодость, и первыя желанья,
И первыя полезныя дѣла,
И всю простую, праведную жизнь
Свою тогда припомнилъ онъ. И вотъ,
Куда попалъ онъ наконецъ! Надеждамъ,
Напраснымъ онъ не предавался... Казнь,
Мучительная казнь его ждала... Сомнѣнье
Невыразимо-горькое внезапно
Наполнило возвышенную душу
Филиппа; сердце въ немъ отяжелѣло
И выступили слезы на глаза.
Молиться захотѣлъ онъ, возмутилось
Въ немъ чувство справедливости... Безмолвно
Израненныя, скованныя руки
Онъ поднялъ, показалъ ихъ молча небу,
И безъ негодованья, съ безконечной
Печалью, произнесъ онъ: гдѣ же правда?
И ропотомъ угрюмымъ отозвался
Филиппу низкій сводъ его тюрьмы...
Но долго бы пришлось еще терзаться
Филиппу, если бъ старый, честный сторожъ,
Достойный понимать его величье,
Однажды, послѣ выхода судьи,
Не положилъ бы молча на порогѣ
Кинжала... Понялъ сторожа Филиппъ,—
И также молча, медленнымъ поклономъ
Благодарилъ заботливаго друга.
Но прежде чѣмъ себѣ нанесъ онъ рану
Смертельную, на каменной стѣнѣ

Кинжаломъ стихъ латинской эпопеи
Онъ начерталъ: „Когда-нибудь возстанетъ
Изъ праха нашего желанный мститель!“
Послѣдняя, напрасная надежда!
Филипповъ сынъ погибъ въ землѣ чужой—
На службѣ короля чужого; внукъ
Филиппа заживо былъ кинутъ въ море,
И родъ его пресѣкся. Медичисы
Владѣли долго родиной Филиппа,
Охотно покорялись имъ потомки
Филипповыхъ сограждан и друзей...

О, наша матерь—вѣчная земля!
Ты поглощаешь такъ же равнодушно
И потъ, и слезы, кровь дѣтей твоихъ,
Пролитую за праведное дѣло,
Какъ утреннія капельки росы!
И ты, живой, подвижный, звучный воздухъ—
Ты такъ же переносишь равнодушно
Послѣдній вздохъ, послѣднія молитвы,
Послѣднія предсмертныя проклятья,
Какъ пѣсенку пастушки молодой...
А ты, неблагодарная толпа,
Ты забываешь такъ же беззаботно
Людей, погибшихъ честно за тебя,
Какъ позабудутъ и твои потомки
Твои нѣмыя, тяжкія страданья,
Твои нетерпѣливыя волненья
И всѣ побѣды громкія твои!
Блаженъ же тотъ, кому судьба смѣется!
Блаженъ, кто счастливъ, силенъ и неправъ!!!

Дверь отворилась... и вошелъ Козьма.

Bayerische Staatsbibliothek München

СОДЕРЖАНІЕ

ДЕВЯТАГО ТОМА:

	стр.
Клара Миличъ.—Повѣсть	3
Стихотворенія въ прозѣ:	
Отъ редакціи „Вѣстника Европы“	64
1. Деревня.	66
2. Разговоръ.	68
3. Старуха.	69
3. Собака.	71
5. Соперникъ.	71
6. Нищій.	72
7. „Услышишь судъ глупца“	73
8. Довольный человѣкъ	74
9. Житейское правило.	75
10. Конецъ свѣта. Сонъ	75
11. Маша.	77
12. Дуракъ.	78
13. Восточная легенда.	80
14. Два четверостишія.	82
15. Воробей.	84
16. Черепья.	85
17. Чернорабочій и бѣлоручка.	86
18. Роза.	87
19. Памяти Ю. П. Вревской.	88
20. Послѣднее свиданье.	89

стр.

21. Посѣщеніе 90
22. Necessitas — Vis — Libertas. 91
23. Милостыня. 92
24. Насѣкомое. 93
25. Щи 94
26. Лазурное царство.. 95
27. Два богача. 96
28. Старикъ. 97
29. Корреспондентъ. 97
30. Два брата. 98
31. Эгоистъ 99
32. Пиръ у Верховнаго существа. 100
33. Сфинксъ. 101
34. Нимфы. 102
35. Врагъ и другъ. 104
36. Христосъ. 105
37. Камень.. 106
38. Голуби. 106
39. Завтра! Завтра! 108
40. Природа. 108
41. „Повѣсить его!“ 109
42. Что я буду думать?. 111
43. „Какъ хороши, какъ свѣжи были розы“. 112
44. Морское плаваніе 113
45. Н. Н. 114
46. Стой!. 115
47. Монахъ. 116
48. Мы еще повоюемъ! 116
49. Молитва. 117
50. Русскій языкъ. 117

Стихотворенія.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Поэмы.

стр.

Параша. 121
Разговоръ 149
Помѣщикъ. 173
Андрей. 194

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Мелкія стихотворенія.

Вечеръ 237
Къ Венерѣ Медицейской 238
Старый помѣщикъ 240
Баллада. 242
Похищеніе 243
Замѣтила ли ты? 245
Конецъ жизни 245
Нева. 246
*** 248
Человѣкъ, какихъ много 249
Толпа. 250
Когда давно забытое названье. 251
Весенній вечеръ 251
Цвѣтокъ. 252
Для недолгаго свиданья. 253
Осень 254
Гроза промчалась. 254
Ѳедя 255
Къ А. С. 256
Въ ночь лѣтнюю 257
Къ *** 258
Откуда вѣетъ тишиной. 258
Призваніе. 259
В. Н. Б.. 261
Варіаціи:
I. Когда такъ радостно 262
II. Ахъ, давно-ли гулялъ я съ тобой 262
III. Въ дорогѣ 263

стр.

Брожу надъ озеромъ. 264
Къ чему твержу я стихъ унылый 264
Деревня 264
На охотѣ—лѣтомъ 265
Безлунная ночь. 266
Дѣдъ 267
Гроза 268
Другая ночь. 269
Кроткіе льются лучи 269
Передъ охотой. 270
Первый снѣгъ 271
Одинъ, опять одинъ я 271
Крокетъ въ Виндзорѣ 273
Милый другъ 274

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Переводы.

Тьма. Изъ Байрона 279
Римская элегія. Изъ Гете. 282
Послѣдняя сцена первой части „Фауста“ Гете. 284
Не ждете-ль вы, что назову я. Изъ А. Мюссе. 293

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Эпиграммы, письма, неоконченныя стихотворенія.

Эпиграммы: Дружинину, Кетчеру, Никитенко, Кудрявцеву, Достоевскому 297
Изъ писемъ къ Е. Я. Колбасину, В. П. Боткину и Фету. . 298
Графиня Донато. (Начало поэмы). 306
Филиппо Стродзи 308

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Turgenev, Ivan Sergeevič,

Polnoe sobranie sočinenij I. S. Turgeneva v 12 tomach

Bd.: 9

1898

P.o.russ. 59 w-8/9
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11869869-0